

Российская Академия Наук
Институт философии

**ПОЛИТИКО-ФИЛОСОФСКИЙ
ЕЖЕГОДНИК
Выпуск 3**

Москва
2010

УДК 10+320
ББК 66.01+87.6
П 50

Редколлегия:

И.К. Пантин (ответственный редактор), *Б.Г. Капустин*, *А.А. Кара-Мурза*,
И.И. Мюрберг (ученый секретарь), *В.Г. Федотова*, *В.Н. Шевченко*

Рецензенты

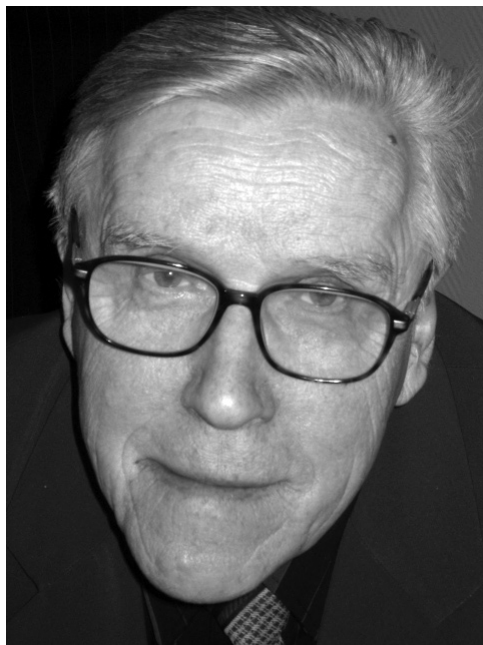
доктор филос. наук *Н.С. Автономова*
доктор филос. наук *Б.И. Пружинин*

П 50 **Политико-философский** ежегодник. Вып. 3 [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. И.К. Пантин. – М. : ИФРАН, 2010. – 194 с. ; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0172-3.

Третий выпуск «Политико-философского ежегодника» посвящен исследованию капитализма, его политическим институтам и ассоциируемым с ними политико-философским теориям. Другой важной темой выпуска является изменение вектора политического развития нашей страны за прошедшие два десятилетия, история Новой России подробно освещена под этим углом в статье И.К.Пантина о «российском выборе». Кроме того, в выпуске получила продолжение ставшая традиционной рубрика о проблемах политического образования.

**В ЭТОМ ГОДУ ИСПОЛНЯЕТСЯ 80 ЛЕТ
ПАТРИАРХУ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ –
ДОКТОРУ ФИЛОСОФСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРУ
ИГОРЮ КОНСТАНТИНОВИЧУ ПАНТИНУ**

В сумбуре конца 1980-х, в обстановке беспрецедентной политизации общества он едва ли не первым ощутил назревшую потребность в модернизации российского обществознания, обогащении его достижениями современной политологии. В то непростое для страны время весь свой творческий потенциал и немалый опыт руководства научными сообществами Игорь Константинович посвятил задаче создания коллектива единомышленников, людей, желаю-

И.К. Пантин

щих и могущих профессионально исследовать вопросы политики. В 1991 г. его усилиями было учреждено первое в России периодическое издание по политологии – журнал «Полис», на страницах которого читатель всегда может найти грамотный анализ вопросов текущей политики, а также приобщиться к образцам высокой теории. Для самого Игоря Константиновича в политологии не существует таких тем, которые он не смог бы профессионально обсуждать с коллегами, студентами и всеми желающими – обсуждать в свойственной ему ясной и элегантной манере, доступной лишь тем из нас, кто досконально владеет своим предметом и обладает врожденной широтой ума.

Каждое новое исследование И.К.Пантина – это всегда событие для тех, кто занимается теорией политики и кого волнует судьба России. Наш «Ежегодник» отмечает юбилей своего главного редактора публикацией в разделе Dixi его новой статьи «Российский выбор: сделан, отсрочен, отменен?».

Редколлегия, авторский коллектив и читатели «Политико-философского ежегодника» сердечно поздравляют Игоря Константиновича со славным юбилеем. Мы горды тем, что у нас такой главный редактор, мы все ощущаем себя его учениками. Мы желаем нашему юбиляру здоровья, благополучия и радости новых свершений.

ПОЛИТИКА – НАУКА – РАЦИОНАЛЬНОСТЬ

Е.А. Самарская

Наука как фактор организации масс: к истории вопроса

Вопрос о науке как факторе организации масс, естественно, связан с феноменом массового индустриального общества. До появления последнего основная масса населения была занята сельскохозяйственным трудом, жила в деревнях, подчиняясь традиционному укладу жизни. Развитие промышленного производства вызвало рост городского населения, в котором самый многочисленный слой представлял пролетариат. Это было скопление людей, оторванных от деревенских корней, обладавших уже более широким кругозором, чем у крестьян, знакомых с техникой и к тому же начинавших постепенно осознавать, особенно под влиянием социалистов, свою социальную и политическую силу. Можно сказать, что наука (техника) способствовала формированию городской массы населения опосредованно, через промышленное производство. Но есть и другая сторона дела. «Массу» еще надо было организовать, организовать ее труд и быт, вписать ее в социальные и политические структуры общества. И тут на сцену выходят социальные науки: политическая экономия, социология, науки о государственном управлении. В самом их появлении в XVIII–XIX вв. мы можем видеть подтверждение факта ускоренной рационализации общественной жизни. Конечно, импульс движения исходил не от них, это был стихийный процесс, социальные науки лишь раскрывали законы всесторонней рационализации общественной жизни и предлагали проекты по ее усовершенствованию.

В этой связи на память прежде всего приходит имя М.Вебера, который зафиксировал растущую рационализацию общественных процессов. Но он был далеко не единственным: можно сослать-

ся, например, на его современника Ж.Сореля, который дал анализ форм объективированного разума в истории. В качестве таковых он называл фабрику, рынок, демократию, отмечая их ориентацию на количественные отношения в обществе, на их абстрактный характер, оторванность от качественных форм жизни. Он писал, что рынок подобен парламенту: если в последнем конкретные мнения исчезают, будучи растворены в безличной общей воле, то на рынке различные товары идентифицируются соответственно абстрактной меновой стоимости. Интересно, что, давая апологию труда рабочих, Сорель рассматривал фабрику также как *социальную* абстракцию: на фабрике стираются качественные особенности разных видов труда, и в результате рабочие предстают как «атомы среднего качества», в отношении которых уместен лишь количественный анализ. Фабрике он противопоставлял сельское хозяйство как область «качественного труда», «биологического производства», «которое представляет крайнее разнообразие и не поддается никакому общему закону»¹. Аналогом сельского труда он готов был считать и труд рабочих, если только он имеет не механический, а творческий характер. Он критиковал Маркса за то, что тот, разработав теорию трудовой стоимости, стал рассматривать труд как нечто усредненное, выразил рыночный подход к труду, сказав, что каждый должен получать вознаграждение соответственно количеству затраченного труда.

Сорель хотел ограничить экспансию рационального, распространение его на общественную жизнь, он желал придать более высокое значение качественным ценностям. Нечто подобное видим мы и у М.Вебера, хотя его рассуждения о «рационализации» встроены в совершенно иной философско-политический контекст. Вебер одним из первых обратил серьезное внимание на сознательно осуществляемую организацию общества или, по его терминологии, «рационализацию». Ее как таковую он считал особенностью западной культуры, отмечая, что ею пронизаны все стороны общественной жизни: наука, право, искусство, архитектура, а главное, государственное управление, управление на производстве и т. д. Он видел в ней процесс длительный, растянувшийся на века и разновременный для разных сфер общества: неверно, например, считать ее просто следствием формирования рационалистической философии Просвещения. Можно выделить ряд особенностей ра-

ционализации социальных отношений по Веберу. Прежде всего этот процесс представлялся ему как систематизация рациональных правил и установлений. Именно на Западе сформировалась наука как система, только Западу Нового времени стала известна систематическая и притом профессиональная научная деятельность. Если не ограничиваться духовными сферами, а иметь в виду практику, то здесь рационализация общественной жизни олицетворяется фигурой чиновника, сосредоточившего в своих руках все управление. Чиновники известны всем культурам, но нигде, кроме Запада, нет «полной зависимости всей жизни, всех ее политических, технических и экономических предпосылок от *организации* профессионально подготовленных чиновников, подчинения всего человеческого существования технически, коммерчески и прежде всего *юридически* образованным государственным чиновникам, которые являются носителями основных повседневных функций социальной жизни...»². Государство как рациональный институт известно только Западу, то же относится к производству: стремление к наживе существовало во все времена и во всех регионах мира, а капитализм как систематизация прибыли путем непрерывно действующего капиталистического предприятия появился на Западе.

Важный аспект рационализации в веберовском толковании заключен в том, что она как бы противостоит живому, подавляет «жизнь», так видоизменяя правила человеческого поведения, чтобы дать расцвести «делу»; благодаря ей «человек существует для дела, а не дело для человека»³. Смысл рационального как антитезы живому Вебер отлично продемонстрировал, показав превращение христианской аскезы в мирскую через посредничество протестантизма. Благодаря распространению протестантизма «христианская аскеза, устремившаяся вначале из мирской жизни в затворничество, уже в стенах монастыря господствовала в лице церкви над миром. При этом, однако, она не посягала на естественные, непосредственные черты мирской повседневной жизни. Теперь же она вышла на житейское торжище, захлопнула за собой монастырские ворота и стала насыщать мирскую *повседневную* жизнь своей методикой, преобразуя ее в рациональную жизнь *в миру*, но *не от* мира сего и *не для* мира сего...»⁴ Переселившись в мирскую жизнь, религиозная аскеза способствовала формированию громадного кос-

моса современного хозяйства, связанного с механическим машинным производством, в который вовлекается и в котором принуждается к производственной дисциплине каждый человек.

Главный смысл рационализации, по Веберу, состоит в том, что она указывает на встроенность общества в деятельность индивидов, которая благодаря этому имеет «общностно» ориентированный характер. Согласно Веберу, общественные ориентиры присутствуют в действии индивида в форме совокупности рациональных установлений, существующих в государстве, церкви и в других коллективных объединениях. Предназначение этих рациональных установлений – служить рамкой для действий каждого члена коллективных образований, в силу чего они, например, государство, насильственно навязывают своим членам определенный тип поведения. Чем многочисленнее и многообразнее сферы, на которые индивид рационально ориентирует свое поведение, тем выше «рациональная организация общества». Согласно Веберу, в ходе европейской истории возрастал удельный вес действий, основанных на рациональных установлениях.

А между тем в понимающей социологии Вебера роль индивида в плане его отношений с общественными институтами далеко не нивелирована. В работе «О некоторых категориях понимающей социологии» Вебер подчеркивает, что «рассматривает отдельного индивида и его действие как первичную единицу, как «атом»⁵. Индивид – носитель осмысленного поведения, поэтому коллективные действия союзов, общностей, государств приобретают форму определенных видов совместной деятельности, и задача социологии заключается в том, чтобы свести их к «понятному поведению, а такое сведение всегда означает только одно – сведение к поведению участвующих в этой деятельности индивидуальных лиц»⁶. В другом месте Вебер, говоря о действиях государств, акционерных обществ, пишет, что рассматривает их просто как «процессы и связи специфического поведения отдельных людей»⁷.

Уверенность Вебера в том, что индивид как носитель смысла первичен в отношении общественных объединений, поражает несоразмерностью сравниваемых явлений. Действительность рационализированных обществ убеждает скорее в обратном – в том, что индивиды вынуждены постоянно приспособливаться к правилам общественных институтов, часто не понимая их при-

роды и назначения. Сам Вебер замечает в этой связи: «Прогресс в области дифференциации и рационализации общества означает, что в конечном итоге обычно (хотя и не без исключений) те, кого рациональные методы и порядки практически касаются, все больше отдаляются от их рациональной основы, которая в целом от них более скрыта, чем смысл магических процедур, совершаемых колдуном, от дикаря»⁸. Допустим, что в данном случае речь идет о рядовых людях, которые выступают пассивными объектами манипуляций со стороны крупных общественных образований и просто не вникают, не обязаны вникать в последний смысл тяготеющих над ними формализованных правил и процедур. Но дело не только в непонимании, история XX в. демонстрирует такие феномены, как фашистские государства, сталинское государство, смысл политической практики которых просто превосходит возможности понимания со стороны большинства людей, даже задействованных в таких государственных механизмах. Более того, в тот же исторический период происходили политические и социальные процессы, которые просто не мог понять и предвидеть никто. Например, российская социалистическая революция 1917 года имела целью создание социалистического общества, а в результате колоссальных усилий народа образовался СССР, тоталитарное бюрократическое государство. Допустимо отчасти отнести произошедшее за счет того, что правящая партия большевиков сознательно приспособлялась к обстоятельствам, чтобы удержаться у власти. Но все ли можно этим объяснить? Не свидетельство ли это того, что история смеется над людьми, подсовывая им такие результаты их общественных начинаний, которых они и предположить не могли? Поневоле приходится вспомнить о марксистско-гегелевской идее отчуждения, согласно которой результаты общественных начинаний обретают в конечном итоге смысл, противоположный предполагавшемуся.

Вебер тяготел к инструменталистскому пониманию рационального, но в тот же исторический период в Европе широко распространился иной подход к вопросам общественной рационализации и организации, где был задействован не инструменталистский, а спекулятивный подход к ним. Имеются в виду марксовы представления о рациональном характере человеческой истории, в которых можно выделить два аспекта. Во-первых, Маркс в своей

политической экономики исследует абстрактный мир рыночных отношений, противопоставляя им коммунизм как мир качественных реалий (качественного, а не абстрактного труда, ориентирование производства на потребности, а не на прибыль и т. д.) Во-вторых, Маркс, вслед за Гегелем, видел в истории процесс развития разума (духа), закономерную смену исторических формаций. Оба аспекта в мышлении Маркса были тесно связаны: протест против капиталистических абстракций включен Марксом как центральный момент в становление исторического разума. Цели человеческой деятельности включены в рационализированное движение истории, более того, становление всеобщего разума и является целью истории. Конечно, приходит на ум, что история, как процесс потенциально бесконечный, не имеет цели. Но у Гегеля и у молодого Маркса отдельно взятый цикл развития разума имеет цель и потому конец: совершив диалектический круг, разум приходит к сознанию самого себя, к гармонии индивидуального и всеобщего. У Маркса такой диалектический цикл направлен на создание коммунизма: труд (деятельный разум) создает общество, которое оказывается поначалу чуждым ему, но в результате общественных преобразований они гармонизируются и синтезируются. Это можно обозначить еще как синтез труда и разума. Впоследствии Маркс несколько изменил свою точку зрения, создав, по свидетельству Энгельса, проект подлинной науки истории, центром которой было учение о смене общественно-экономических формаций. Теперь конечная цель пролетарской борьбы оказывается продиктована наукой, она указывает на коммунизм как задачу пролетарского движения. В «Святом семействе» Маркс писал об этом следующее: «Дело не в том, в чем в данный момент *видит* свою цель тот или иной пролетарий или даже весь пролетариат. Дело в том, *что такое пролетариат на самом деле* и что он сообразно этому своему *бытию* исторически вынужден будет делать. Его цель и его историческое дело самым ясным и непреложным образом предугадывается его собственным жизненным положением, равно как и всей организацией современного буржуазного общества»⁹. В этом высказывании, выдержанном как будто в соответствии с марксистским принципом – общественное бытие определяет общественное сознание – настораживают слова о том, «*что такое пролетариат на самом деле*». Они предупреждают, что выявить принцип общественного

бытия пролетариев не так просто, во всяком случае цели его деятельности могут и не соответствовать задачам, которые возлагает на него его общественное бытие. Действительно, вся история рабочего движения, в ходе которой не раз происходили столкновения между стихийными интенциями пролетариев и той конечной целью, какой наделили их марксисты, а именно, устройением коммунистического общества, свидетельствует о несоответствии.

Бытие пролетариата оказывается у Маркса двойственным: с одной стороны, это конкретный класс со своими особыми интересами, с другой стороны, он носитель всеобщего интереса, облеченный миссией создателя истинного общества – коммунизма, в котором конечная цель исторического движения и истина достигнут тождества. В отличие от Вебера, он не признавал множественности целей человеческого действия и инструментального характера знания. У Маркса все цели как бы стянуты в единую цель-ценность – коммунизм, и эта ценность оказывается тождественна истине, охватывая собой всю сферу рациональных отношений. Конечная цель – не результат свободного выбора, она составляет как бы горизонт, границу истины, исторического знания и пребывает на его краях. В силу указанного тождества истина оказывается телеологичной, а цель – ориентированной на высшее историческое знание, взятое в его полноте. Оно не имеет эмпирического индуктивного характера, на чем настаивал Вебер, оно дедуцировано из самой конечной цели и служит единственно для обоснования ее. Такая концепция исторического движения драматично сказалась на судьбе европейского рабочего движения в XX в. Э.Бернштейн первый обратил внимание на то, что в марксизме фигурирует не реальный пролетариат, а его идеальный образ. Сам Бернштейн предпринял попытку раскрыть конкретные исторические черты пролетариата своего времени, то есть конца XIX – начала XX вв., его связь с существующим национальным государством, его заинтересованность в системе социальной защиты, его включенность в систему демократии. Реальный пролетариат, как доказывает Бернштейн, мог вполне удовлетвориться социальными реформами, задача же радикального преобразования общества была навязана ему коммунистами. Бернштейн, который констатировал расхождение между реальным пролетариатом и его идеализированным образом в марксизме, и был вестником раскола в рабочем движении. В противовес

претендовавшему на научность марксизму каутскианского типа, в котором акцент был сделан на экономической стороне марксизма, Бернштейн апеллировал к этике и праву. Он констатировал, что социализм, будучи выражением реального интереса пролетариев, содержит «частицу научно недоказуемого»¹⁰. Из реформистов этической направленности сложились позже парламентские социал-демократические партии, порвавшие в конечном счете с марксистской устремленностью к созданию альтернативного общества. Реформисты, естественно, уходят от фетиша конечной цели и ее отождествления с наукой.

Иной вариант отношения к единству цели и знания можно отметить у марксистских революционных групп начала XX в. Довольно долгое время на рубеже веков их идеологом выступал К.Каутский. Он придерживался тогда сциентистской трактовки марксизма, видя в нем науку об истории, о смене общественно-экономических формаций. В научном социализме нет места этике: «Наука выше этики; ее результаты столь же мало нравственны или безнравственны, как сама необходимость»¹¹. Что касается революционной цели, то она представляет собой вывод из научного исследования истории, касающийся определения тенденций меняющейся социальной действительности. Более того, объективные законы истории обуславливают и формирование класса пролетариев, который должен сыграть решающую роль в уничтожении существующего положения дел и реализации конечной цели (коммунизма). Между тем развитие рабочего движения свидетельствовало о значительных расхождениях между революционной целью и практическими интересами рабочих. Каутский видел эти расхождения и считал, что когда проявляется это противоречие, рабочие должны отказаться от своих интересов и переориентироваться на революционную цель. Он писал: «Цель и движение соединены в социал-демократии и неотделимы друг от друга. Если когда-либо цели и движения вступают в конфликт между собой, то должно уступить последнее. Другими словами: интересы социалистического развития стоят выше интересов пролетариата, и социал-демократия не может защищать интересы пролетариата, препятствующие социалистическому развитию»¹². В этом контексте наука диктует цель рабочего движения, точнее, она перестает быть инструментом, средством, каким она была, например, у Вебера, и сама становится целью.

Однако что значит реализовать истину истории и есть ли вообще эта истина, если история не заканчивается в обозримом будущем? Даже поверхностный взгляд на практические ориентации ортодоксальных марксистов в начале XX в. убеждает, что они шли чрезвычайно разными путями, в результате чего произошел глубокий раскол в их лагере. Каутский в разгар первой мировой войны занял пацифистские позиции и выдвигал задачу борьбы за демократизацию международных отношений. Ленин предрекал близость социалистической революции в Европе и в России. Он непоколебимо верил в марксистские прогнозы относительно будущего человечества и поэтому так смело бросил свою партию в вихрь революционных событий 1917 г. и был так жесток в отношении всех, кто казался ему противником революции, а это была и буржуазия, и крестьяне, и даже сами пролетарии. Вряд ли большевики смогли бы решиться на все акты насилия в отношении российского населения, если бы не их энтузиазм, вызванный верой в научный характер марксистского учения. Но вскоре они начали ощущать, что с марксистскими истинами не все обстоит гладко, Ленин опомнился к 1921 г., когда инициировал нэп. Сталин же пресек процесс такого осознания революционных реалий, поставив социалистическую оболочку советского государства на службу делу создания могущественной державы. Истина истории оказалась, таким образом, совсем не той, на которую рассчитывали марксисты.

Марксизм не был единственной формой социальной науки, стремившейся в XX в. организовать массу. Другой ее вариант представлен социологией Э.Дюркгейма. Наука Маркса дедуктивна и абсолютна. Наука Дюркгейма индуктивна и не претендует на абсолютную истину. Пафос научности – одна из наиболее характерных черт мировоззренческих систем индустриальной эпохи. У Дюркгейма этот пафос столь силен, что побуждает его стать в резкую оппозицию к практике и сформированным на ее основе понятиям, которые он, в отличие от научных, называет «предпонятиями». Ведь для практики могут быть пригодны и ложные знания, практика даже вредит науке, требуя от нее «не объяснений, а лекарств»¹³. Именно ориентация на практику «отличает алхимию от химии и астрономию от астрологии»¹⁴. Все возникшие в практике и для практики «предпонятия» Дюркгейм уподобляет «идолам» Ф.Бэкона и хочет изгнать их из социологии, так как они мешают

научному познанию действительности. Наука должна рассматривать социальные явления как «вещи», «факты», отделяя их от тех практических представлений, которые составили о них действующие субъекты.

Тут возникает вопрос: если практика чужда науке, то что значит наука для практики? Дюркгейм не говорит прямо, что наука может диктовать цели человеческого действия, он утверждает, что она может помочь практике, проводя различие «нормального» и «патологического», «здорового» и «болезненного» в социальных явлениях. Дюркгейм рассуждает об этом по аналогии с живыми организмами, у которых здоровым считается то, что наиболее характерно для особей данного вида. Он пишет: *«Социальный факт нормален для определенного социального типа, рассматриваемого в определенной фазе его развития, когда он имеет место в большинстве принадлежащих к этому виду обществ, рассматриваемых в соответствующей фазе их развития.»*¹⁵ Отсюда напрашивается вывод, что в общественной деятельности надо стремиться не к беспочвенным идеалам, а к «нормальному» состоянию общества, представление о котором дает наука. Пример научного подхода к обществу, по Дюркгейму, демонстрирует проделанный им анализ таких болезненных социальных явлений, как преступление или самоубийство.

По поводу первых Дюркгейм доказывает, что преступление нормально, поскольку оно осуществляется людьми под влиянием индивидуальных условий жизни и поэтому может приходить в противоречие с коллективными нормами. Оно даже полезно, ибо расшатывает коллективное сознание, а это необходимо для наступления перемен. Оно может свидетельствовать о характере грядущих перемен и часто оказывается «провозвестником будущей нравственности, продвижением к будущему»¹⁶. Такие рассуждения если и могут помочь юридической практике, то очень косвенно, отсылая исследователя к сопоставлению количества тех или иных преступлений в разных, но близких по типу обществах и к установлению причин наблюдаемой разницы. В данном случае научная социология не диктует практике никаких масштабных целей.

Несколько иначе обстоит дело с исследованиями, которые Дюркгейм посвятил сравнительному анализу самоубийств в примитивных и в современных обществах. Дюркгейм не ограничи-

вается выводом, что самоубийства нормальны, хотя такая мысль проскальзывает в его текстах, он выделяет среди них особый тип «аномических» самоубийств (самоубийств, совершенных на почве неудач в продвижении к социальному успеху). Эти последние он считает ненормальными и борьбу с ними определяет как главную моральную, социальную, политическую задачу современности. Но в этом осуждении «аномических» самоубийств Дюркгейм следует не столько рекомендованному им самим принципу сопоставления их количества в разных, но однотипных обществах, сколько некоему иному методу. Суждение о них он, как кажется, выносит, сопоставляя современный стиль жизни с сохраняющимися в развитых обществах анклавами жизни традиционной. Таковы семья, религиозная община, которые в силу заложенного в них принципа солидарности могут снижать количество самоубийств, совершаемых на почве неудовлетворенных эгоистических притязаний. Таким образом, именно традиционная мораль подсказывает Дюркгейму осуждение индивидуализма, которому он противопоставляет ценность солидарности, защищая ее во всех сферах общественной жизни. При этом он оставляет в стороне вопрос о том, пришла ли к нему эта ценность из области науки или из глубины морального убеждения.

В этой связи интересно подробнее рассмотреть вопросы: что такое наука Дюркгейма? Является ли требование солидарности выводом из его социологии или ее предпосылкой? Дюркгейм резко отделял социологию от биологии или психологии. Ему чужды теории, апеллирующие (в стиле Т.Гоббса или Ж.-Ж.Руссо) к естественным правам человека как фундаменту формирования общественного договора, это ложный, искусственный путь интерпретации сути обществ. Ему чужды и историцистские системы, также, с его точки зрения, восходящие к образу некоей универсальной человеческой сущности. В этом духе он обычно критикует О.Конта с его идеей движения истории от теологического состояния к метафизическому и далее к позитивному промышленному обществу. Он вообще критически относится к телеологическим концепциям истории: история не дает возможности судить ни о настоящем, ни о будущем.

Дюркгейм отбрасывает установку на то, чтобы мыслить об обществе, исходя из индивида: «Общество не простая сумма индивидов, но система, образованная их ассоциацией и представляющая собой реальность *sui generis*, наделенную своими особыми

свойствами...»¹⁷. Его убеждение заключается в том, что общество есть особая реалья – более высокая по сравнению с жизнью степень материальной вселенной. Поэтому надо не столько изучать общество, исходя из индивида, сколько индивида объяснять с позиций общества: «Бесспорна та истина, что нет ничего в социальной жизни, чего бы не было в индивидуальных сознаниях; но почти все, что в них находится, взято ими у общества. Большая часть наших состояний сознания не появилась бы у изолированных существ и проявилась бы совсем иначе у существ, сгруппированных иным образом. Значит, они вытекают не из психической природы человека вообще, но из способа, каким ассоциировавшиеся люди воздействуют друг на друга соответственно их количеству и степени сближения»¹⁸. Социальная солидарность кажется при этом тем, что составляет исходный пункт социальной науки Дюркгейма.

С другой стороны, прослеживание степени социальной солидарности составляет метод исторического анализа Дюркгейма, соответственно которому он рассматривает развитие от простых сегментарных обществ к сложным централизованным обществам. Суть процесса он видит в том, что в обществах под влиянием разделения труда слабеет социальная связь, развивается индивидуализм, грозящий распадом общества. Очевидны в этом случае как отличие Дюркгейма, например, от Маркса, так и определенное их сходство в том акценте, который они делали на роли разделения труда в истории. Но Маркс на основании этого приходил к выводу о том, что оно ведет к господству рыночных абстракций, у Дюркгейма абстракцией оказывался сам индивид, оторванный в результате разделения труда от общества как целого. Маркс хотел переделать общество, Дюркгейм стремился воспитать солидарных индивидов.

Поэтому вызывает возражения точка зрения французского исследователя творчества Дюркгейма Ж-К.Филлу, который представляет его поборником идеи автономной личности¹⁹. Он даже утверждает, что главной целью Дюркгейма было установить бесконечное достоинство человека в индустриальном обществе. В концепции Дюркгейма есть линия рассуждений, на которую могут опираться подобные выводы. Но они представляются недостаточно обоснованными, если иметь в виду систему Дюркгейма

в целом. Он не столько приветствовал расцвет индивидуальности, сколько опасался его, полагая при этом, что связь индивида с обществом слабеет и возникает опасность разрушения последнего. Он не раз останавливался на той мысли, что «культ индивида», установившийся в современных обществах, несет с собой угрозу распада. Именно с целью избежать этой перспективы развил он идею корпорации как посредствующего звена между индивидом и государством. В одной из статей, говоря о разрушительной силе индивидуализма, Дюркгейм добавлял: нужно, «чтобы индивид чувствовал эту социальную массу, которая охватывает и пронизывает его, чтобы он чувствовал ее присутствие и воздействие и чтобы это чувство всегда управляло его поведением»²⁰. Профессиональные объединения выступают у Дюркгейма как носители главной ценности – социальной солидарности. Тут мы подходим к полному пониманию того, что питает дух научности, к которой стремился Дюркгейм: его наука родилась из необходимости управления обществом атомизированных индивидов.

Нравственные ценности и другие духовные идеалы составляют, по Дюркгейму, силы социального притяжения, главным механизмом которого выступает у него государство, оно стоит (должно стоять) на страже нравственности, права и представляет вообще организующее начало общественной жизни. Но в современных обществах выполнение этой задачи становится непосильным для государства из-за их раздробленности. «Общество, – писал он, – состоящее из множества неорганизованных, подобных пыли индивидов, которых гипертрофированно развитое государство силится заключить в свои объятия и удержать в них, представляет собой настоящее социологическое чудовище. Коллективная деятельность всегда слишком сложна, чтобы ее мог выразить один единственный орган – государство»²¹. Поэтому, делал вывод Дюркгейм, нужны некие промежуточные между государством и индивидами органы, которые стояли бы ближе к индивидам, чем государство, и способствовали поддержанию социальной связи. Таковы, по его мысли, профессиональные корпорации, которые могут выполнять в отношении индивидов роль нравственного авторитета и давать им ощущение солидарной жизни. Нужно, писал Дюркгейм, сделать социальные группы снова достаточно сплоченными, чтобы они крепче держали индивида и чтобы индивид крепче держался

за них²². Итак, несмотря на свое стремление оставаться на уровне изучения социальных фактов, Дюркгейм все же формулирует идеал солидарности, являющийся скорее предпосылкой его научных исследований, чем выводом из них.

Подводя итоги, можно отметить, что феномен рационализации общественной жизни в массовых индустриальных обществах рассматривали представители разных направлений в социологии и политологии, и их отношение к этому феномену было разным. Вебер принимал рационализацию как неизбежность, но не приписывал ей всепоглощающего характера. Он оставлял историческим субъектам место для свободного выбора как в их действиях, так и в интерпретации ими исторических событий. В своей «понимающей социологии» он уделял внимание не только изучению причинно-следственных связей в социальной жизни, но и тех ценностей, которыми руководствуются исторические субъекты. Детерминизм для него столь же важен, сколь и сфера ценностей. У Вебера нет единого идеала, организующего общественную жизнь. Он настаивал на многообразии ценностей, с позиций которых интерпретируется история и творится ее смысл.

Маркс и марксисты тоже говорили о приоритете рационализации в современном им обществе, которая проявляется в формах рынка, парламента, правовых отношений, но занимали резко критическую позицию в отношении господствующих абстракций. Они предсказывали революцию, направленную против этих последних и имеющую целью победу качественных ценностей в рамках коммунизма. Осмысление этой борьбы занимало центральное место в марксизме, и она изображалась как прорыв в истину и единение с конечной целью истории. В отличие от Вебера, марксисты признавали одну цель и одну абсолютную истину, с помощью которых они способствовали организации масс в рамках социальных движений XX в.

Э. Дюркгейм разрабатывал социологию как индуктивную науку, которая должна служить нормализации обществ, помогать устранению «патологических» и «болезненных» явлений в их функционировании. Не желая пророчествовать о будущем, он тем не менее сформулировал ценность корпоративной солидарности, с помощью которой полагал возможным преодолеть чрезмерный индивидуализм современных обществ. Его социология претендо-

вала на удовлетворение потребности управления сложными индустриальными обществами, пришедшими на смену более простым в управлении сегментарным и полисегментарным обществам.

Ортега-и-Гассет писал когда-то о «восстании масс» применительно к Европе начала XX в.: масса склонна к разным формам социального и политического насилия, она навязывает всем свои вкусы, ее существование грозит цивилизации «неподдельным декадансом». Обращает на себя внимание его характеристика человека массы как носителя стереотипного поведения (он действует, как «все»), безынициативного и безответственного. На это хочется возразить, что масса – не неподвижный феномен: та, о которой писал Ортега-и-Гассет, была воспитана и организована многими институтами тогдашних европейских обществ. Ортега-и-Гассет сам осознавал, что техника и наука определили во многом ее характер, дав импульс специализации промышленного труда, он даже называл человека науки «прототипом» массового человека. В этом с ним солидарен Э.Дюркгейм, который увязывал генезис современного человека с разделением труда, благодаря чему и развился тип человека-функции, частичного и потому абстрактного. Маркс тоже писал о формировании человека, занятого абстрактным, частичным трудом, и связывал это с устройством фабрик. Можно сказать, что массовый человек Ортеги-и-Гассета не восставал, вопреки его мнению, против европейской цивилизации, он был ею создан. В целом в XX в. преобладала масса, созданная для фабричного производства и для крупномасштабных войн. Наше время связано с большими изменениями производственных технологий и вообще организационных структур в общественной жизни, что неизбежно должно вести к изменению характера массы и управления ею.

Примечания

- ¹ Сорель Ж. Введение в изучение современного хозяйства. М., 1908. С. 25.
- ² Вебер М. Избр. произведения. М., 1990. С. 47.
- ³ Там же. С. 90.
- ⁴ Там же. С. 183–184.
- ⁵ Там же. С. 507.
- ⁶ Там же. С. 506.
- ⁷ Там же. С. 614.

- ⁸ Там же. С. 544.
- ⁹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 2. С. 89.
- ¹⁰ *Бернштейн Э.* Возможен ли научный социализм? Б/м, б/г. С. 16–17.
- ¹¹ *Каутский К.* Этика и материалистическое понимание истории. Пг., 1918. С. 122.
- ¹² *Каутский К.* Аграрный вопрос (Аграрная программа). Харьков, 1899. С. 18.
- ¹³ *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991. С. 423.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ *Дюркгейм Э.* Метод социологии. С. 461.
- ¹⁶ Там же. С. 467.
- ¹⁷ *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. Метод социологии. С. 493.
- ¹⁸ Там же. С. 327.
- ¹⁹ *Filloux J.-Cl.* Durkheim et le socialisme. Geneva, 1977.
- ²⁰ *Дюркгейм Э.* Социология. М., 2006. С. 197.
- ²¹ *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. С. 32.
- ²² *Дюркгейм Э.* Самоубийство. М., 1994. С. 376.

К. Касториадис

«Рациональность» капитализма¹

*Вассилису Гондикасу,
этому ходячему олицетворению способности суждения*

В эпоху, когда официальные показатели безработицы достигли во Франции трех с половиной миллионов человек и составили более 10 процентов от всего активного населения стран еврозоны, в эпоху, когда европейские правительства отвечают на создавшуюся ситуацию упрочением таких дефляционных мер, как снижение бюджетного дефицита, разговоры об «экономической рациональности» современного капитализма кому угодно покажутся чудачеством. Если же принять во внимание невероятный идеологический регресс, поразивший общества Запада с конца 1970-х гг., подобные разговоры окажутся не таким уж чудачеством – точнее, чудачеством покажется нечто другое. Кое-что из общепринятых истин, таких как убийственные критические выпады кембриджской школы в адрес академической политико-экономической теории 1930–1965 гг. (Пьеро Сраффа, Джоан Вайолетт Робинсон, Ричард Фердинанд Кан, Джон Мейнард Кейнс, Михаль Калецки, Джордж Леннокс Шарман Шекл, Николас Калдор, Луиджи Лодовико Пасинетти и др.), не было рассмотрено и опровергнуто, а было попросту встречено молчанием, после чего предано забвению, тогда как вполне прижились некоторые наивные и претенциозные вымыслы вроде «классической политэкономии» или «монетаризма», и к тому же подпевалы неолИБЕРАЛИЗМА изображают в виде общеизвестных и несомненных фактов свои собственные аберрации, а между тем почти повсеместно абсолютная свобода движения капитала разрушает целые отрасли промышленности, и мировая экономика превращается в казино общепланетарного масштаба.

Этот регресс не ограничивается сферой экономики. Почти столь же пагубное воздействие имеет он на политическую теорию (принцип «представительной демократии» стали считать чем-то безупречным и необсуждаемым как раз тогда, когда он начал терять былую респектабельность в странах, имеющих опыт представительного правления) и вообще на общественные науки и гуманитаристику; свидетельство тому мы находим в нынешнем сциентистско-позитивистском наступлении на психоанализ, набирающем силу в Соединенных Штатах с начала 70-х гг.

Социально-исторический фон описанной регрессии виден невооруженным глазом. Он следует за социально-политической реакцией, продолжающейся с конца 70-х гг.; во Франции ее главной опорой были «социалисты». Пока ничто не позволяет нам говорить об окончании регресса – разве что предугадать, что в далеком и туманном будущем этот новый курс капитализма проявит тенденцию к саморазрушению. Но и эта перспектива не приносит утешения, ибо на повестке дня стоит нечто гораздо большее, чем крушение капитализма; достаточно обратить внимание, помимо прочего, на опасность разрушения окружающей среды в общепланетарном масштабе. Это делает императивной задачу осуществления критического анализа происходящих изменений. Однако не эта задача является главной для настоящей статьи.

Капитализм – первый социальный строй, идеология которого содержит требование «рациональности». Другие типы общественных институций опираются на мифические, религиозные или традиционалистские основания. В данном же случае утверждается существование «рационального» типа легитимации. Но в действительности подобный критерий – критерий рациональности (в отличие от освященности опытом или традицией, данности богами и т. п.) – *установлен* капитализмом. Между тем все происходит таким образом, будто факт недавнего происхождения этого критерия не релятивизирует его, а наоборот, делает его бесспорным. Но как бы мы ни отмахивались от этой стороны дела, нам не избежать вопроса: что в таком случае есть рациональность и с какой именно рациональностью столкнулись мы сейчас? Капитализм способен принимать определенную разновидность гегельянства: разум, как утверждал этот старый учитель Маркса, есть действие, направленное к определенной цели. Следовательно-

но, разумность как критерий рациональности есть *соответствие* действия цели. Тем самым мы как бы избавляем себя от необходимости задаваться вопросом относительно рациональности самой цели. Ясно, что этот тип рациональности, ограничивающийся рассмотрением средств, – любопытно, что Макс Вебер называл ее *Zweckrationalität*, а именно *целерациональностью* (цель полагается уже данной), т. е. инструментальной рациональностью – не имеет собственной ценности. Выбор наилучшего яда для убийства собственного мужа или наиболее эффективной водородной бомбы, с помощью которой мы намерены стереть с лица земли миллионы людей, – подобный выбор самой своей «рациональностью» усиливает чувство ужаса, вызываемое в нас не только этой целью, но и средствами, позволяющими достичь ее с максимальной эффективностью. Однако в своем наиболее филантропическом аспекте капиталистическая идеология содержит притязание на осуществление такой «рациональной» цели, как «благосостояние», «благополучие». Специфика подобных притязаний заключена в том факте, что обретение благосостояния, благополучия оказывается здесь тождественным достижению экономического максимума, оптимизации экономики; стало быть, это притязание равнозначно утверждению, что благосостояние, благополучие обязательно (или с высокой долей вероятности) явятся следствием указанной максимизации или оптимизации. Тем самым рациональность прямо или косвенно сводится к «экономической» рациональности, последняя же определяется как чисто количественный способ установления максимизации/минимизации – максимизации «продукта» при минимизации «затрат». Что же до решения о том, каким должен быть «продукт» и как таковой надлежит оценивать, его, очевидно, должен принимать правящий режим одновременно с решением вопроса о выборе «средств» и об их количественной стороне².

Отметим, что об относительности избираемых каждой культурой критериев нам известно еще от Макса Вебера (это если не вспоминать Геродота). Каждое общество одновременно выбирает для себя не только определенные институциональные основы, но и их «легитимацию». Такая легитимация (данный западный термин неадекватен, в нем уже заложен некий тип «рационализации») почти всегда носит неявный характер. Точнее говоря, она содержит в себе «тавтологию»: положения Ветхого Завета или Корана имеют

своим «обоснованием» то, что сами они и утверждают, а именно, что «есть только один Бог», и данные установления воплощают Его слово и Его волю. В других случаях – мы имеем в виду древние общества – аналогичным установлениям находится оправдание в том факте, что их дали предки, коих надлежит почитать и уважать, согласно заповедям, исходящим от самих означенных институтов. Столь же тавтологична рациональная «легитимация» капитализма: какой член этого общества, если только он не поэт и не мистик, дерзнет выступать против «рациональности»?

Круг, очерчиваемый институтом, конечно, представляет собой лишь частный случай круга сотворения. Институт не может существовать без утверждения собственного существования, грубая сила вообще способна выполнять подобную роль только в течение кратких периодов³. Можно отвлечься и спросить, каким в таком случае должно быть автономное общество, а именно общество, способное явно или неявно подвергать сомнению собственные институты. Очевидно, что в определенном смысле оно также не в состоянии покинуть этот круг. Это будет подтверждением того, что социальная и коллективная автономия «имеет право на существование и нужна». Определенно, она сможет обосновать свое существование, помимо прочего, собственными делами – в том числе антропологическим типом автономного индивида, которого она создаст. Но возможность позитивной оценки содеянного ею все же будет зависеть от тех критериев – вообще говоря, от сигнификаций социального воображаемого, которые она же и институтирует. Я говорю все это, чтобы напомнить, что после того, как все будет сказано и сделано, ни одна разновидность общества не сможет найти обоснования себе вне себя самой. Выйти из этого круга невозможно, так что из попыток сделать это не получится никакого основания для критики капитализма.

Следует заметить, что в последнее время штатные идеологи оставили попытки обоснования или легитимации режима. Они ограничиваются теперь указаниями на банкротство «реального социализма» – как если бы совершенное Ландрю являлось бы оправданием для совершаемого Стависки⁴ – и на показатели роста – там, где рост продолжается. Ранее, при написании трактатов об «экономике благосостояния», они вели себя более мужественно. Верно и то, что плачевное положение марксистских или псевдомарк-

систских профессиональных экс-критиков капитализма позволяет этим идеологам, в полном согласии с духом времени, отбросить всяческие претензии на серьезность.

Как бы там ни было, наша критика в основе своей будет имманентной. Это будет попытка показать, что на уровне теории построения академической политической экономики бессвязны или бессмысленны или годятся лишь для фиктивного мира; что на эмпирическом уровне реальное функционирование капиталистической экономики только отдаленно связано с тем, что говорится об этом в «теории». Другими словами, критика капитализма будет осуществляться в согласии с его же критериями. Последующее рассмотрение разбито на четыре части:

- специфика капиталистического установления и его общественно-историческая относительность;
- теоретическая идеология капиталистической экономики;
- истинная реальность капиталистической экономики;
- факторы, обеспечивающие производственную эффективность капиталистического общества и его общественно-историческую «живучесть».

Специфика капиталистического установления и его общественно-историческая относительность

Для всякого, кто берется обозревать историю, характерной чертой капитализма по сравнению с другими формами общественной жизни, несомненно, является позиционирование экономики – производства и потребления, а также, гораздо шире, «экономических критериев» – в качестве центральной сферы и высшей ценности общественной жизни. Королларием из этого будет конституирование специфически капиталистического социального «продукта». Короче говоря, вся человеческая деятельность и все ее результаты рассматриваются капитализмом в той или иной степени как экономическая деятельность и экономические продукты, или, по меньшей мере, они будут характеризоваться и оцениваться в сущности по их экономической составляющей. Стоит ли уточнять, что подобная оценка осуществляется исключительно в денежном выражении?

Этот аспект был со всей откровенностью признан уже в конце XVIII в., если не раньше. В обоснованиях современного безразличия к общественным делам и политике (например, у Адама Фергюсона в книге «Опыт истории гражданского общества», 1759 г., и Бенжамена Констана в работе «О свободе древних по сравнению с современной свободой», 1819 г.) фигурирует ссылка на центральную роль, которую играют в жизни современного человека экономические интересы. Певцами «индустриальной» или «позитивной» эпохи стали Сен-Симон и Огюст Конт. Отрывки из «Рукописей 1844 г.» К.Маркса, касающиеся преобразования всех ценностей в денежные стоимости, прекрасны и сильны, но и они в содержательном плане не выбиваются из общего для эпохи понимания (ср. с Бальзаком) – разве что они более едки и критичны. Вместе с тем характерен тот факт, что присущее тому времени ясное понимание историчности наблюдаемого явления быстро затушевывается апологетами нового режима, рекрутируемыми из числа экономистов. Освящение произошедшего приняло форму прославления капитализма, представляемого теперь как «рациональный» экономический режим, появление которого знаменует триумф разума в истории, оставляя предшествующим режимам беспросветную тьму «готики» (выражение аббата Сийеса) или первобытного строя. В их трудах историческое появление капитализма предстает эпифанией разума, тем самым ему пророчат безграничное будущее. Как писал Маркс, для них «история была раньше, но теперь ее нет»⁵.

Любопытно (а может быть, и не очень, если судить по тому, какие идеологические выгоды принесла эта позиция), что у экономистов, начиная с Давида Рикардо и вплоть до наших дней, было принято отрицать историчность капитализма. Политическая экономия и ее объект прославлялись как исследование «чистой логики» выбора или как изучение «способов размещения ограниченных средств в целях достижения неограниченных целей»⁶. Это должно было быть также исследование на тему, может ли подобный выбор (его критерии и его объект) делаться совершенно независимо от социально-исторической формы, в рамках которой его совершают. Исследование должно было проводиться так, как если бы оно касалось только экономики или, соответственно, как если бы экономика могла подчинить себе всю сопряженную с вы-

бором – от стратегии до хирургии – человеческую деятельность. Эта аберрация просуществовала до нашего времени: «экономики» и желание произвести экономический расчет присутствуют почти повсеместно, от образования до пенитенциарной политики. Ясно, что с этой точки зрения «образ мысли» экономической науки (далее это выражение пойдет без кавычек во избежание стилистической тяжеловесности) применим *de jure* и даже *de facto* ко всем возможным обществам.

В модифицированном виде эти идеи были возрождены в работах Фридриха Августа фон Хайека. О капиталистическом обществе утверждает, что оно зарекомендовало себя с наилучшей стороны: доказало свое превосходство над другими обществами с помощью дарвиновского естественного отбора. Полагается, что это общество оказалось единственным способным выжить в условиях борьбы с другими социетальными формами. Помимо того, что все это является нелепостью – я имею в виду приложение дарвинистской схемы к исторически существующим социальным формам (выживание сильнейших говорит лишь о способности к выживанию; доминирование капитализма говорит лишь о том, что он сильнее других в самом грубом и жестоком значении слова, а не о том, что оно является наилучшим или наиболее «рациональным», – «антиметафизик» Хайек проявляет здесь себя как наивульгарнейший гегельянец), мы знаем, что на деле все обстоит не так. Наблюдаемое в XVI, XVII и XVIII вв. представляет собой отнюдь не конкуренцию неограниченного числа режимов, над которыми одерживает победу капитализм, а загадочную синергию огромного числа факторов, ведущую к единому результату⁷. Ни для кого не является секретом то, что общество, основанное на высоких технологиях, впоследствии могло демонстрировать свое превосходство уничтожением наций и племен американских индейцев, тасманских и австралийских аборигенов и порабощением многих других народов.

Нет необходимости приводить здесь примеры и перечислять исследования, показывающие, что почти повсеместно в истории человечества развитие шло через режимы, при которых экономическая «эффективность», максимизация «продукта» и т. д. являлись препятствиями для основных видов социальной деятельности. Не то чтобы эти общества были поистине «иррациональными» с точ-

ки зрения организации труда или производственных отношений, но почти всегда, по достижении определенного технологического уровня, общественная жизнь начинает демонстрировать иную совокупность целей, нежели увеличение «производительности» труда при помощи технических изобретений или перестройки методов работы и производственных отношений. Данные отрасли человеческой деятельности были подчинены другим, либо интегрированы в другие отрасли, которые и рассматривались на данный момент в качестве воплощений основных целей человеческой жизни. И что самое важное, они не *разделялись* на «производство» и «экономику». Такое деление произошло довольно поздно и в основном совпало по времени с институционализацией капитализма, будучи осуществлено с помощью последнего и во имя его. Ограничимся здесь упоминанием работ о североамериканских индейцах Руфи Бенедикт, об обществах тихоокеанских островов (Маргарет Мид), об острове Бали (Грегори Бейтсона) и т. д., не забывая также о написанном Пьером Кластре о *тупи-гуарани* и Жаком Лизо о *яномамо*. В последнее время Маршалл Салинс представил весьма удовлетворительное синтетическое рассмотрение всей совокупности поставленных ранее вопросов⁸. Кроме того, сказанное не касается одних лишь «первобытных людей». К аналогичным выводам приводит нас экономическая антропология Древней Греции, равно как и средневековых обществ (Гуревич)⁹.

Все работы на тему появления капитализма в Западной Европе, какой бы ни была обоснованность каждой из них, ярко демонстрируют «случайность» этого процесса. Приведем в пример Макса Вебера, Вернера Зомбарта, Ричарда Тони и т. д. и т. п. Даже для такого убежденного сторонника «исторической необходимости» как таковой и необходимости капитализма в частности, каким был Кард Маркс, рождение капитализма немислимо без того, что он справедливо называет *первоначальным накоплением*. В главах 26–32 первого тома «Капитала» он показывает, что первоначальное накопление обуславливалось факторами, в которых не было ничего «экономического» и которые никоим образом не зависели от «рынка»: речь идет об изъятиях, мошенничествах и насилии, совершаемых как частным порядком, так и под руководством государства¹⁰. В более недавнем времени аналогичное исследование проводилось – непосредственно на данную тему – Карлом Поланьи в «Великой трансформации».

Прежде чем идти дальше, следует ответить на вопрос о том, какой должна быть адекватная характеристика капиталистического режима. Давно, самое позднее со времен Маркса, известно, что специфику капитализма составляет не просто накопление богатства. Стяжательством занимались многие общества в истории человечества, известны также и попытки латифундистов широко-масштабно применять рабский труд (в частности, в относительно близкую нам эпоху имперского Рима). Но для определения капитализма простой максимизации (богатства, производства) как таковой недостаточно. Маркс уловил суть вопроса, когда в качестве определяющей черты капитализма он постулировал накопление производительных сил вкупе с систематической трансформацией процессов производства и труда и с тем, что он назвал рациональным применением науки к процессу производства. Решающая роль принадлежит не накоплению как таковому, а постоянной трансформации процесса производства, нацеленного на увеличение объемов производимого одновременно со снижением затрат. Эти характеристики и составляют то главное, что Вебер позже назвал «рационализацией», относительно которой он совершенно верно утверждал, что при капитализме она имеет тенденцию распространяться на все сферы жизни общества – в частности, путем расширения империи расчетов. К сказанному Марксом и Вебером Георг Лукач добавил важный анализ овеществления всей порожденной капитализмом общественной жизни.

Почему «рационализация»? Подобно всем порождениям истории, преобладание тенденции к «рационализации» есть в сущности дело случая. Имея отправным моментом нечто другое, мы не смогли бы ни вывести из него рационализацию, ни породить ее. Но мы можем дать ей более подробное описание, связав ее с чем-то более известным, более знакомым, воплощенным в других формах при других типах социальной организации, – с тенденцией к господству. Это позволит нам, в частности, связать ее с одной из наиболее глубинных черт человеческой психики – стремлением к всемогуществу. Но эта тенденция, это стремление к господству, в свою очередь, не есть нечто относящееся исключительно к капитализму; аналогичную тенденцию демонстрируют, например, социальные системы, ориентированные на завоевания. Однако мы можем приблизиться к пониманию специфики капитализма, рассмотрев две

его существенные черты. Первая из них та, что это стремление к господству не просто ориентировано на «иноземные» завоевания, но в той же и даже в большей степени посягает на общество в целом. Достичь господства нужно не только в производстве, но и в сфере потребления и не только в экономике, но и в образовании, праве, политической жизни и т. д. Было бы ошибкой (в духе марксизма) считать эту экспансию чем-то «второстепенным» или инструментальным по сравнению с господством в производственной сфере и в экономике, которую бы следовало считать главным объектом рационализации. Но это лишь одна из сигнификаций социального воображаемого, которое захватывает одну за другой разные сферы общества. Конечно, то, что все «началось» с производства, не является случайностью: именно в производстве технические изменения впервые становятся объектом рационализации доминирующего типа. Но производство не обладает монополией на нее. Между 1594 и 1607 гг. Морис, принц Оранский, граф Нассауский, первый штатгальтер (статхаудер) Голландии и Зеландии, с помощью своего кузена Вильгельма Луи Иоганна, ввел стандартные правила обращения с мушкетом: эти правила содержат приблизительно сорок точных действий, которые надлежит выполнять мушкетеру для того, чтобы все вместе они могли совершать одинаковые действия в едином ритме. Позже эти правила сформулировал Якоб де Гейн в своем учебнике «Обращение с оружием», изданном в Амстердаме в 1607 г. и сразу же получившем широкое хождение в Европе, а также по приказу царя переведенном для практически неграмотной России¹¹. Второй существенной чертой несомненно является то, что стремление к господству начинает пользоваться новыми средствами достижения своей цели – особыми («рациональными», иначе говоря, «экономическими») средствами. Теперь его средства – уже не магия и не победа в боях, а (так уж случилось) рационализация, обретающая здесь особое, весьма специфическое содержание: максимизация или минимизация, то есть, *экстримизация*, если пользоваться математическими понятиями (максимум и минимум есть два примера «экстримума»). Принимая во внимание эту совокупность фактов, мы получаем возможность охарактеризовать основную сигнификацию социального воображаемого капитализма как стремление к неограниченной экспансии «рационального господства». Ниже я поясню, почему я пользуюсь кавычками.

Эта безграничная экспансия рационального контроля идет рука об руку с несколькими другими общественно-историческими движениями и находит в них свое воплощение. Я хочу говорить не о последствиях капитализма (например, урбанизации и изменениях в характере городов), а скорее о тех факторах, присутствие которых явилось существенным условием его возникновения и развития.

Колоссальное ускорение технического развития, бывшее исторически новым явлением (этот момент, при всей его банальности, нельзя недооценивать). Ускорение обеспечивалось расцветом науки, начавшимся еще до Возрождения, но гораздо сильнее обозначившимся с его наступлением. В новейший период оно преобразовалось в автономное движение технауки. Нельзя недооценить одной частной черты этой технической эволюции: она ориентирована главным образом на сокращении участия человека в производстве, а затем и полного устранения его из производства. Это объяснимо: ведь человек – самый сложный для подчинения объект. Но в то же время это ведет к иррациональностям другого рода, например, несовершенства и сбои в технических системах чреват катастрофическими последствиями.

Рождение и упрочение современного государства. Развитие государства в Западной Европе шло рука об руку с созданием абсолютистского государства, которое питало и облегчало его развитие в ряде отношений. В то же время это централизованное государство бюрократизировалось: «упорядоченная» бюрократическая иерархия заняла место более или менее хаотичных связей времен феодализма. Эта бюрократизация государства и армии составила организационную модель нарождающейся капиталистической бизнес-модели.

В наиболее значимых случаях (Англия, Франция, страна Басков) создание современного государства шло параллельно с формированием современных наций. Таким образом, современное государство конституировалось как сфера нации, сфера, которая и с экономической (национальные и колониальные защищенные рынки, государственные установления), и с юридической (унификация правил и юрисдикций) точки зрения играла существенно важную роль на первой стадии капиталистического развития.

Имела место значительная антропологическая мутация. Любыми правдами или неправдами экономическая мотивация стремилась подменить собой все прочие мотивы. Человек превра-

тился в homo economicus, то есть homo computans. Длительность была поглощена распространенным на все измеримым временем. Центральной фигурой сделался шumpетерианский тип предпринимателя, в ту пору – спекулянт. Различные профессии все более переходили к образу мысли, основанному на расчете и прибыли. В то же время на свет появился и начал свое развитие рабочий класс, которому психологически присуще чувство солидарности, неприятие существующего строя и стремление этот строй оспаривать. На протяжении почти что двух веков он находился в оппозиции к господствующей ментальности, создавая условия для социального конфликта.

Главный факт состоит в том, что рождение и развитие капитализма происходило в рамках общества, в котором конфликт и, в частности, критика существующего строя присутствовали с самого начала. Эта критика, изначально заявлявшая о себе как прото-буржуазное движение, нацеленное на установление независимости общин, что поставило бы под вопрос установленный порядок в условиях, сложившихся в Западной Европе, эта критика в конечном счете стала выражением возврата к античному по своему происхождению стремлению к автономии. Данное стремление было присуще различным типам демократического и рабочего движения. По прошествии начальной стадии развитие капитализма стало немислимым без внутреннего соперничества, получившего решающее значение в качестве неотъемлемого условия его развития, о чем пойдет речь ниже.

Теоретико-идеологические основы капиталистической экономики

То, что теперь принято называть «экономической наукой», служило мишенью столь уничтожающей критики и имело так мало общего с действительностью, что само обращение к данной дисциплине может показаться анахроничным и бесполезным занятием – попыткой травить мертвую собаку. Но как я уже отмечал, идеологическое попятное движение ныне столь интенсивно, а дебри, порожденные этими теориями во многих умах, столь непроходимы, что нам не обойтись здесь без краткого обзора их содержания.

Существовала определенная классическая форма политэкономии, получившая свое завершение у К.Маркса. При этом, как отмечал и сам Маркс, то, что у классиков было серьезной попыткой анализировать новую складывавшуюся социальную действительность, в руках эпигонов Адама Смита и Давида Рикардо сразу же превратилось в дело прославления нового режима. По окончании фазы буржуазной апологетики политэкономия надела математическое облачение, что позволило ей претендовать на «научность». Но постоянные попытки выступать от лица существующего режима, изображая его неизбежным и оптимальным, выдавали идеологический характер также и этой формы политэкономии. Для нас не составит труда показать, что для достижения этого идеологического эффекта достаточно было бы любого из названных достоинств: неизбежное одновременно является и оптимальным – лишнее упоминание об этом способно набить оскомину. Поэтому ограничимся задачей выявления ряда основополагающих постулатов названной идеологии, дабы показать их бессодержательность и отсутствие у них всякой связи с реальностью.

Господствующей здесь является идея *отдельности*, делающая возможной обращение с данной сферой как с самостоятельной. На деле же экономический аспект, как и все вообще аспекты жизни социума, не является ни чем-то отдельным, ни чем-то неразличимо слитым с прочими – ясно, что само представление о сферах, аспектах используется в чисто метафорическом смысле. Что касается экономической деятельности, то действующего внутри нее индивидуума или фирму, конечно же, можно помыслить как сущности, совершенно независимые от других; при этом, однако, все аспекты их деятельности постоянно перекрещиваются с деятельностью неисчислимого множества других индивидуумов и фирм – перекрещиваются многообразными и совершенно неразделимыми способами. Когда какая-то бизнес-структура принимает решения, она делает это в соответствии с «общей атмосферой мнений»; ее решения, сколь бы незначительными они ни были сами по себе, изменяют эту атмосферу. Независимо от желаний самой фирмы ее действия либо облегчают (внешнеэкономическая целесообразность), либо осложняют (внешнеэкономическая нецелесообразность) функционирование других фирм; кроме того, и сама она будет претерпевать положительные или отрицательные воздействия

со стороны других фирм и других факторов общественной жизни. Так что приписывание деятельности какой-либо фирмы определенного экономического результата носит чисто условный, произвольный характер; оно ориентируется на границы, очерченные законом о частной собственности, бытующими условностями и обычаями. Столь же произвольно происходит приписывание тому или иному производственному фактору, будь то «капитал» или «труд», экономической выработки. Капитал (в смысле произведенных средств производства) и труд вместе участвуют в создании продукта, причем ни тот, ни другой не может выделить в этом процессе собственного вклада за исключением самых тривиальных случаев, в которых подобное тоже не просто сделать. То же можно сказать и о различных производственных операциях на фабрике, равно как и о функционировании различных отделов предприятий торговли. Мало того, данное суждение применимо и к «трудовой выработке» любого индивидуума. Никто не в состоянии делать то, что он делает, не будучи погруженным в синергию общественно-го производства, не воплощая своими мыслями и делами аккумулярованного опыта предшествующей истории. Все эти факторы молчаливо принимаются классической политической экономией за «дары истории», но результаты этих даров вполне ощутимы; мы замечаем их, например, при сравнении производительности труда европейского населения с производительностью населения стран, находящихся на докапиталистической стадии¹². Общественный продукт есть результат кооперации коллектива, границы которого расплывчаты. Представление о некоем индивидуальном продукте есть наследие юридической договоренности/института, связанное с первым пришествием «частной собственности». Эти представления – как о разделимости продукта вообще, так и, в частности, о возможности что-либо приписать индивидууму – суть допущения, имплицитные постулатами экономической теории.

Первый из этих постулатов, явно или косвенно присутствующих даже в ее смягченных формах, есть идея «экономического человека». Она распространяется не только на индивидуумов, но также и на организации (организации бизнеса и государства, хотя любопытно, что последнее, кажется, избегает постулата рациональности, характеризующего всех прочих акторов экономической жизни; несомненно, это из-за того, что она нарушается вмешатель-

ством политических факторов. Тот факт, что эти коллективные тела вырабатывают собственные формы отношений, специфические «рациональности» и особенно «иррациональности», не слишком волнует данных теоретиков. Их «экономический человек» отличается уникальной и полной просчитываемостью. Он ведет себя, как компьютер, ежеминутно максимизирующий/минимизирующий результаты собственных действий. Этой картиной легко рассмешить любого, достаточно только с предельной ясностью представить себе последствия подобной фикции: например, что такой человек каждое утро, перед тем как встать с постели, бессознательно перебирает в уме миллиарды возможностей, дабы сделать предстоящий день максимально приятным и минимально неприятным; он сравнивает различные комбинации, так что, спуская ноги с кровати, он уже готов к действию; мало того, он готов пересмотреть результаты сделанных выводов в свете новой поступающей информации. Подобно тому, как тот общий взгляд на капиталистическую систему, которого придерживаются его апологеты, видимо, ничего не знает о ее истории, этнологии и социологии, данный постулат также желает игнорировать психологический, психоаналитический и социологический аспект функционирования групп и организаций. Никто не ограничивает свою деятельность непрестанной максимизацией «пользы», прибылей или минимизацией «вреда», затрат, и никто не захочет так жить. Ни один потребитель не знает и не может знать всей механики рынка, всех достоинств и недостатков товаров. Никто не руководствуется исключительно соображениями пользы или личной «оптимальности по Парето». Каждому приходится делать свой выбор в конкретной наличной среде; на всех влияет реклама и общественное мнение; вкусы каждого отражают массу социальных влияний, с экономической точки зрения более или менее случайных. Это в равной мере касается и решений, принимаемых организациями. Мало того, что управляющая бизнесом бюрократия располагает неполной информацией о предмете и по большей части руководствуется ложными критериями; сами ее решения не являются выводами, основанными на «рациональной» процедуре; она принимает их в соответствии с исходом борьбы кланов и кланов, каждый из которых ведом рядом мотиваций, помимо максимизации ее прибылей – мотива, часто не являющегося самым важным.

Постулат математизации явно дополняет постулат «рационализации», понимаемой в исключительно количественном смысле. Учебники и ученые труды по политической экономии пестрят уравнениями и графиками, почти всегда бессмысленными и годными разве что в качестве простейших упражнений по дифференциальному исчислению и линейной алгебре. У этой бессмысленности несколько причин.

Такая математизация в сущности является количественной (алгебраизированной). Реальная же экономика являет собой парадокс присутствия полного набора качеств, математизировать которые возможно разве что на самом элементарном уровне. У них, конечно, есть физические качества, но они, как известно, разнородны. Их невозможно суммировать или вычитать одно из другого, если только они не копируют друг друга в точности (здесь я не веду речи об инженерном расчете). И тем не менее на рынке или в национальных бухгалтерских балансах они суммируются, будучи представлены в ценовом выражении. Но устанавливаемые этим путем значения имеют смысл лишь в узких понятийных рамках. Их, например, невозможно сопоставлять с показателями другой эпохи или другой страны. Только показатели внутри системы текущих цен поддаются суммированию, они есть «снимок» лишь данного момента с ограниченными смысловыми параметрами. Строго говоря, в сравнении, например, величин национального продукта в различные периоды смысла мало, даже если это близко прилегающие друг к другу периоды: их состав все равно уже изменился, а методы, изобретенные для того, чтобы обойти пресловутую проблему индексирования, не слишком точны. Это не подрывает истинности заявлений типа: «В нынешнем году производство упало по сравнению с предыдущим годом», – но это делает поистине смехотворными соответствующие фиксации изменений, затрагивающие лишь сотые или тысячные доли показателей.

Политическая экономия продолжает считать «капитал» фактором производства, понимая под этим всю совокупность произведенных средств производства. Но по-настоящему измерить эту совокупность невозможно, и вот почему: ее состав разнороден; составляющие ее оценки рыночных цен товаров меняются изо дня в день и зависят от уровня спроса и ожидания прибыльности; на стоимость составляющих ее элементов влияют постоянно вмещи-

вающиеся технические изобретения (новые машины способны совершенно обесцениться, если на рынке появятся более совершенные), также влияет на «стоимость» этих элементов перемена «вкусов» – то есть более или менее устойчивые модификации в структуре потребительского спроса. Все это, конечно, не мешает учебникам по политэкономии и даже нобелевским лауреатам рассуждать о «производственных функциях» и спорить о том, какую форму они должны принять.

В то время как дифференциальное исчисление имеет дело с постоянными величинами, существующие в экономической сфере количества дискретны, независимо от того, имеете ли вы в виду их «физическое» обличье или их стоимость, выраженную в текущих ценах. Производные и дифференциалы, которыми наводнены тексты по экономике, представляют собой насмешку над математикой. Все кривые «маржи», представленной будь то в ценовом выражении или в виде «пользы» и пр., абсолютно бессмысленны. Правда, этот же вопрос об основополагающих принципах возникает и в квантовой физике: здесь дифференциальное исчисление используется, несмотря на предполагаемо дискретный характер, присущий подструктурам. Тем не менее доступная наблюдению реальность является достаточно «псевдоконтинуальной» для того, чтобы служить оправданием для подобного обращения с собой; в пользу этого вывода свидетельствует научная эффективность используемых в физике методов. Это же относится и к уравнениям статистической термодинамики. Точки предполагаемой кривой допускают «интерполяцию» их на уровень носителей значений, доступных для крайне подробного наблюдения, и благодаря этому становится возможным вычисление некой производной. Но график, на котором нам дано установить далеко не все точки, не может быть объектом математического анализа. Это относится ко всем сферам экономики, но в особенности – к капиталу и производству. Вот впечатляющий пример (он ни в коей мере не исключителен): авиакомпания, желая увеличить пассажиропоток, может сделать это только через покупку оборудования, любая единица которого стоит не менее десяти миллионов долларов.

Все это позволяет сказать, что в экономике понятие *функции* не обладает необходимой достоверностью. Понятие функции предполагает наличие закономерности, устанавливающей совер-

шенно жесткую привязку одного или нескольких значений независимой переменной к одному или нескольким значениям зависимой переменной. Но даже в случае измеримости этих переменных остается тот факт, что подобных жестких зависимостей в экономике не существует. Конечно, в ней есть масса относительных зависимостей; без них было бы невозможно реальное функционирование экономики. Однако правильная оценка этих зависимостей и их адекватное применение экономическими акторами – дело в основном практического искусства, а не науки. Можно с известной долей уверенности утверждать, что если потребность в товаре увеличивается относительно более или менее неизменного предложения, то цена на товар будет расти. Но было бы нелепостью пытаться вычислить размеры этого роста математически. Аналогичным образом увеличение спроса в общем и целом порождает рост производства. Но конкретное распределение покупательной силы дополнительного спроса в условиях взаимодействия повышения цены и повышения и увеличением предложения в сфере производства зависит от сонма не поддающихся измерению и вообще анализу факторов: например, от степени монополизации отрасли, от того, оценят ли различные фирмы данный взлет спроса как преходящий или как устойчивый, и т. п. Да и саму возможность увеличения предложения в сфере производства в подобном случае нельзя определить *a priori*. **Определить производительность постоянного капитала с точностью возможно только в малом количестве отраслей (например, в производстве доменных печей).** В большинстве производственных отраслей эта производительность будет колебаться в зависимости от 1–3 факторов, от того, возможно ли введение на данном производстве работы в одну, две или три смены. Степень, в которой возможно использовать постоянный капитал, бывает разной; это же (хотя и в меньшей мере) можно сказать о том, с какой интенсивностью возможно эксплуатировать рабочую силу. И вообще, говорить о «законах» в экономике значит называть вещи не своими именами. Исключения составляют здесь те немногие тривиальные вещи, которые сами по себе и не подлежат строгому количественному анализу. Даже на незначительном временном отрезке, даже в аспекте экономической «статики» состояние системы и ее эволюция в основном зависят от действий и реакций индивидуумов, групп и классов, не будучи подчинены стро-

гому детерминизму. Еще в большей степени сказанное относится к средне- и долгосрочной эволюции, а она отчасти зависит от темпов и содержания технологического прогресса, который непредсказуем по самой своей сути. Если бы технологические изменения были предсказуемы, их, как заметила Джоан Робинсон в 1951 г., можно было бы осуществлять одним махом¹³. Эволюция технологий определяется, с одной стороны, отношением групп бизнеса, будучи мотивируема, помимо прочих «иррациональных» факторов, их ожиданиями, правильность которых никогда не гарантирована. С другой стороны, она определяется поведением трудящихся масс, предугадать которое так же трудно (например, расположенность выдвигать требования, равно как и успешность этого предприятия, зависит от психологических, политических и других факторов).

И последнее: основные аргументы [*l'essentiel des raisonnements*] академических экономистов касаются изучения положения «равновесия» и условий возможности такового. Одержимость идеей «равновесия» имеет два корня, оба из которых носят идеологический характер. Состоянию равновесия отдается предпочтение потому, что только оно допускает детерминацию и единодушие в решениях: в этом случае системы парных уравнений создают видимость строгой научности. В то же время равновесие всегда изображается в виде эквивалента «оптимизированных» ситуаций («очистка» рынков, полная занятость на предприятиях, полное удовлетворение потребителей и т. д.). В результате вплоть до 30-х гг. XX в. постоянная разбалансированность (она же катастрофическое или неоптимизированное «равновесие», «равновесие» монополистических или олигополистических рынков, предполагающее сверхэксплуатацию потребителей, или «равновесие» неполной занятости) обычно маскировалась или упоминалась между делом. Некто Артур Сесил Пигу преуспел даже в изображении случаев массовой неполной занятости в качестве относительно успешных состояний «равновесия», поясняя, что на деле безработные «сами ушли с рынка» в знак несогласия с постоянным падением уровня оплаты их труда и для того, чтобы найти другую работу. Подобные глупости процветают по сей день в виде утверждений, что уничтожить безработицу в Европе можно будет лишь в том случае, если «предложение труда» станет более «гибким», иначе говоря, если рабочие смирятся с урезанием зарплат и пособий. Но капита-

листической экономике присуще движение от одного дисбаланса к другому, в результате чего ожидания становятся беспочвенными, а сиюминутный спрос – находящимся во власти «пережитков» (Джоан Робинсон).

Подлинная реальность капиталистической экономики

- *Вопрос в том, – сказала Алиса, – как сделать, чтобы слова означали так много разных вещей.*
- *Вопрос лишь в том, кто из нас здесь хозяин,*
- *сказал Шалтай-Болтай, – вот в чем вопрос!*¹⁴

В течение долгого времени новая «экономическая наука» занималась только факторами, определяющими стоимость отдельных товаров в условиях статичного равновесия. Экономисты верили или притворялись верящими, что те же факторы, которые определяют «идеальную» стоимость товара при «идеальных» условиях (идеальной конкуренции и т. д.), определяют и все цены, включая «цену труда» и «стоимость капитала», которые в свою очередь детерминируют все, что является важным в экономике: ее глобальный баланс, распределение национального дохода, распределение производственных ресурсов между различными категориями потребителей, а также и ее долгосрочное развитие, хотя последний вопрос оставался непроясненным. Предполагалось, что все это с небольшими коррективами можно вывести из кривой стоимости и маржи, которые («доказать» это не составляло особого труда) всегда пересекаются в оптимальных точках «равновесия». Эту науку мало смущало то, что основной чертой капитализма является скачкообразное и бурное изменение экономики и общества, а значит, и непрекращающееся воспроизводство их прерывистого развития.

Этот мотив не устают напевать *sotto voce* (полушёпотом – итал.) нынешние экономисты-академики, но никто уже, кажется, не воспринимает его всерьез. Без сомнения, мы обязаны этим тому, что идеальная конкуренция является фикцией, эта чистая и идеальная или совершенно идеальная конкуренция рассеивается, как облако дыма (к этому я вернусь ниже), и даже на бумаге невозможно перейти от реальности олигополистических рынков к общим «балансам», оптимизирующим не иное, как прибыли олигополий

или, точнее, руководящих ими кланов. Мало того, *действительная* глобализация капиталистического производства с явленными ею колоссальными различиями условий производства, существующих, с одной стороны, в странах ранней индустриализации, а с другой – во «вновь возникающих» странах, делает смехотворными любые попытки заявлять о существовании даже приблизительной рыночной гомогенности «факторов производства» в общепланетарном масштабе.

Для стадии «классического» капитализма, т. е. приблизительно до 1975 г., три группы проблем представляли интерес для любого экономического анализа, который хотел бы сохранить убедительность в описании реальности и тех аспектов экономики, которые важны для нынешнего состояния общества и его дальнейшего развития. Первая группа, отчетливо обрисованная Риккардо и повторенная Марксом, – это проблемы распределения социального продукта («национального дохода»). Она серьезно влияет на распределение ресурсов между отраслями («секторами») производства. Вторая группа проблем касается соотношения между доступными производственными ресурсами («капиталом» и трудом) и реальным социальным спросом; от этого соотношения зависит, будет ли использование этих ресурсов полным или частичным. Эта группа проблем тесно связана с третьей, затрагивающей эволюцию экономики, т. е. действительный или желаемый рост производства. Все три группы тесно взаимосвязаны, поскольку, например, распределение дохода есть главный фактор, который регулирует распределение ресурсов, а оно в свою очередь играет ключевую роль в определении как количества, так и содержания инвестирования, а следовательно, в дальнейшем развитии экономики.

Если пренебречь деталями и качественным своеобразием отдельных случаев, а также для начала абстрагироваться от внешней торговли (например, предположить, что мировая экономика является почти гомогенной), то ответ на вопрос будет удивительно простым. Распределение доходов между социальными классами и между группами внутри этих классов зависит главным образом от соотношения сил между ними. Скажем, в первом приближении это распределение регулирует перераспределение ресурсов между потреблением и инвестициями. Грубо говоря, трудящиеся заработанное потребляют, а собственники тратят

заработанное. Они потребляют лишь меньшую часть своего дохода, а большую инвестируют или нет, и в этом случае она пропадает даром, и тогда возникает ситуация неполной занятости. Этим же детерминируется распределение инвестиций между промышленностью, производящей товары потребления, и промышленностью, производящей средства производства. «Общий баланс» – приблизительное равновесие между возможностью предложения свободного капитала или свободной рабочей силы и действительным, т. е. платежеспособным спросом – прежде всего зависит от количества инвестиций. Если считать заданной совокупную сумму заработной платы и доходов, пускаемых имущими классами на потребление, равновесие будет достигнуто только в том случае, если предприятия будут инвестировать примерно столько средств, сколько требуется для занятия производственных мощностей отраслей, производящих средства производства. Никаких препятствий к этому нет, но и гарантий тоже нет. Поведение предприятий зависит от множества факторов, главный из которых – ожидаемый производителем спрос на производимый продукт¹⁵. Касательно же этих ожиданий трудно давать какие-либо прогнозы и делать общие заключения. Отсюда периодически повторяющиеся колебания уровня активности и «непредвиденности», которые могут перерастать в настоящие депрессии или фазы галопирующей инфляции. Если в первом приближении рассматривать как практически неизменные ритмы технического прогресса, которые также повышают производительность труда, то те же ожидания и обусловленный ими уровень инвестиций будет определять рост экономики и на более длительный период. В этом случае на то, в каком направлении изменяются ожидания, будет оказывать сильное влияние весь прошлый опыт капиталистической экономики, который в целом является экспансионистским. Поэтому мы и получаем «долгосрочную» тенденцию роста, но одновременно и значительную долю неопределенности, присутствующей в каждый отдельный момент для каждого отдельного предприятия, что в сочетании с отдаленными воздействиями на имеющийся постоянный капитал предшествующих флуктуаций исключает саму возможность долгосрочного, взвешенного и устойчивого развития. Этот общий план может и должен быть точно дополнен рассмотрением других факторов (нарастание или

замедление технического прогресса, изменения в демографическом развитии, открытие новых, ранее не использованных географических зон и т. д.).

Ничто из вышесказанного не позволяет говорить ни об устойчивом развитии, ни об уровне экономического роста или оптимальном уровне производства, ни о максимизации социальной пользы, ни о вознаграждении за труд, которое соответствовало бы «марже», ни о естественной норме прибыли, ни о процентах, равно как и о прочих купидонах и нимфах, населяющих учебники по экономике. В частности, доход компаний не определяется «предельной стоимостью» их продукции, которая в обычное время фиксирует только нижнюю границу цены сбыта, а той ценой, которую они могут получить (навязывать, вымогать), исходя из наличного уровня спроса. Один только этот факт делает неуместными любые рассуждения о «рациональности» распределения ресурсов в экономике.

Приведем некоторые факты, наглядно демонстрирующие, что входит в понятие экономической «рациональности» при капитализме:

– каждая компания прежде всего осуществляет инвестиции в свой собственный сектор производства, а не в тот, где можно получить «спекулятивно большой» и, следовательно, «социально предпочтительный» доход. Если она рискует осуществлять инвестиции в другой сектор, то делает это потому, что предвидит там *оцутимо* высокую норму прибыли;

– почти все компании коммерческого сектора существуют в состоянии олигополии, а не конкуренции, если речь не идет о монополии или сговоре производителей в той или иной форме;

– данный факт превращает понятие «товара» как однородного продукта или «сектора» как совокупности фирм, производящих «один и тот же продукт», в набор невнятных представлений;

– решение компаний об инвестициях или отказе от них, о повышении или понижении стоимости продукции всегда опирается на неполную и искаженную информацию; в крупных компаниях такие решения являются результатом внутренних сражений между «экспертами» и бюрократическими кланами, а не процедуры рационального «принятия решений», как утверждает Герберт Александр Саймон и др.. Они в высшей степени пристрастны, т. к. служат цели сохранения руководящей команды, как это показал Робин Мэррис в своих работах 1960 гг.:

– вследствие бюрократизации компании и сопротивления трудящихся¹⁶, положение в самих компаниях обладает той или иной степенью непрозрачности для ее руководителей;

– «рынок капитала» (и кредита) является абсолютно «несовершенным» из-за того, что имеющиеся в наличии фонды, как уже говорилось, направляются преимущественно туда, где они были получены, из-за неопределенности с заемщиками, а также из-за сильной взаимозависимости, существующей между банками и промышленностью;

– на основании сказанного в предшествующем пункте мы можем заключить, что «капитал» как возможность распоряжения производительными ресурсами и, в частности, трудом других людей частично отделен от собственности или владения ценными бумагами. Главное здесь – возможность *доступа* к этим ресурсам, которая может быть обеспечена и другими путями (например, через банковский кредит);

– «оценка» существующих на рынке предприятий дает некую вымышленную стоимость, ибо она зависит от ожидания относительно их будущей прибыльности и прогноза «средней нормы» прибыли;

– производство и до определенной степени рынок занятости изобилует случаями, когда доходы гарантируются рентами ситуации;

– частная собственность на землю порождает абсолютную земельную ренту (Маркс), которая не имеет и не может иметь никакого экономического обоснования;

– рабочая сила не является товаром. Ее производство и воспроизводство не регулируется и не может регулироваться «рынком»¹⁷;

– действительная производительность труда (или действительное отношение получаемого вознаграждения к физическому продукту) в значительной степени является неопределенной.

В настоящий период развития капитализма, т. е. примерно в последнюю четверть XX в., эти положения были верными, однако новые факторы перевернули общую перспективу. Так, современная глобализация в сфере производства, ставшая возможной вследствие новаций, имеющих как технологический (речь идет, говоря кратко, о почти полном, с количественной точки зрения, уничтожении доли квалифицированного труда в материальном производстве, что отдало во власть мирового капитала миллиарды

голодных людей во всех частях мира), так и политический («разрушение» правительств в экономической политике, в частности, всеобщая либерализация мировых финансовых потоков) характер, – эта глобализация имеет следствием тот на первый взгляд парадоксальный факт, что разрушение гомогенности экономических условий производства обрело общемировой масштаб как раз в период формирования настоящего всемирного рынка. В подобной ситуации смехотворными становятся любые рассуждения о детерминации стоимости или чего-то другого, включая капиталистическую прибыль, «рациональными» факторами. Я вернусь к этому в заключении.

Относительная производительность, гибкость и сопротивление капитализму

Лучшее оправдание капитализма предложил в конце своей жизни Шумпетер в работе «Капитализм, социализм, демократия». Как резюмировала Джоан Робинсон, «система эта, конечно, жесткая, несправедлива, беспокойна, но она производит товар, и хватит уже возмущаться, ведь товар – это именно то, что вам нужно»¹⁸.

Здесь также налицо тавтологическое обоснование. В «богатых» странах люди «хотят» этот товар, потому что они с самого раннего возраста приучаются к тому, чтобы его желать (зайдите сегодня в любую начальную школу), и потому еще, что режим находит тысячу и один способ помешать им желать что бы то ни было другое. И пусть не капитализм изобрел то, что существует во всех странах и зовется силой примера, – именно он вознес власть примера на невиданную доселе высоту. В настоящее время капитализм так или иначе обеспечивает нас товарами. Спор должен на этом прекратиться: до тех пор, пока люди будут стремиться к накоплению баракла, накоплению все более и более бездумному, накоплению, которым занято все больше людей, накоплению, которое в один прекрасный день приведет или не приведет их к пресыщению, – до тех пор ситуация не изменится.

Однако остается несколько вопросов. До каких пределов доходит и на что опирается эта «эффективность» капитализма, несмотря на все ее ограничения? Почему режим смог выжить в череде

долгих кризисов и превратностей истории и выйти из них окрепшим, по крайней мере, до определенного момента? Что представляют собой изменения, порожденные новой фазой его развития?

Ответ на первый вопрос не так уж и сложен. Капитализм – это режим, который всеми силами стремится наращивать производство (не будем забывать: это определенный тип производства) и всеми средствами сокращать свои «издержки», а в число их, опять-таки не забудем, он включает далеко не все: ни разрушение окружающей среды, ни превращение человеческой жизни в нечто плоское и одномерное, ни уродование городов, ни повсеместное воцарение безответственности и цинизма, ни вытеснение искусства трагедии, равно как и традиций народных праздников телевизионными сериалами не принимаются во внимание в этой калькуляции и не смогли бы учитываться ни в какой калькуляции вообще. Для реализации своей цели капитализм имел свое ноу-хау, он сумел сделать ставку на беспрецедентное развитие технологий, которому всячески способствовал. И хотя технологии обладают узкой направленностью, они соответствуют поставленным целям: власть для высших слоев, массовое потребление для большинства из тех, кто внизу, обесмысливание труда, уничтожению человеческого в человеке как участнике производства. Но самым чудовищным из используемых средств стало разрушение всех предшествующих социальных различий и зарождение во всех или почти во всех душах страсти к приобретательству, распространяющейся практически на все, что представляется доступным. Эта серьезнейшая антропологическая мутация может быть истолкована и понята, но «объяснения» ей найти невозможно.

Начиная с определенного момента, а вовсе не с самого начала к этим средствам добавилось и преобразование самого древнего институционального механизма, каковым является рынок: он был освобожден ото всех пут и постепенно распространил свое влияние на все сферы социальной жизни. В этом виде рынок не является, никогда не был и не будет – до тех пор, пока существует капитализм, – «совершенным рынком ни даже тем рынком свободной конкуренции, о котором пишут благочестивые учебники по политической экономике. Его всегда отличали массивные вмешательства государственной власти, коалиции капиталистов, в нем практикуется сокрытие информации, манипулирование по-

требителями и открытое или тайное насилие над трудящимися. Он немногим отличается от обычных джунглей: в нем, как в любых джунглях, выжили и выживают наиболее приспособленные – разница лишь в том, что этой способности к выживанию не соответствует ни какой-либо социальный оптимум, ни даже максимум производства, поскольку производство ограничено концентрацией капитала, олигополиями и монополиями, не говоря уже об иррациональном ассигновании ресурсов, неиспользованных мощностях и постоянных конфликтах на рабочем месте. Но, несмотря на свои взлеты и падения, резкие подъемы и крушения, капитализм художественно функционировал в своих границах и сообразно своим целям.

Ответ на второй вопрос, если таковой вообще имеется, более трудный и сложный. Он по сути своей парадоксален. Сама по себе минимизация затрат логически подразумевает наивозможно низкую заработную плату при самой высокой производительности труда. Именно на эту ситуацию спонтанно ориентировался капитализм первой половины XIX в, и именно эту логику развил Маркс в своей концепции пауперизации и перепроизводства. Этой тенденции противодействовала борьба трудящихся, добившихся повышения заработной платы и сокращения рабочего дня, что и создало огромный внутренний рынок потребления, избавив капитализм от опасности утонуть в собственной [не востребованной – *Пер.*] продукции. Мы также видели (это известно, это можно доказать, что и было сделано Кейнсом), что капиталистическая система, будучи предоставлена самой себе, спонтанно идет не к «равновесию», каким бы приблизительным оно ни было, а, скорее, к чередованию фаз экспансии и «сокращения», экономических кризисов, самые тяжелые из которых способны породить и порождали значительные разрушения накопленных богатств и головокружительную безработицу (30% рабочей силы в США в 1933 г.). И здесь также, прежде всего именно в США, общественная и политическая реакция на произошедшее, начиная с 1933 г., навязала стране новую политику государственного вмешательства в экономику.

В обоих случаях – как в случае распределения общественного продукта, так и в случае укрепления роли государства – влиятельные капиталистические, банковские и академические круги яростно боролись с этой безумной инновацией, которая могла привести к «концу света». В течение долгого времени руководители произ-

водств не ограничивались требованиями военного вмешательства против бастующих рабочих (такое и на деле предпринималось); они провозглашали, что не могут пойти на повышение заработной платы или уменьшение рабочего дня, поскольку эти меры способны привести к разрушению предприятий и общества в целом, и они всегда находили профессоров экономики, готовых им поддакивать. В 1932 г. Руеф, этот герой французской политической экономии, организовал «дефляцию Лавалья». В это же время по другую сторону Ла Манша Государственное казначейство и Банк Англии выработывали меморандумы, объясняющие, что организация общественных работ с целью поддержания платежеспособного спроса приведет к экономической катастрофе.

Только после Второй мировой войны предприниматели и экономисты-академики смирились с более или менее регулярным повышением зарплат и государственным регулированием всеобщего спроса. Результатом явилась почти непрерывная эпоха продолжительного роста капиталистической экономики («славное тридцатилетие», как его называли французы). В 1960-е гг. совершенно отчетливо проявилось то, что Калецкий предвидел в 1943 г., – все усиливающаяся борьба за увеличение заработной платы и как следствие рост цен. Ничто не указывает на то, что эта борьба не могла бы быть смягчена проведением умеренной политики. Но здесь вступил в игру чисто политический фактор. Ситуация умеренной инфляции дала сигнал и создала прецедент для реакционного контрнаступления (Тэтчер, Рейган), своего рода консервативной контрреволюции, которая за пятнадцать лет распространилась по всей планете. В политическом плане это контрнаступление использовало банкротство традиционных «левых» партий, резкое снижение роли профсоюзов, одиозность режимов «реального социализма», ставшую очевидной для всех еще до его крушения, апатию и массовый уход населения в сферу приватной жизни, растущее раздражение людей по поводу гипертрофии государственной бюрократии и чинимых ею нелепостей. За исключением последнего, все эти факторы прямо или косвенно отражают кризис социально-исторического проекта развития индивидуальной и коллективной автономии. Порожденные им масштабные нарушения в равновесии социальных сил создали возможность возврата к тому, что на языке европейских защитников консерва-

тивной идеологии называется грубым и неразборчивым «либерализмом», выгоду от которого получили в основном, конечно же, крупные промышленные, финансовые и управляющие компании и возглавляющие их группы. Но такой «либерализм» далеко выходит за рамки их политической роли; во Франции, в Испании, в большинстве северных стран миссию введения и насаждения или поддержания (как в Великобритании) неолиберализма взяли на себя так называемые социалистические партии. Мы имеем здесь дело с открытым триумфом капиталистического, вообразаемого в его самых грубых формах.

Это вообразаемое материализовалось главным образом через разрушение роли государства в области экономики. Международное движение капиталов стало свободно от всякого контроля; фетишизм бюджетного баланса блокирует любую политику регулирования спроса; денежная политика полностью переходит в руки центрального банка, единственной заботой которого является борьба против отныне отсутствующей инфляции. В результате на протяжении пятнадцати лет (с начала 1980-х гг.) безработица поддерживается на неизменно высоком уровне; там же, где безработица идет на спад, как в США и Великобритании, это достигается ценой увеличения частичной занятости или низкооплачиваемых видов труда, а также замораживанием и уменьшением реальной заработной платы, параллельно с продолжающимся ростом прибыли фирм и доходов богатых классов. Наступление на достигнутые ранее трудящимися завоевания и высокие зарплаты, возможность которого появилась в условиях роста безработицы и нестабильности найма, оправдывалось в духе откровенного шантажа: сокращение производственных затрат требовалось якобы для того, чтобы противостоять конкуренции извне или чтобы избежать экспорта предприятий. Можно подумать, что сокращение на несколько процентов заработной платы во Франции или Германии достаточно для победы в конкурентной борьбе с продукцией стран, в которых заработная плата составляет половину или двадцатую часть от нашей (2,5 доллара, т. е. 15 франков в день для рабочих «Nike» в подземной тюрьме, которую имеет эта фирма в Индонезии, а во Вьетнаме и того меньше). Никакая «гибкая система организации труда» в развитых индустриальных странах не сможет составить конкуренции практике нищенской оплаты труда в странах, обла-

дающих неистощимыми резервными армиями рабочей силы. Сотни миллионов потенциальных работников и работниц, мобильных и практически не требующих никакой профессиональной подготовки, имеются в Китае, столько же в Индии, почти столько же в других азиатских странах, не говоря уже о Латинской Америке, Африке и Восточной Европе. Смешно предполагать, будто гладкий транзит способен привести страны, имеющие столь различные стартовые условия, к гармоничному состоянию международного разделения труда. Мы участники фазы грубого, жестокого перехода к более масштабным событиям и за сроки, более короткие, чем все предшествующие переходные периоды в истории капитализма. Кое-кто пытается оправдать этот переход абсурдным утверждением, что этот поворот якобы неизбежен, что никакая политика не способна сопротивляться Джаггернауту экономики в нынешней стадии ее эволюции.

В таких обстоятельствах бесполезно обсуждать какую бы то ни было «рациональность» капитализма. Режим сам отверг некоторые из тех средств контроля, которые удавалось навязывать ему в предшествующие сто пятьдесят лет политической, социальной и идеологической борьбы. Беззаконие (*аномия*) господства хищных «баронов» от промышленности и финансов в США конца прошлого века – это лишь бледный прецедент такого положения дел. Транснациональные компании, финансовые спекулянты, а также мафия в строгом смысле слова грабят планету, вдохновляемые краткосрочной перспективой получения прибыли. Повторяются провалы всех попыток сохранить окружающую среду от влияния индустриализации, как цивилизованной, так и дикой, что является лишь наиболее ярким примером их близорукости. На современную политику никак не влияет перспектива ужасающих последствий, коими чревата «модернизация» других четырех пятых планеты¹⁹.

Благоую перспективу олицетворяет не всеобщий «экономический кризис» капитализма в традиционном его понимании. В абстракции капитализм (международные компании) смог бы развиваться и развиваться до скончания времен. Это предполагало бы, помимо прочего, что крах старых промышленно развитых стран (в Европе в частности) и выход из их тысячелетней спячки миллиардов человек из неиндустриального мира, и их восхождение в техногенное, урбанистическое общество, основанное на наемном

труде, могли бы произойти без серьезных социальных и политических потрясений. Это одна из возможных перспектив. Но нет уверенности в том, что она будет наиболее вероятной.

Максимум, на что способен анализ, это поставить вопросы подобного рода. Ответ на них будет зависеть от реакции и действий населения тех стран, о которых мы только что говорили.

(сентябрь 1996 – август 1997)

Перевод И.И.Мюрберг и И.В.Нежельской

Примечания

- ¹ Статья «La 'rationalité' du capitalisme» (Revue internationale de psychosociologie. La Résistible Emprise de la rationalité instrumentale. 4:8 (Autumn 1997). P. 31–51) первоначально была представлена в качестве доклада на конференции CIRFIP «Инструментальная рациональность и общество» в октябре 1996 г. и называлась «Notes pour servir à une critique de la 'rationalité' du capitalisme.» (Замечания к критике рациональности капитализма). Настоящий вариант, представляющий собой значительно расширенную и переработанную версию, во многом обязан своим появлением моему другу Вассилису Гондикасу. Разумеется, за все возможные недостатки и неточности ответственность несу я сам. (Аббревиатура «CIRFIP» означает Centre International de recherche, formation et intervention psychosociologiques – Международный центр психосоциологии (исследования, подготовка кадров и лечение). Центр был основан Касториadisом и его другом Юджином Энрикесом. – *Ред.*)
- ² См. мою работу 1974 г.: *Castoriadis K. Réflexions sur le “développement” et la “rationalité” // Domaines de l’homme. Les Carrefours du labyrinthe II. P., 1984, особенно § 4: Фикция экономической «рациональности».*
- ³ См. мою работу: *Castoriadis K. Pouvoir, politique, autonomie // Le Monde moralisé. P., 1988. P. 113–140.*
- ⁴ (1) Анри Дезире Ландрю был знаменитым французским серийным убийцей, приговоренным и казненным за убийство одиноких богатых женщин; история его жизни была положена в основание сюжета фильма «Месье Верду», сценарий и режиссура которого принадлежит Чарли Чаплину. В 1962 г. Клод Шаброль снял фильм «Ландрю», известный англоязычной аудитории как «Синяя Борода». (2) Афера Стависки середины 30-х гг. XX в. – случай со знаменитым мошенником Сержем Александром Стависки, умершим при загадочных обстоятельствах после того, как общественности стало известно, что он продавал обесцененные облигации. Жорж Сепрен по сценарию Алена Ресне снял в 1974 г. фильм «Стависки». – *Ред.*
- ⁵ *Маркс К. Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты г-на Прудона» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 4. С. 142.*

- ⁶ См.: *Lord [Lionel] Robbins. An Essay on the Nature and the Significance of Economic Science. L.–Basingstoke, 1981.*
- ⁷ См. мою работу: *Касториадис К. Воображаемое установление общества. М., 2003. Разд. См. также упоминаемую в прим. 1 работу «Reflections on 'Rationality' and 'Development'.*
- ⁸ *Sahlins M. Stone Age Economics. Chicago, 1972.*
- ⁹ *Gurevich A. Categories of Medieval Culture / Trans. G.L.Campbell. Boston–L., 1985.*
- ¹⁰ Мы «вживую» и in *anima vili* познакомились ныне с новым, мафиозным «первоначальным накоплением», осуществляемым через приватизацию в бывших коммунистических странах.
- ¹¹ См.: *McNeill W.H. Keeping Together in Time. Cambridge (MA), 1995,* а также обзор: *Keegan J. Keeping in Time: The Rise of Foot Drill and the Decline of the Minuet // Times Literary Supplement. 1996. July 12. 3 and 6; September 6, 17.*
- ¹² В *Réflexions sur le “développement” et la “rationalité”* я отмечал, что уже и чиновники, отвечающие за «политику развития», начинают осознавать, что «препятствия к развитию» находятся на более глубинном уровне, нежели нехватка капитала или технических навыков. Этот факт отражен, например, в официальных докладах Всемирного банка, но на теоретиков экономики он не оказал никакого влияния. А между тем даже серьезные чиновники от политики продолжают наткаться на подобные факты. В недавней речи президента Федерального резервного фонда США Алана Гринспена прозвучала мысль о том, что развитие капитализма было бы невозможно в этой стране без реализации определенных «культурных» предпосылок к тому. Уильям Пфэфф (*Pfaff W. Genuflecting at the Altar of Market Economics // International Herald Tribune. 1997. July 14: 8*) цитирует высказывание Гринспена, в котором говорится, что после 1989 г.(!) он обнаружил, что «многое из того, что он считал само собой разумеющимся, отвечающим человеческой природе в нашей системе свободного рынка, оказалось вовсе не природным, а культурным фактором. Вопреки мнению некоторых, устранение из экономики функции централизованного планирования не ведет к автоматическому установлению» рыночного капитализма.
- ¹³ «Если бы будущие инновации можно было бы предвидеть во всех деталях, осуществление их происходило бы за один мах» (*Robinson J. The Rate of Interest and Other Essays. L., 1952. P. 56*). Этот же аргумент использует Карл Поппер в своих поздних работах, также желая подчеркнуть непредсказуемый характер технического прогресса.
- ¹⁴ *Carroll L. Alice in Wonderland // Authoritative Texts of Alice’s Adventures in Wonderland, Through the Looking-Glass, The Hunting of the Snark; Backgrounds, Essays in Criticism / Ed. J.Donald Gray. 2nd ed. N.Y.–L., 1992. P. 57.*
- ¹⁵ Кейнс добавлял к этому стоимость инвестиций, измеряемую в соответствии с процентной ставкой. Но в интересующем нас диапазоне решающее значение имеет не столько процентная ставка, сколько вообще перспективы получения прибыли и в особенности асимметричность порождаемых этим результатов. Центробанки могут загасить экспансию с помощью необходимого пониже-

ния процентных ставок, но с меньшей легкостью способны стимулировать ее, если вообще они на это способны. Взгляните на многочисленные примеры тому, начиная с 1945 г., да и сейчас (в 1997 г.) о том же говорит ситуация в Германии, во Франции и особенно в Японии. Реальные процентные ставки во Франции и в Германии уже на самом низком уровне, тогда как в Японии учетные ставки равны 0,5 %, а доходы по облигациям ниже 2 %.

¹⁶ См. мой текст «О содержании социализма, III» («Sur le contenu du socialisme, III». 1958), опубликованный сейчас в «Опыте рабочего движения» («L'Expérience du mouvement ouvrier». Vol. 2. Ed. 10/18. 1974).

¹⁷ Я неоднократно обращался к этому положению: в «Динамике социализма» («Sur la dynamique du capitalisme») «Социализм или варварство» («Socialisme ou barbarie». № 12. 1953); «Революционное движение при современном капитализме» (1960), повторил в «Современном капитализме и революции» («Capitalisme moderne et révolution, à nous». Vol. 2. Ed. 10/18. 1979); «Стоимость, равенство, правосудие, политика: от Маркса до Аристотеля и от Аристотеля до нас» («Valeur, égalité, justice, politique: de Marx à d'Aristote à nous». 1975), повторил в «Перекрестках лабиринта» («La Carrefours du labyrinthe». Le Seuil, 1978).

¹⁸ *Robinson J.* Economic Philosophy. Harmondsworth, 1962. P. 130.

¹⁹ Я упоминал о предвидимых последствиях индустриализации «слабо развитых» стран в своем тексте 1974, приведенном в сноске № 2, и, без сомнения, в этом я не был первым.

И.В. Нежелская

Интеллектуальная биография Корнелиуса Кастириадиса

Корнелиус Кастириадис – французский философ греческого происхождения, оригинальный мыслитель с необычной судьбой. Цель своей работы и жизни он видел в попытке разъяснить основные проблемы современности и предложить людям жить другой интересной жизнью, быть свободными. И это не является утопичным проектом, просто он был человеком поколения, когда «в сложной борьбе социальных сил решаются крупные исторические проблемы, когда проявляется объективная, существенная направленность различных идеологических течений, а политика и философия сближаются друг с другом»¹, и верил, что радикальные преобразования общества возможны.

Корнелиус Кастириадис родился в Константинополе, но его семья вскоре переехала в Афины. Период его взросления пришелся на не самое спокойное время в истории Греции, да и всей Европы. Брожение в умах, политические перевороты, новые идеалы и очень широкий спектр направлений философско-политической мысли – все это привело к тому, что в возрасте двенадцати лет он начинает интересоваться философией и политикой, рано определившись в своих идейных предпочтениях, начинает изучать труды Маркса и идеи широкого круга его последователей. Его первым опытом участия в политической жизни стал протест против режима Метаксаса в 1937 г., в это же время он присоединяется к кружку «Афинской коммунистической молодежи» (Κομμουνιστική Νεολαία), после одной из акций его друзья были арестованы, их пытали, что произвело на молодого лицеиста огромное впечатление.

Касториадис быстро понял, что при бюрократической организации идеи коммунистической партии могут носить не революционный, а шовинистический характер. После неудачной попытки реформирования своей ячейки он порывает с молодыми коммунистами и присоединяется к наиболее левой троцкистской группе под руководством Спироса Стиноса. Касториадис не смог найти себя и в этом кружке, т. к., прочитав труды таких авторов, как Суварино, Сиего, Серж, Бакмин и Троцкий, он увидел узость и предвзятость их идей. Но основным мотивом начала критики троцкистов стала преднамеренная недосказанность в идеях Троцкого, «который явно произнес a, b, c, но не хотел произнести d, e, f»². В дальнейшем это несогласие трансформируется в фундаментальную критику идей Троцкого о коммунистической партии и природе СССР.

Во время итало-немецкой оккупации Греции (1941–1944 гг.) деятельность Касториадиса становится заметной, его начинают преследовать как немцы, так и бывшие соратники по Коммунистической партии. В 1944 г. Касториадис написал свой первый очерк, посвятив его социальной науке и Максу Веберу. Очерк был опубликован в журнале «Архив социологии и этики» («*Archeion Koionologias kai Ethikes*»). В декабре 1944 г., в период ожесточенного противостояния и разгула насилия в обществе, Касториадис активно критиковал действия Совета ККЕ. После получения в университете Афин ученой степени по политической науке, экономике и праву молодой ученый, опасаясь за свою жизнь³, эмигрировал в Париж, где остался навсегда.

Приехав в Париж в декабре 1945 г., Касториадис продолжил свое обучение на стипендии Французского института, сразу же активно включившись в политическую и интеллектуальную жизнь страны. Он присоединился к троцкистскому крылу Интернациональной Коммунистической партии (*Parti Communiste Internationale*), французской секции IV Интернационала. Эта организация стала для молодого человека трибуной для распространения собственных взглядов. В 1946 г. он знакомится с Клодом Лефором, вместе они основывают фракцию в троцкистском крыле партии⁴. Члены фракции занимались критикой официальных троцкистских политических позиций; не желая быть «лишь оппозицией» сталинизму, они стремились найти основы для независимого развития, выдвинуть собственные альтернативы устоявшимся

трактовок идей Троцкого и представлениям об СССР. Концепция критики троцкизма сформировалась еще в декабре 1944 г., когда произошла первая попытка государственного переворота в Афинах. Тогда же выяснилось, что Коммунистическая Партия была не реформистской партией, сотрудничающей с буржуазией, как полагал Троцкий, а группой людей, стремящихся захватить власть для построения режима, аналогичного советскому. Впоследствии это предположение Касториадиса нашло свое подтверждение в событиях, имевших место в странах Восточной и Центральной Европы после 1945 г. Все вместе взятое повлекло за собой отказ Касториадиса от троцкизма, который отныне превратился для него в объект непрекращающейся критики.

В знак несогласия с неспособностью партии выработать и реализовывать независимое идеологическое основание⁵ в 1948 г., фракция во главе с Клодом Лефором и Корнелиусом Касториадисом покидает ее. Они основывают группу «Социализм или варварство» («Socialisme ou Barbarie») и одноименный журнал, первый номер которого увидел свет в 1949 г. До прекращения существования журнала летом 1965 г. было выпущено сорок номеров, а группа была распущена в 1966–1967 гг. Хотя идейными вдохновителями группы и журнала выступали Корнелиус Касториадис и Клод Лефор, некоторое время в его работе принимали участие Жан-Франсуа Лиотар и Ги Дебор. Основным направлением работы группы было изучение наследия Маркса и расширение критики идей его последователей, особенно таких течений, как сталинизм, троцкизм, ленинизм, непосредственно опиравшихся на марксово наследие. Общей целью деятельности группы должно было стать нахождение возможности для социалистической революции и построения нового общества.

В то же время Касториадис работал в качестве экономиста в Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСД) вплоть до 1970 г. До получения им французского гражданства (1970 г.) свои работы из-за опасений депортации Касториадис публиковал под псевдонимами (Пьер Шолье, Пол Кардан, Кудрей, Делво и т. д.).

Центральная тема работ этого периода – критика Маркса: Касториадис последовательно анализирует экономические представления Маркса («О динамике капитализма», 1953–1954 гг.);

критикует его концепцию социалистического общества в «К сущности социализма», 1955–1958 гг. и его концепцию труда «Революционном движении при современном капитализме», 1960 г. Вершиной его деятельности в этом направлении стали публикации в «Социализме или варварстве» статей «Пролетариат и организация», 1959 г. и «Марксизм и революционная теория», 1964 г., которые стали основой для первой главы «Воображаемого установления общества».

Еще одно направление творческого поиска периода «Социализма или варварства» – критика реформистского социализма и социализма в СССР и в Восточной Европе. В отличие от классических троцкистов, которые видят СССР прогрессивным по сравнению с капитализмом, хотя и «выродившимся рабочим государством», Корнелиус Касториадис и Клод Лефор рассматривали СССР в качестве новой формы социальной эксплуатации и подавления и называли ее «бюрократическим капитализмом»: при этой форме новый господствующий класс – бюрократия – строит тоталитарное общество и эксплуатирует пролетариат. Касториадис определил этот режим также как тотальный или тоталитарный бюрократический капитализм.

События в Восточной Германии 1953 г. и в Венгрии 1956 г. во многом подтвердили теоретические установки и выводы, опубликованные на страницах «Социализма или варварства», в частности во внутренней полемике между, с одной стороны, членами группы, а с другой – такими исследователями, как Сартр, Рая Дунаевская⁶, Антон Паннекук⁷. Это привело к росту авторитета и влияния группы и издаваемого ей журнала. Отзвук этого влияния отчетливо слышится и в прокламируемых целях мая 1968 г., и в ситуационизме Ги Дебора⁸, и в некоторых тезисах «новых философов»⁹.

Обострение политической ситуации во Франции в конце 50-х – начале 60-х гг. (события в Алжире¹⁰, приход к власти генерала де Голля и принятие новой Конституции, положившее начало V Республике) привело к тому, что публикации в журнале стали носить более резкий характер, а группа начинает работу на фабриках в среде рабочих. В недрах группы созревает революционная организация «Власть рабочих» и начинается выпуск агитационных материалов, что приводит к расколу. Касториадис дает критическую оценку революционной теории, основываясь на том, что

современный капитализм во всей своей полноте требует пересмотра. В последнем номере журнала он публикует статью «Марксизм и революционная теория», которая знаменует собой явный разрыв с марксизмом. Он говорит о том, что настало время сделать выбор между марксистской теорией и революцией. Парадокс в том, что люди, считающие себя революционерами и желающие перевернуть мир, теряются без ссылки на автора, гарантирующего им их правоту, – это умственно поработанные люди, а не революционеры. Касториадис говорит о том, что современная марксистская теория перестала носить революционный характер, и приходит к тому, что необходимо избавиться от идеи правильности и привилегированности одной позиции: «Мы должны сами творить свою собственную мысль по мере того, как мы идем вперед, постоянно чувствуя связь с неким прошлым, некой традицией, и перестать верить в то, что в написанном 120 лет тому назад труде истина раскрыта сразу и для всех»¹¹, тем более, что «марксистская система принимает самое активное участие в капиталистической культуре ... и абсурдно делать из нее инструмент революции»¹². Для Касториадиса Маркс – это один из тех авторов, которые определяют нашу картину мира, и основная его заслуга в том, что он наглядно доказал зависимость социальной и исторической жизни людей от их жизненной активности. У него формируется новое понимание социалистической революции, оказавшее влияние на умонастроения, царившие в 1968 г.; для него «цель социалистической революции – трансформация общества через автономное действие людей и установление общественной системы, организованной так, чтобы обеспечить автономию каждого»¹³. Идея отказа от первостепенной значимости идей Маркса для теории революции встретила большое сопротивление у его бывших единомышленников. Появились два лагеря: с одной стороны, Корнелиус Касториадис и Даниэль Мотье, с другой – Франсуа Лиотар, Жан-Луи Суири и Альберто Вога. Первые продолжают свою работу в группе «Социализм или варварство», а вторые во «Власти рабочих».

В последние годы существования «Социализма или варварства» Касториадис отказался и от марксистской теории в понимании экономики и истории, что особенно заметно в эссе «Революционное движение при современном капитализме». В период

между 1964 и 1965 гг. работа группы «Социализм или варварство» зачастую ограничивается публикациями в журнале, исчезает конспиративный характер дискуссии.

Касториадис делит марксизм на марксизм без кавычек и «марксизм». Первый марксизм – это концепция Лукача или Франфуртской школы, опиравшихся на тексты Маркса и подвергавших их творческой интерпретации. «Марксизм» – это большинство теоретиков сталинских партий, которые обосновывают существование бюрократического государства. По мнению Касториадиса, основным недостатком Маркса была тотальность его теории, поэтому, читая его труды, необходимо отказаться от попытки найти в них универсальную истину. Касториадис отрицал то, что тоталитаризм вырос только из Маркса, хотя некоторые черты марксизма предопределили появление тоталитарных форм: некоторые особенности марксовской теории, делающие ее «ортодоксальной», и исторический материализм, который показывал возможность установления социализма через наличие соответствующего уровня развития производительных сил, что на деле свелось к оправданию жертв и затрат на форсированную модернизацию промышленности. Главным же фактором здесь для него было создание Лениным большевистской партии как тоталитарной организации: «Истинный отец тоталитаризма – Ленин»¹⁴.

Уже после окончания Второй мировой войны Касториадис приходит к выводу, что советский режим более устойчив, чем предполагал Троцкий, и считает СССР разновидностью «бюрократического капитализма». Поэтому французскому мыслителю социалистической революции присуще стремление предохранить общество от формирования в нем бюрократии и обеспечить «автономию» индивидов и групп.

В 1980 г. в своем тексте «Перед лицом войны» он напишет, что Россия стала главным мировым центром военной мощи, хотя имеет большие затруднения в гражданском секторе экономики. Исходя из этого, он делает вывод, что при таком положении дел возможно установление «военной диктатуры» – доминирование военного сектора с экспансионистскими видами на мир. Он также утверждал, что в СССР нет динамичного «внутреннего класса», который смог бы осуществить социальную революцию, и что изменения могут произойти только через иностранную интервенцию, за что некоторые при-

числили его к апологетам холодной войны. Это заблуждение, т. к., во-первых, он не менее критично, чем к СССР, относился к Европе, Америке, Ближнему и Дальнему Востоку. Во-вторых, Касториадис, выросший на работе с текстами Маркса, не мог принять «марксизм» бюрократического государства, который оправдывает имперскую экспансию и существующий режим. «История вновь произвела на свет нечто совсем иное, чем она, казалось, собиралась произвести: за фасадом революционной теории возникла... идеология бюрократии»¹⁵, таким образом, для Касториадиса опыт социализма в СССР обернулся разочарованием. Критикуя СССР, Касториадис отмечал, что все эти черты присущи европейскому обществу, и повторял это в дальнейшем, уже отойдя от активного участия в левом движении, во внутриевропейских процессах.

Несмотря на то, что философ активно работал в политических движениях 1960-х гг., его интересы сместились от прямого политического действия и революции к стремлению понять взаимоотношения между отдельным человеком и способами организации общества.

Критикуя трактовки марксизма и демократии, сталинские модели управления государством, бюрократизацию рабочего движения, Касториадис обращается к анализу существующей иерархии как в советском, так и западном обществе (еще шире – Касториадис не видит различия между Западом и Востоком в этом вопросе). Он оценивает иерархии как негативное явление и противопоставляет им позитивное самоуправление. Иерархические структуры, по его мнению, это не изобретение современного общества, просто для современного общества они стали универсальными. «Общество разделено на тех, кто входит в слой, располагающий властью и привилегиями, и на остальных, которые всего этого лишены»¹⁶. В результате одни принимают решения, а другие им подчиняются, т. е. возникает антагонизм между «руководителями» и «исполнителями». При иерархии невозможно осуществить демократическое управление – основной ее функцией является принуждение, обеспечение дисциплины, и эта неспособность порождает конфликт. Самоуправляемое общество несовместимо с иерархией зарплат. Касториадис выступает с критикой идеи невозможности неиерархического метода управления и развивает идею самоуправления. Для Касториадиса самоуправляющийся коллектив – это коллектив,

который сам внутри себя устанавливает дисциплину и санкционирует наказания для ее нарушителей. В дальнейшем Касториадис избавит свою идею самоуправления от излишней утопичности через идею иной организации труда, шире – жизни общества. Он выступает за труд, «который перестал бы быть ярмом, а стал бы полем раскрытия человеческих способностей, иной политической системы, истинной демократии, предполагающей всеобщее участие в принятии решений, другой организации пайдеи»¹⁷. Если посмотреть на эту проблему шире, то в этих положениях можно увидеть и критику основополагающих элементов структур власти, т. е. критику бюрократии: «Проблема в бюрократии, а не в “капитале” в марксовом понимании»¹⁸. Он выступает не только с критикой постоянно усиливающейся бюрократизации всех организаций, утверждая, что «бюрократизация превратилась в доминирующую тенденцию современного мира»¹⁹, но идет дальше: «Все происходило таким образом, как будто современный мир таил в себе тлеющий огонек бюрократии и, чтобы его раздуть, использовал любой попавшийся под руку материал, в том числе тот, что казался наименее пригодным – то есть марксизм, рабочее движение и пролетарскую революцию»²⁰.

В 1974 г. Касториадис, получив диплом психоаналитика, открывает свою практику. Отзвуки этих занятий отчетливо прослеживаются в одной из главных работ «Воображаемое установление общества» (1975 г.). В 1979 г. он становится во главе Высшей школы социальных наук и с 1980 по 1995 гг. ведет семинар «Установление общества и историческое творчество».

В этот период для Касториадиса, «история – это пространство сознательных действий людей»²¹, а поскольку результат всегда далек от замысла, то появляется образ реальных результатов исторических действий. Эти результаты подчиняются исторической логике, понимание которой у него зачастую близко идее Провидения²², но не предопределения, т. к. люди сами творят свою историю, и поэтому человеческая история является созидательным процессом. В истории нет прогресса, он есть только в инструментальной области и является капиталистическим воображаемым значением. «Все, что проявляется в истории и через историю, не является определенной последовательностью определенного. Это скорее обнаружение радикальной инаковости, имманентное творчество,

нетривиальная новизна»²³. Касториадис начинает развивать свою собственную теорию понимания исторических изменений как появления «безнадежной инаковости». Последняя, чтобы быть признанной, должна постоянно социально устанавливаться и получать название. В своем понимании истории он с прохладой относится к фигуре одиночки-героя-творца. По Касториадису, таковой в любом случае появится²⁴, а «общественно-историческое – это анонимный коллектив»²⁵. Инаковость возникает, с одной стороны, как активность внутри психики. Создание внешних социальных институтов, обеспечивающих стабильную форму, становится возможным благодаря наличию магмы социальных значений. Он полагает, что «все, что может быть действительно дано (представление, природа, значение), по способу бытия есть магма»²⁶. Магма позволяет нам извлекать из нее бесконечное число способов организации, но при сложении ее частей мы не получим магму. Она позволяет сознанию создавать стабильные образы для самообороны и игнорировать постоянное возникновение психической неопределенности и смешанности.

Важнейший вклад Касториадиса в социальную теорию – идея о том, что социальное изменение предполагает радикальные разрывы. Социальные изменения не могут быть поняты через какие-либо определенные причины или представлены как последовательность событий. Изменения возникают на основе социального воображаемого и получив определения. Для того, чтобы воображаемое признали в обществе, оно должно быть предъявлено как революция. Творчество не создает реальные объекты, только по прошествии времени, видя историю, мы сможем различать их как реальные. Любые знания общества о его социальных изменениях не могут существовать без социального воображения. Творчество – это «разрыв».

Касториадис был убежден, что нет прямого перехода от философии к политике. Родство их состоит в том, что они обе обращены к свободе и обе на нее посягают. «Традиционная философия представляет собой нарциссизм сознания, очарованного своими обнаженными формами, она забывает данную конкретную структуру субъекта и отдает его во власть другого, во власть телесности»²⁷. Касториадис не приемлет нарциссизм такого рода, для него философ и – шире – интеллектual есть обычный человек, который, как и любой гражданин, лишь высказывает свои мысли, но поскольку

его мысли-идеи оказываются наиболее влиятельными, то и ответственности на нем больше. Касториадис выступает против переоценки роли интеллектуала и философа, но говорит и о недооцененности роли молчания человека, сознающего проблемы, что молчание должно быть оценено как непростительное попустительство перед обществом. С одной стороны, философия представляет свое основание «в чистой свободе фиктивного субъекта», что приводит ее к утверждению, что отчуждение действительного субъекта нельзя преодолеть. С другой – философия ищет свое основание в «исчерпывающем рационализме», но постоянно приходит к иррациональному. Исходя из этих утверждений, «традиционная философия превращается в иррациональное, приводящее к отчуждению предприятие»²⁸. Касториадис пытается исправить ошибки или разрушить заблуждения, которые допустила философия. «Философия будет “преодолена”, как только мы “реализуем” то, чем она является, – а она является философией, то есть одновременно и величием, и низостью»²⁹. Для преодоления этих коренных ошибок он использует работы Фрейда, которые, по его мнению, должны помочь в решении основной задачи философа – критике. «Я убежден, что банкротство унаследованных концепций (будь то марксизм, либерализм или общие взгляды на общество, историю и т. д.) делает необходимым дальнейший пересмотр всего горизонта мысли, в котором веками находится освободительное политическое движение. И это тот труд, которым я занят с тех пор»³⁰.

Касториадис подробно исследовал философию и политику Древней Греции, но, находясь под влиянием фрейдистской теории, изучал древнегреческую традицию с помощью ресурсов современного психоанализа. Он утверждал, что общества, которые обосновали идею независимости и демократии, по-прежнему представляют интерес для современности. По мнению Касториадиса, особая актуальность изучения античных представлений состоит в том, что там родилась основополагающая идея – проект свободы, индивидуальной и коллективной автономии, способности коллектива самоуправляться и самоорганизовываться. Начав свое развитие в Древней Греции, этот проект продолжался в Европе только с XI в.

В Европе проект автономии как проявления всесторонней внутренней независимости людей, по мнению Касториадиса, стал активно развиваться с 1750 по 1950 гг. Автономия – слово греческого

происхождения, его можно перевести как самозаконие («autos» – сам, «nomos» – закон). Проект автономии, который станет центральным предметом исследований Касториадиса, разрабатывается им в марксистской версии. Он определил «автономное» общество и установил его различия с «гетерономным». Автономными обществами являются те, где участники не только «знают об этом факте», но и участвуют в самоуправлении. В отличие от этого, члены «гетерономного» общества создают свое воображаемое через некоторую «надсоциальную власть» (то есть Бога, предков, историческую необходимость). Он пытается очистить от власти гетерономии общество, уменьшить губительное влияние отчуждения и поменять воображаемую составляющую институтов³¹: «Я лишь хочу уничтожения власти в нынешнем смысле этого слова, я хочу власти для всех»³².

Проект автономии Касториадиса несомненно сформировался под влиянием фрейдизма и представлений философа о причинах кризиса современного ему общества, поэтому автономия для него – это то, что противопоставляется гетерономии, законодательству и управлению со стороны другого: «Если автономию, принцип самоуправления мы противопоставляем гетерономии, законодательству и управлению со стороны другого, то точно так же автономия может быть противопоставлена власти бессознательного – закону, исходящему от другого, навязанному мне другим»³³. Появляется задача вытеснить другого (по Фрейдю, Оно) из Я, но это устранение – скорее стремление к устранению: «Автономия означает не полную ясность и тотальное устранение дискурса другого, но установление новых отношений между дискурсом другого и субъектом. Тотальное устранение дискурса другого ...внеисторично»³⁴. Автономия личности и автономное общество (индивидуальная и коллективная автономия), реализуемы благодаря изучению себя и осуществлению критической рефлексии. Проект автономии дает обществу возможность освобождения от монополии капиталистического проекта. Один человек ничего не может изменить, он не может поставить задачи и осуществить действие. Продуктивная деятельность общества зависит от деятельности людей, которые его составляют.

Желание обладать готовой истиной идет от потребности в чувстве уверенности, в том, чтобы снять с себя ответственность, а это несовместимо с демократией, которая предполагает разноо-

бразие мнений. Касториадис понимал, что каждый человек должен измениться коренным образом, но человек слаб, поэтому он настаивал на реформировании системы образования и политической системы, чтобы каждый человек осознал, что его «судьба – не рабство. Для рождения того, чем мы хотим стать, возможно действие, опирающееся на то, что уже существует»³⁵. Благодаря этому людей, способных к критическому самоуправлению и социальной рефлексии, должно стать больше. Проект автономии – это то, что надо реализовывать, а не то, что можно реализовать, поскольку невозможно устранить бессознательное в обществе³⁶. Саморефлексивная деятельность автономного общества зависит по существу от саморефлексивной деятельности людей, которые формируют это общество. «Теория не может быть дана заранее, поскольку она постоянно рождается из деятельности»³⁷, поэтому есть только направление отказа от старого и поиска нового. Нельзя иметь автономное общество, которое не в состоянии понять свои собственные побуждения, причины для осуществления действия, внутренние тенденции, которые могут возникнуть только через саморефлексию, приобретающую политическое значение.

Основным различием между Западом и Востоком здесь выступает то, что Запад обладает дискурсом разоблачения себя самого, который отсутствует на Востоке. Эта самокритика, иногда вредоносная, дает возможность для осознания кризиса, для попытки выйти из него. На современном этапе, когда телевизор стал источником нового отчуждения, человеку все сложнее выйти из круга пагубного согласия.

После развала СССР особую критику со стороны Касториадиса получила позиция западных интеллектуалов, которые остановились на восхвалении западных «демократических» режимов и повторяют критику тоталитаризма, не двигаясь вперед. Касториадис еще в 1940-е гг. заявлял, что есть капитализм «соревновательный», а есть «бюрократический», они одинаково вредоносны, т. к. основываются на эксплуатации. Нельзя восхвалять «соревновательный» капитализм, это приводит к замалчиванию проблем современности, главную из которых он видел в катастрофическом износе воображаемых значений современности, что в свою очередь приводит к оправданию существования гетерономных режимов и гетерономии в целом. Современный западный мир разрывает

ся между воображаемыми социальными значениями, которые его определяют: проектом индивидуальной и коллективной автономии и проектом неограниченной экспансии псевдорационального псевдогосподства, крайним проявлением которого выступает тоталитаризм. Первый проект является исторически присущим Западу, но он не работает, а второй исчерпал себя, поэтому в современном обществе произошло практически полное исчезновение значений, ценностей и социальных ролей, это общество, где единственным ограничителем является уголовное наказание.

Современный мир родился в конце 1950-х, когда апатия и деполитизация стала всеобщим явлением. Всплеск активности в 1968 г., протесты середины 1970-х и их неудача заставили сегодняшнее общество мириться с тем, чего в первой половине XX в. оно терпеть бы не стало. Сейчас повсюду кризис смысла, который проявляется в кризисе воображаемых значений современного общества, триумфе общества потребления и непопулярности левых идей. В развитии современного западного общества Кастириадис усматривает дилемму: с одной стороны, тенденция к неминуемому крушению духа капитализма, с другой – возможность осуществить проект автономии, творчества, «открытого общества». Он характеризует их как капиталистическую и творческую разновидности воображаемого. По определению Кастириадиса, мы находимся на пересечении истории, Истории с большой буквы. Одна из дорожнонаправлений уже относительно хорошо исследована, она ведет к потере смысла, повторению пустых форм, неограниченному расширению «рационального освоения», псевдорациональности, неограниченного расширения потребления ради потребления, техноцентричной картине мира, что позволяет господствовать капиталистическому воображаемому. Другая дорога-направление – не данность, она только должна быть открыта через социальное и политическое пробуждение, возрождение проекта индивидуальной и коллективной автономии, то есть через волю к свободе. Это требует пробуждения воображения и воображаемого творчества. Воображаемое представляет собой непрерывное творчество, как общественно-историческое, так и психическое, которое создает окружающую нас реальность. Необходимо творить символы\формы\образы, которые дают основания для представления («образа чего-то»). Необходимо создать новый образ общества через

изменение состава центральных ценностей человеческой жизни. Экономические ценности современного мира губительны, человечество находится под властью иллюзий под названием «товары». Необходимо поменять экспансию производства и потребления на наличие множества жизненных целей, равно ценимых в человеческой среде, это может осуществиться через реорганизацию социальных институтов и отношений. Только через развитие проекта индивидуальной и коллективной автономии, через новые воображаемые установления можно поменять смысл жизни людей и приостановить саморазрушение. Касториадис считал, что в современном обществе ничто не указывает на возможность изменений, он полагал, что только катастрофа способна изменить ситуацию.

26 декабря 1997 г. Корнелиус Касториадис умер от осложнений после операции на сердце. «Оригинальный мыслитель, Касториадис почти не может быть вписан в обычные классификации, которые он сам рассматривал как мало значимые. Без сомнения, это одна из причин, объясняющих, что он еще не получил все то признание, которого он заслуживает»³⁸. Работы Касториадиса будут помнить прежде всего за их последовательность, а также за чрезвычайную широту его научных интересов: он писал сочинения по физике, биологии, антропологии, психоанализу, лингвистике, социологии, экономике, политике, философии и искусству. «Признанный интеллектуал, Корнелиус Касториадис создал сложное и богатое учение, которое оказывает влияние на все мир, оставаясь еще недостаточно изученным»³⁹. Своим главным врагом он считал «разум» (в таких его формах, как «наука», техническая и производственная целесообразность, экономический разум, политический разум и его воплощение в представительной демократии, бюрократический разум и т. д.). Разум фрагментарен, он не дает целостной картины. Человек же должен, преодолев давление «разума», стремиться к созданию автономного общества.

В своих исследованиях Касториадис опирался на идеи Платона, Маркса, Троцкого и Фрейда, но его отношение к ним было весьма критичным. Работы Касториадиса являются одним из основных источников психоанализа в сегодняшней Франции, наиболее известные его работы и идеи проникли в англоязычный мир и, возможно, повлияли на развитие идей Юргена Хабермаса. Касториадис определил пути альтернативного развития и точно оха-

рактизовал проблемы и перспективы для современных ему капиталистических и социалистических обществ. Всю свою жизнь он посвятил исследованию пути реализации проекта автономии. Основными темами-направлениями его работы были: автономия, объединение, воображаемое и радикальное воображаемое, магма. Кастириадис имел весьма широкий круг интересов, но всегда ориентировался в своих рассуждениях на политические проблемы и именно их пытался решить. Своей главной задачей он видел разоблачение мифов, с помощью которых функционирует общественная иерархия.

Примечания

- ¹ Грецкий М.Н. Марксистская философская мысль во Франции. М., 1977. С. 7.
- ² Кастириадис К. Мир, который придет // RIL. 1994. № 4.
<http://www.angelfire.com/ia/IOKAS/biblioteka/Castoriadis.html>
- ³ С 1944 по 1949 г. в Греции шла гражданская война между роялистами и коммунистами. На стороне роялистов выступила Великобритания, на стороне коммунистов СССР, из-за недостаточной поддержки коммунисты проиграли. Эта война стала одним из начальных этапов «холодной войны».
- ⁴ Фракция представляла собой небольшую группу, занимающуюся критикой троцкизма и деятельности их партии, ее еще называют «течением Шоли и Монталя». Пьер Шоли – псевдоним Корнелиуса Кастириадиса, Клод Монталя – псевдоним Клода Лефора.
- ⁵ В 1948–1951 гг. во многих странах происходят аналогичные процессы: раскол троцкистских объединений по вопросу об отношении к СССР и обособление левой оппозиции троцкизму. Например, в США это была группа Джонсона – Форест (Джеймс – Дунаевская). В Великобритании группа Тони Клиффа (Ягель Глукштейн).
- ⁶ Рая Дунаевская (1910–1987 гг.) – секретарь Троцкого, основала в США группу Джонсона – Форест (Джеймс – Дунаевская).
- ⁷ Антон Паннекук (1873–1960 гг.) – нидерландский астроном и теоретик марксизма, представитель левого коммунизма.
- ⁸ Ги Дебор (1931–1984 гг.) основатель ситуационистской теории, сформировавшейся из синтеза революционного марксизма «Социализма или варварства» и радикальных художественных течений (дадаизма и сюрреализма). Бунт ситуационистов против «Общества спектакля» был одним из символов мая 1968-го.
- ⁹ «Новые философы» – антикоммунистическое течение во Франции, созданное маоистами после их разочарования в Мао Цзэ-Дуне.
- ¹⁰ Алжирская война (1954–1962 гг.) – война за независимость Алжира от Франции, закончилась провозглашением Алжирской народно-демократической республики. Вызвала волну протестов во Франции.

-
- 11 *Касториадис К.* Маркс сегодня
http://www.avtonom.org/lib/theory/castoriadis/marx_today.html
- 12 *Касториадис К.* Воображаемое установление общества. М., 2003. С. 79.
- 13 Там же. С. 109.
- 14 *Касториадис К.* Маркс сегодня.
- 15 *Касториадис К.* Воображаемое установление общества. С. 71.
- 16 *Касториадис К.* Самоуправление и иерархия
<http://belarus.avtonom.org/?p=93>
- 17 *Касториадис К.* Мир, который придет // RIL. 1994. № 4.
<http://www.angelfire.com/ia/IOKAS/biblioteka/Castoriadis.html>
- 18 *Касториадис К.* Маркс сегодня.
- 19 *Касториадис К.* Воображаемое установление общества. С. 60.
- 20 Там же. С. 61.
- 21 Там же. С. 54.
- 22 Там же. С. 62.
- 23 Там же. С. 238.
- 24 Там же. С. 62.
- 25 Там же. С. 124.
- 26 Там же. С. 423.
- 27 Там же. С. 121.
- 28 Там же.
- 29 Там же. С. 87.
- 30 *Касториадис К.* Мир, который придет.
- 31 *Касториадис К.* Воображаемое установление общества. С. 149.
- 32 Там же. С. 108.
- 33 Там же. С. 117.
- 34 Там же. С. 120.
- 35 Там же. С. 68.
- 36 Там же. С. 127.
- 37 Там же. С. 89.
- 38 *Caumières P.* Castoriadis, Cornélius // *Bourdeau V. et Merrill R.* (dir.) DicoPo, Dictionnaire de théorie politique 2007: <http://www.dicopo.org/spip.php ?article92>
- 39 *Gerard D.* Cornelius Castoriadis, le projet d'autonomi. Paris, 2000. P. 7.

ИНТЕРПРЕТАЦИИ. КАПИТАЛИЗМ И ЕГО ИНСТИТУТЫ: СВОБОДНЫЙ РЫНОК VERSUS СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО

Б.Ю. Кагарлицкий

Экономика принуждения: от империй к империализму

Очередной кризис капитализма дает дополнительный материал и создает потребность в том, чтобы разобраться в истоках системы, агония которой наблюдается в рамках повседневности.

На уровне практики либеральные мифы, сводящие развитие экономики к постепенному торжеству «свободного рынка», к концу 2000-х гг. отвергались всяким, кто способен был просто внимательно осмотреться вокруг. Однако исторический анализ капитализма по-прежнему, даже в марксистской литературе, был перегружен мифологическими представлениями о сугубо рыночном происхождении буржуазной системы, о том, что частное предпринимательство развивалось как-то само собой, стихийно перестраивая общество, которому оставалось только следовать по пути, заданному требованиями рыночной экономики.

Строго говоря, нет никакой принципиальной разницы в том, как видит происхождение капитализма Маркс в «Коммунистическом манифесте», и в том, как этот процесс представляют себе либералы в традиции Адама Смита, с той лишь разницей, что законы экономики либеральному сознанию представляются естественными, а Марксу исторически и социально обусловленными, а потому меняющимися вместе со способом производства. В более поздних работах Маркса взгляд на происхождение капитализма и роль государства в этом процессе несколько меняется, но это изменение подхода в четкой форме не было выражено, в отличие от того, что написано в «Манифесте».

Соответственно, критика капитализма в левых кругах на каждом шагу превращалась в однообразную критику рынка, причем часто сводилась к потоку lamentаций или, наоборот, к злой, но ба-

нальной иронии. Несмотря на старания марксистских исследователей и других представителей исторической социологии, военно-политическая и социально-экономическая история государств сплошь и рядом служили в подобных повествованиях лишь фоном друг для друга, пересекаясь исключительно в моменты революционных катаклизмов.

Капитализм представляет собой определенную экономическую систему и соответствующий способ производства. В основе и того, и другого лежит суверенная частная собственность на орудия и средства производства, свободный наемный труд и продажа продукции в качестве товара на рынке. Однако все эти элементы в той или иной форме существовали или существуют также в обществах, не являющихся капиталистическими; как ни парадоксально, исключение составляет *суверенная* форма частной собственности, которая появляется исторически гораздо позже, чем рынок и наемный труд. Вопрос в том, что превращает этот хозяйственный уклад, порой существующий наряду с совершенно другими укладами, в экономическую систему, что делает его господствующим? Фернан Бродель однажды бросил мысль о том, что рынок существовал задолго до капитализма, но именно государство превращает рынок в капитализм. Эта мысль, как и многие другие важнейшие идеи Броделя, брошена в его тексте неразвитой и недодуманной, но именно она дает ключ к пониманию процессов трансформации, благодаря которым сложилась современная мировая система.

Для Маркса, как и для других авторов второй половины XIX в., не было никакой загадки в том, что Западная Европа подчинила себе Индию и Китай, заставив страны Азии идти в фарватере формируемой ими новой мировой экономики. Производительные силы Запада были значительно более развиты, в силу чего именно там сложились более передовые производственные отношения и как результат – более динамичное, более эффективное общество.

Картина совершенно изменилась, когда историкам стало ясно, насколько в XV–XVI вв. страны Востока опережали Западную Европу по уровню экономического развития. С другой стороны, заставив нас отказаться от политэкономии XIX в., подобные исследования не дали нам нового объяснения описываемых процессов. Вернее, объяснения эти выглядели крайне неубедительными и поверхностными, начиная от предположения о превосходстве

уникальной культуры Запада до совсем уже отчаянного вывода позднего Андре Гундер Франка, что Западу просто повезло, когда Колумб случайно открыл Америку. Парадоксальным образом, хотя новое знание об экономическом развитии Востока стало результатом исследований целого ряда левых авторов, стремившихся поставить под вопрос империалистическую идеологию европоцентризма, оно нанесло мощнейший удар по марксистским историко-экономическим теориям, дав толчок к распространению своеобразного культурного расизма, отстаивающего превосходство западных ценностей. Однако если дело исключительно в культуре, то откуда происходит сама культура?

Продолжавшаяся в течение полутора десятилетий дискуссия выявила, что исходная теория Маркса – даже при всех ее ставших теперь очевидными недостатках – в научном отношении более обоснована и более логична, чем все концепции, которые призваны были придти ей на смену. Возникает, казалось бы, неразрешимое противоречие: теория Маркса опирается на ряд явно неверных посылок и, следовательно, «фактически» не верна, но все остальные теории ещё более ошибочны!

Единственно возможный ответ состоит в том, что теория Маркса всё же верна, но не полна. Иными словами, существует некое недостающее звено, которое не было в полной мере проанализировано автором «Капитала», в силу чего и обнаружились нестыковки в его исторической схеме. Таким недостающим звеном, скорее всего, является институциональная роль государства.

Мировая система не могла бы обрести своей экономической формы без систематических и целенаправленных политических усилий. Конечно, эти усилия в свою очередь были предопределены реальными интересами, в том числе классовыми. Надо, однако, понимать, что сами классы, о которых мы говорим, были, например, в XVI в. не такими же, как в XIX, они проходили серьезную эволюцию вместе с государством и экономикой. Государство XVI и тем более XVII в. куда более буржуазно, чем обычно принято думать. И относится это отнюдь не только к Голландии и Англии, которых принято считать пионерами капиталистического развития. Идеология свободного рынка исключительно популярна при дворе испанских Габсбургов, а португальская колониальная империя управлялась примерно так же, как сегодняшние госкорпорации,

только лучше. Задача колоний – обеспечивать торговую прибыль, к реализации которой привлекаются сетевые структуры частного бизнеса по всей Европе.

В основе экономической логики капитализма лежит процесс самоподдерживающегося и самовоспроизводящегося накопления капитала, но тут возникает ещё один вопрос: в XV–XVI вв. накопление капитала быстрее всего происходит в торговле. Между тем буржуазный уклад, которому предстоит лечь в основу новой системы, развивается в сфере производства. Между ними есть определенная связь, но в указанный период эксплуатация наемного труда является далеко не оптимальным и не самым выгодным способом накопления капитала. Каким же образом последний приходит в производство? Почему буржуазные производственные отношения соединяются с процессом накопления капитала, что не было самоочевидно применительно к периоду XIV–XVII вв.?

Подчеркивая значение наемного труда как основы буржуазных производственных отношений, Маркс в «Капитале» одновременно указывал: «Товарное обращение есть исходный пункт капитала. Историческими предпосылками возникновения капитала являются товарное производство и развитое товарное обращение, торговля. Мировая торговля и мировой рынок открывают в XVI столетии новую историю капитала»¹. Таким образом, капитал, как и рыночная экономика, не только существовал задолго до капитализма, развиваясь и укрепляясь прежде всего в торговле, но и опирался на производство, отнюдь ещё не организованное по новым буржуазным принципам. Далее крестьянин и ремесленник подвергаются экспроприации, утрачивают свое мелкое хозяйство, превращаясь в наемных рабочих. Однако это происходит не сразу и уже после того, как буржуазия сумеет добиться экономического и политического влияния. Иными словами, капитал сперва возникает вне производства, потом подчиняет себе производство, а затем уже в массовом порядке создает собственное производство, основанное на использовании наемного труда.

Переломными моментами, благодаря которым происходят подобные трансформации, являются большие экономические кризисы. Первый из них – кризис XIV века, сопровождавшийся войнами и эпидемиями, оборачивается первой общеевропейской антифеодальной революцией, наиболее ярким и самым поздним

проявлением которой, конечно, явилась уже в XV в. гуситская революция в Чехии. Но явные признаки революционной борьбы мы видим и в Англии, и во Франции, в Италии и Германии. При более пристальном взгляде обнаруживается, например, что Столетняя война отнюдь не была конфликтом двух стран и уж никак не может считаться английской агрессией против Франции в современных понятиях (парламент давал деньги королям только при условии, что они гарантировали: Англия никогда не будет объединена с Францией). Париж восторженно приветствовал английские гарнизоны (первый раз во время восстания Этьена Марселя), сопротивлялся войскам Жанны д'Арк и т. д. Итогом этих войн и социальных конфликтов стала «пассивная революция»² в Англии, а затем и во Франции, когда импульс буржуазно-модернистского преобразования, не достигшего успеха «снизу», был подхвачен и реализован в «консервативных» политических формах – «сверху».

Важнейшим итогом кризиса XIV в. было крушение экономической и политической мощи городов-государств и торжество «территориального государства» как единственной формы, в которой могли развиваться новые общественные отношения. В этом плане, на мой взгляд, категорически неверны представления Дж. Арриги и С.Амина о городах-государствах как силе, способствовавшей развитию капитализма. В XIV в. они играют уже консервативную роль, сдерживая своим паразитизмом хозяйственное и социальное развитие. Противостоящее им государство не менее «буржуазно», но оно опирается на аграрное общество, а не только паразитически эксплуатирует его, оно формирует рынки, а вместе с ними и новые социальные отношения.

Абсолютистское государство вовсе не было просто поздней формой феодальной политической организации, оно было ориентировано на модернизацию и буржуазное развитие, но на основе компромисса старых и новых элит. По существу оно представляло собой автономное образование «цезаристского типа», т. е. в значительной мере межклассовое. Любопытно, что именно такую трактовку абсолютизма давали Маркс и Энгельс, но она была проигнорирована последующими марксистами, изображавшими абсолютизм как исключительно феодальное образование, продержавшееся вплоть до начала XIX в.

Между тем именно в рамках абсолютизма складываются две модели интеграции буржуазных и феодальных интересов в политике – английская и французская. Первая построена на принципе договорных отношений, политического контракта, осуществляемого посредством парламентских решений, принимаемых, однако, на основе королевских инициатив. Французская модель – модель неформально-коррупционной интеграции капитала во власть – существовала, начиная с Жака Кера в XV в.. Эта модель, впоследствии воспроизведенная в России, является далеко не аномалией, а вполне естественным вариантом буржуазного развития, повторяющимся в большинстве стран континентальной Европы. Обе модели, впрочем, потерпели неудачу. Английская – в XVII в., когда монархия попыталась злоупотребить своими полномочиями, перераспределив реальную власть; раньше то же пытались сделать Габсбурги в Нидерландах с тем же успехом, но в XVII в. с большим успехом – в Каталонии, где революция, похожая на английскую, была побеждена. Во Франции неформально-коррупционная модель потерпела крах в XVIII в. – при столкновении с Англией.

Второй кризис, сформировавший современную капиталистическую систему, это кризис XVII века, сопровождавшийся новой волной восстаний и революций – от Англии до Каталонии, от французской Фронды до русской Смуты. Причиной кризиса была исчерпанность рынков в рамках торгового капитализма и как следствие крушение феодально-буржуазного компромисса, суть которого состояла в накоплении капитала за счет феодальных ресурсов. Итогом кризиса стала не только буржуазная революция в Англии и появление первого либерального политического режима, но и торжество меркантилизма – протекционистской политики государства. *А итогом меркантилизма становится появление национального государства со всеми вытекающими отсюда последствиями, вплоть до поэзии Пушкина и музыки Вагнера.* В этом плане вся история капитализма может быть рассмотрена как чередование «либеральных» и «государственных» фаз, свободных рынков и протекционизма, глобализаций и де-глобализаций. Принципиально важно, однако, что именно государственная политика меркантилизма обеспечивает окончательную смычку капитала и производства. *Вообще говоря, «протекционистские» фазы являются также фазами «производственными», а «либеральные» –*

«торговыми». Например, после 1860 г. выход индустриальной революции за пределы Британии сопровождается подъемом национализма, возникновением национальных государств (Германия, Италия, объединение США после гражданской войны и т. д.), а также повсеместным распространением протекционизма.

XVII век был не только временем формирования современного государства и пресловутой «Вестфальской системы», которая, впрочем, начала складываться задолго до Вестфальского мира 1648 г., но и периодом острой борьбы за торговую гегемонию, сопровождавшейся колониальной экспансией новых империй – английской, голландской и французской. Вопреки мнению Арриги, невозможно найти признаков голландской гегемонии в политической сфере, но в плане коммерческой практики голландцы создали базовые модели, которые англичане и французы, соединив их с государственной поддержкой, в свою очередь сделали мощными средствами экспансии и борьбы за собственную гегемонию. Империи использовали насилие в соответствии с голландским принципом «неразделимости войны и торговли». Капитализм нуждался в государственном насилии ещё и для того, чтобы обеспечить принудительное использование несвободного труда для производства дешевых товаров, предназначенных для мирового и местных рынков. *Рабство и работорговля достигают в процессе становления нового, свободного мира – мира становящегося либерального капитализма – куда больших масштабов, чем в античном мире Средиземноморья. На тот же период приходится закрепощение крестьян в России и в Восточной Европе, а также в Германии к Востоку от Эльбы, и это далеко не случайное совпадение. Дешевые продукты рабского и крепостного труда были необходимы для субсидирования свободного труда на Западе, и это в свою очередь стало важнейшим условием прихода капитала в производство. Без этой русской, африканской, восточноевропейской и южноамериканской «субсидии» капиталистическое производство Запада вряд ли могло бы состояться в той форме, в какой мы его знаем.*

Наконец, именно государство формирует институциональную базу капитализма, без которой тот просто не может существовать. Это отнюдь не похоже на роль ночного сторожа, предписываемую правительствам либеральной традицией. Вернее,

государство должно выступать в этой роли после того, как его конструктивно-преобразовательная роль – с точки зрения и в интересах буржуазии – уже выполнена.

Институт частной собственности складывался постепенно на протяжении позднего Средневековья. В феодальном обществе, даже там, где частная собственность существовала, она отнюдь не являлась универсальным и всеобщим экономическим принципом. Имущественные отношения регулировались на основе многочисленных правил, постановлений и обычаев, описывавших права владения, пользования, наследования, которые зачастую были не связаны друг с другом, а порой и противоречили друг другу. Как замечает Энгельс, «бюргерская собственность средних веков была ещё сильно переплетена с феодальными ограничениями, состояла, например, главным образом из привилегий». И лишь позднее она смогла превратиться в «чистую частную собственность»³. Так же и крестьянский надел или феодальное имение часто могли наследоваться, но не отчуждаться их владельцами, а земли, принадлежавшие общине, не были в строгом смысле её собственностью, само существование общины предполагало её связь с конкретной территорией, а потому вопрос об отчуждении земли, сдаче её в аренду или коммерческом использовании просто не мог быть поставлен, даже если соответствующие формы хозяйственных отношений уже имели место в обществе. Права далеко не всегда фиксировались документально, будучи закреплены обычаем.

Начиная с XIII в., обращение к античности, провозглашенное новой культурой Ренессанса, не в последнюю очередь было связано с возвратом к принципам римского права, которое должно было прийти на смену многочисленным «правдам», законам и обычаям феодальной эпохи. «Как короли, так и бюргеры, – писал Энгельс, – нашли могущественную поддержку в нарождавшемся сословии *юристов*. Когда было вновь открыто римское право, установилось разделение труда между попами – юридическими консультантами феодальной эпохи – и учеными юристами, не имевшими духовного звания. Эти новые юристы, разумеется, по самому существу своему принадлежали к бюргерскому сословию; да к тому же и то право, которое они изучали сами, которому учили других и которое применяли, по характеру своему было в сущности антифеодальным и в известном отношении буржуазным»⁴.

Римское законодательство с его четкими и непротиворечивыми формулировками, кодифицированное и регулирующее различные стороны жизни на основе общих принципов, было идеалом буржуазии. Другое дело, что реальное понимание частной собственности и частных прав в античности отличалось от сложившейся впоследствии буржуазной собственности так же, как древняя экономика – от современной. Римское право было воспринято эпохой Возрождения как юридическая утопия, точно так же, как и античность в целом превратилась из реальной исторической эпохи в нравственно-эстетический идеал, необходимый для решения идеологических задач Нового времени.

Между тем для практического становления института частной собственности одного только юридического идеала было недостаточно, требовалась систематическая «дрессировка общества»⁵, которая могла быть осуществлена только государством с помощью принуждения, а порой и насилия.

Маркс в «Капитале» отмечает, что аграрные отношения в Англии, основанные на соединении крестьянского индивидуального хозяйства с общинным землепользованием, радикально отличались от системы, построенной по капиталистическим принципам. Такие отношения при одновременном расцвете городской жизни, характерном для XV столетия, создали условия для повышения народного благосостояния, «но эти отношения исключали возможность капиталистического богатства»⁶. Для того, чтобы на место вольного крестьянского труда пришел наемный труд буржуазной фабрики, был необходим настоящий переворот, в ходе которого «значительные массы людей внезапно и насильственно отрываются от средств своего существования и выбрасываются на рынок труда в виде поставленных вне закона пролетариев. Экспроприация земли у сельскохозяйственного производителя, крестьянина, составляет основу всего процесса»⁷. В Англии этот переворот происходит в середине XVI в. в связи с «огораживанием», когда владельцы крупных имений присваивали себе и захватывали общинные земли, а также в ходе Реформации, когда были экспропрированы и разделены между представителями «нового дворянства» земли монастырей; жившие там крестьяне были изгнаны или поставлены в положение батраков. В горной Шотландии тот же

процесс развернулся значительно позже, в XVIII столетии, когда главы кланов переписали на себя земли, ранее принадлежавшие клану в целом.

Маркс акцентирует внимание прежде всего на том, что буржуазная частная собственность возникает за счет экспроприации мелких производителей – чтобы произошло накопление капитала в руках немногих на одном полюсе системы, надо отнять собственность у массы людей на другом её полюсе. Даже если у этой аграрной революции есть «экономические пружины», всё равно необходимы оказываются «насильственные рычаги»⁸.

Однако массовая экспроприация трудящихся, о которой пишет автор «Капитала», «освобождение» людей от находившихся в их руках средств производства требовало не только государственного насилия в дотоле невиданных масштабах, но и целенаправленной работы над юридическим и институциональным оформлением новой системы. Формирование частной буржуазной собственности опирается на замену старого закона новым, обычая – писаным правом, неформальных взаимных обязательств – коммерческими контрактами. Установление частной собственности основывается на отрицании прежних имущественных прав, которые вроде бы и не являются правами вовсе, коль скоро они не закреплены через новую юридическую практику, которая для низов общества оказывается принципиально недоступна. В этой ситуации государство выступает в двоякой роли, применяя насилие для ликвидации старых имущественных отношений и одновременно устанавливая новые отношения собственности. Оно обеспечивает уважение к новой собственности ценой игнорирования и нарушения старых прав.

Между тем распространение буржуазных отношений далеко не всегда происходило за счет пролетаризации крестьянства. Как показал опыт стран, оказавшихся на периферии капиталистического мира, экспроприация непосредственных производителей зачастую принимала иные формы, сохраняя связь крестьянина с землей, но лишая его контроля над производимой им продукцией, которая изымаясь помещиками и властями и поступала на рынок, где включалась в процесс накопления капитала. И в «западном», и в «восточном» варианте принципиальную роль играло государственное принуждение.

Наконец, остается принципиально важный вопрос об организации мирового экономического пространства. Вопреки представлениям, характерным для Адама Смита, согласно которым открытие рынков происходит стихийно, под давлением «дешевой цены товаров», на практике имеет место постоянное давление, включая вооруженные интервенции, без которых не просто открытие, но и возникновение рынков было бы невозможно. Это принуждение к рынку осуществлялось в ходе колониальной экспансии, причем в Индии местная буржуазия спонсировала английских полководцев, стремясь их руками преобразовать собственное общество. Роберт Клайв, начавший завоевание Индии, не получал финансирования из Лондона, где с большим подозрением смотрели на его военные предприятия, но он не испытывал нужды в деньгах, поскольку бенгальские предприниматели щедро выделяли ему столько средств, сколько он просил. С другой стороны, каждая успешная операция завершалась дележом добычи, в котором участвовали все заинтересованные группы – местные английские бизнесмены, индийские банкиры, армянские купцы и т. д.

Проблема Индии и Востока не в том, что они были «отсталыми» или не имели развитых форм предпринимательской культуры, – современные исследования убедительно опровергают эти тезисы, демонстрируя, напротив, что именно европейцы учились бизнесу у индусов, а часто и у мусульман, не говоря уже об армянах и азиатских евреях, но в том, что они *не сумели или не успели выработать государственных форм, обеспечивавших буржуазное развитие. Европа опередила Восток именно в этом отношении и именно поэтому стала центром формирующейся капиталистической миросистемы. Европейские империи стали формой организации соответствующего мирового экономического и социального пространства, а империализм – итогом развития этих империй.* Монополизация производства стала итогом развития свободного рынка, а олигополистическая конкуренция – глобальной формой, в которой может существовать буржуазный порядок в эпоху, когда концентрация капитала достигает планетарных масштабов. Государство в очередной раз спряталось за рынок, предоставляя капиталу непосредственное управление текущими процессами – в той мере, в какой капитал мог осуществлять его без прямого насилия, эффективно и самостоятельно. Но *кризис начала XXI в. свидетель-*

ствует о том, что в очередной раз ресурс буржуазного саморегулирования исчерпан. То, как быстро исчерпываются эти ресурсы, дает основание подозревать, что свободный рынок является скорее серией эпизодов в рамках капитализма, чем его нормой. Очередной кризис возвращает государство на авансцену экономического развития, но подобно тому, как это произошло в ходе кризисов XIV и XVII вв., а также начала XX в., это возвращение будет сопровождаться войнами и революциями. И на сей раз революции будут, скорее всего, антибуржуазными.

Примечания

- ¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 23. С. 157.
- ² Термин А.Граммши.
- ³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 412.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Термин В.Куренного.
- ⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 729.
- ⁷ Там же. С. 728.
- ⁸ Там же. С. 734.

И.И. Мюрберг

Т.Х.Маршалл и концептуальная история режимов гражданства*

В лексиконе политической теории термину «гражданство» принадлежит заметное место. Это одно из тех ключевых понятий, без которых немислимо современное мироустройство. Понятия такого ранга служат нам указаниями на некие аспекты жизни общества, без которых общество как политическая сущность кажется невозможным. Гражданство представляется современному сознанию чем-то само собой разумеющимся, неким вневременным атрибутом политического бытия как такового (по крайней мере, так было до рубежа XX и XXI вв., когда мир оказался захвачен волной глобализации). Между тем институт гражданства можно признать древним лишь с существенными оговорками: античный полис, породивший понятие гражданства и наделивший его высоким нравственным этосом, отделен от современного политического общества не только и не столько хронологически, сколько эпохально. Эпохи, в отличие от лет, веков и тысячелетий, разрывают ткань человеческого бытия, придают ему дискретность. Точнее, сами люди, периодически оказываясь в ситуациях «начала», вставая перед исторической необходимостью перестраивать одни институты и создавать заново другие, находят пути перехода из старого в некое принципиально новое социетальное состояние. Как известно, последним масштабным переходом такого рода стало вступление европейской цивилизации (включая в понятие «европейского» и

* Работа выполнена в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (2009–2013), тема «Проблемы гражданства и идентичности», шифр 2009-1.1-306-077-013.

североамериканское общество) в эпоху модерна. И именно модерн обеспечил расцвет института гражданства, сделал его неотъемлемой и «естественной» частью нашей жизни.

Разумеется, данный процесс имел свою историю, весьма существенную в плане становления институтов современного общества. Работа по систематическому осмыслению этой истории, категориально упорядочивающей гражданство как реалию сегодняшней политики, была начата только в XX в. Лидером этого начинания не случайно стала родина капитализма Британия. Именно в стране, сделавшей XIX столетие «золотым веком» либерализма, с предельной ясностью обозначились все те подвижки в области государственного строительства, совокупность которых и обеспечила закрепление за гражданством статуса специфически современного общественно-политического института. Эволюция института гражданства в XIX–XX вв. демонстрирует в своих основных чертах важные параллели с этапами развития британского либерализма – политического течения, «волны» от которого распространились на всю ту часть современного мира. Эволюция гражданства так или иначе оказалась затронутой процессом капиталистической модернизации.

Имя Томаса Хэмфри Маршалла упоминается практически во всех исследованиях, посвященных современному институту гражданства: ни одно из них не обходится без упоминания его epochального труда «Гражданство и социальные классы»¹. Первое, о чем говорят в связи с этой работой, – это указание, что в основании идеи гражданства лежит специфически современное представление о правах. Разъясняя особенности этого представления, Маршалл выделяет в феномене гражданства три элемента, а именно, три типа прав: гражданские, политические и социальные. Гражданский элемент (1) включает в себя права, обеспечивающие индивидуальную свободу, – таковы свобода личности, свобода слова, мысли и вероисповедания, а также право собственности, право заключать договоры и право на правосудие («последнее есть право защищать и утверждать все свои права с позиций равенства с другими людьми, используя при этом официально принятые процедуры»²). Институциональным обеспечением гражданского элемента занимаются судебные органы. Политический элемент (2) предполагает право участия в реализации политической власти в качестве

члена организации, обладающей политической автономией, или в качестве выборщика членов подобной организации. Это право институционально обеспечивается парламентом и аналогичными органами власти на местах. Под социальным элементом (3) Маршалл понимает широкий спектр прав: от права на необходимый минимум экономического благосостояния и безопасности до права наследовать в полном объеме социальное богатство общества и жить жизнью цивилизованного существа, согласно стандартам, преобладающим в обществе на данный момент. Подобные права способны гарантировать личности системы образования и социального обеспечения.

В прежние времена, говорит Маршалл, все три элемента «были связаны между собой единой нитью» вследствие того, что обеспечивающие их права (ныне автономные) прежде существовали в институционально не различенном состоянии. В этой связи важно понимать, что история любых институтов есть история дифференциации. Этот тезис Маршалл развивает на примере исторического развития английского общества. Надо сказать, социальная философия Британии традиционно развивалась каждым новым мыслителем в духе конструктивной критики идей предшественников. Вспомним таких корифеев политической мысли, как Дж. Локк, Д.Юм, Дж. Бентли, Дж.-С. Милль, – все они считали необходимым предпослать изложению своих идей изложение тех работ и учений, в качестве реакции на которые был задуман их собственный теоретический вклад. Для Маршалла объектом критического исследования послужили взгляды известного британского экономиста XIX века, сторонника неоклассического направления в политэкономии, основоположника неолиберализма Альфреда Маршалла. Последний, утверждает он, шагнул далеко за границы собственно экономической науки, обнажая во всей ее полноте природу и содержание проблем, с которыми приходится справляться политике, и делая прикидки относительно возможности альтернативных средств достижения поставленных целей. Тем самым им фактически совершался переход от экономического к социально-политическому анализу, в чем легко убедиться, встречая утверждения вроде того, что термин «рабочий класс» призван объяснить нам не «то, как влияет на человека работа, а не то, как он влияет на работу»³. Этим утверждением схватывалось общее

направление движения теоретической мысли: от количественной оценки уровня жизни – оценки с позиций потребляемых товаров и услуг – к качественной оценке жизни в целом⁴. Оценивать уровень жизни с точки зрения качества значит уметь выделять «существенные элементы в культуре или цивилизации».

Внимание к «существенным элементам» было подсказано британскому экономисту самой политической практикой конца XIX в., состоявшей в претворении в жизнь общественного идеала социал-либерализма. Данное политическое течение, сформировавшееся в стране в последней трети XIX в. и отразившее стремление британского общества «искупить вину» перед рабочим классом, имело своей общей целью выравнивание материальных условий жизни различных общественных классов. Однако инициированные им практики с неизбежностью поставили на повестку дня вопрос о «пределах равенства». С одной стороны, никаких «непреодолимых препятствий на пути безграничного улучшения положения рабочего класса не существовало»⁵; стало быть, не существовало препятствий для установления полного равенства. С другой – сам дух либеральной свободы, ценящей индивидуальность, заключал в себе неравенство. Поступиться принципом сохранения неравенства означало в этом смысле перейти с либеральных на социалистические позиции. Данный нюанс остро чувствовали теоретики политики конца XIX в. Именно он подталкивал к существенному пересмотру понятия равенства, к анализу спонтанно происходившей эволюции равенства как социально-политического института.

«Гражданство есть статус, распространяемый на всех полноправных членов общества. Все, кто обладает этим статусом, равны в отношении прав и обязанностей, налагаемых им. Относительно содержания этих прав и обязанностей не существует универсального принципа, но в странах, где институт гражданства развивается, формируется образ идеального гражданства, служащий мерилем оценки достижений и качества поставленных целей. Следовать ему значит полнее осуществлять равенство, обогащать сам образ и увеличивать число включенных. В то же время социальное классовое деление есть система неравенства. Подобно гражданству, оно тоже может иметь под собой систему идеалов, верований и ценностей. Это позволяет предполагать, что гражданство и социальные классы находятся между собой в конфликтных отношениях. Если

я прав, полагая, что гражданство как институт развивалось в Англии с последней трети XVII в., тогда ясно, что это развитие совпадает со становлением капитализма, который есть система неравенства. Этот факт нуждается в прояснении. Как возможно, чтобы оба этих принципа развивались и благоденствовали на одной почве в одно и то же время? Что делало их не только совместимыми, но на какое-то время даже союзниками, а отнюдь не врагами? Этот вопрос тем более важен, что в XX в. они, как известно, являются антагонистами»⁶.

Ответ на поставленный вопрос заключается в динамике исторического развития: в данном случае речь идет о развитии института равенства. Изначально, показывает Маршалл, равенство существовало исключительно в рамках партикулярных объединений, таких как сельские общины, гильдии мастеровых в городах и пр. В процессе экономического отмирания разорявшихся и уходивших в прошлое сословных объединений в Англии возникали первые «учреждения равенства» общенационального масштаба. В британских условиях ими оказались предприятия и службы, созданные в осуществление принимаемых парламентом «законов о бедных». В конечном счете из этих зародышевых форм общности, построенной на принципах равенства, и было создано национальное государство, реализация которого произошла через распространение на всех членов общества принципа единства прав и обязанностей. Таким образом, классическому национальному государству соответствует главная заповедь гражданства – требование равенства всех, по умолчанию дополняемое в национальном государстве требованием сохранения классового неравенства. Пространственно-географическое слияние (начиная с XII века его движущая сила – common law (общее право), позже – парламент) дополняется здесь углублением функциональной дифференциации, являющейся носителем потенциала неравенства.

Итак, в описанных исторических обстоятельствах три упомянутых выше элемента гражданства (гражданский, политический, социальный), ранее существовавшие в слитности, стали развиваться каждый по-своему. С данными историческими подвижками связана оценка Т.Х.Маршаллом теоретического вклада А.Маршалла как предтечи теории гражданства: «Он постулирует существование чего-то вроде базового человеческого равенства, ассоциируемого с понятием полного членства в сообществе, го-

вора иначе, с гражданством. Подобное не исключает тех типов неравенств, которые характерны для присущих обществу различающихся экономических уровней. Иными словами, неравенство в социально-классовой системе может считаться приемлемым при условии, что признается равенство гражданское»⁷. В то же время примечательно, что на этой ранней стадии гражданство определяется почти исключительно через обязанности граждан, а не через их права. Так, А.Маршалл готов был не колеблясь признать за гражданами только один вид прав – право детей на получение образования – и допускал возможность осуществления государством принуждения в целях реализации им этого права. Расширение же набора обязательных прав означало бы для него отказ от собственного требования сохранения свободы рынка и недопущения в свою систему элементов социализма.

Между тем сама логика процесса, при котором территориальное слияние некогда самодостаточных единиц сопровождалось функциональной дифференциацией институтов управления, требовала радикальных трансформаций: «механизм, посредством которого осуществлялся доступ к институтам, гарантирующим права граждан, должен был быть полностью преобразован. Применительно к политическим правам преобразования приняли вид всем известной истории введения всеобщего избирательного права и пересмотра условий членства в парламенте. Преобразование гражданских прав затронуло вопросы юрисдикции судов различного уровня, привилегий юристов и, главное, финансовых обязательств по возмещению связанных с тяжбой расходов. В случае социальных прав центральным стало принятие Закона о поселении и переселении и различные формы проверок на состоятельность. Все вместе названные механизмы определяли не только то, какие права признавались в принципе, но и то, можно ли было осуществлять эти права на практике»⁸.

Разделившись по разным сферам общественной жизни, три названных вида прав обрели каждый собственную историю. Т.Х.Маршалл сравнивает их отношения с отношениями некогда близких людей, которые теперь почти не разговаривают друг с другом, не могут найти общего языка. Однако важно понимать, что подобная разнонаправленность, непредсказуемость развития гражданских, политических и социальных прав стала возможной

благодаря универсализации нормальной для традиционного общества сословной статусности. Новый «демократический или универсальный статус естественно проистекал из того факта, что по сути речь шла теперь о статусе свободного человека... [З]амена рабского труда свободным была описана профессором Тони как “важная веха в развитии как экономического, так и политического общества”, как “окончательный триумф общего права” в регионах, на которые это право не распространялось на протяжении предшествующих четырех веков. Но с этого времени английский крестьянин стал “членом общества, в котором существовал, по крайней мере номинально, один закон для всех”⁹. Та самая свобода, которую заполучили его предшественники, сбежавшие из деревни в свободные города, теперь стала по праву принадлежать и ему. В городах слова “свобода” и “гражданство” были синонимами. Когда свобода стала свободой для всех, гражданство было преобразовано из местного в общенациональный институт»¹⁰.

Таким образом, Маршалл рассматривает гражданство как существенно современный институт. Историческая суть его определена им прежде всего как выборочная универсализация сословных и прочих привилегий, сопровождающаяся их качественным изменением, которое есть вторичный эффект. Данная трансформация описывается им как процесс «*обретения правами статуса свободы*» (курсив мой. – И.М.). Так, в XVIII в. – в эпоху, когда гражданские права уже достигли стадии универсализации, – политических прав «не хватало, не хватало не в содержательном плане, а в смысле их распространенности, именно в этом отношении они не соответствовали критериям демократического гражданства». Принятый в 1832 г. под давлением сторонников либерализма *laissez-faire* (свобода рук – фр.) знаменитый «Билль о реформе» в этом смысле мало что изменил. Для подлинного утверждения политического элемента гражданства потребовались качественные преобразования структуры данного института в целом.

В этой связи Маршалл, забегая вперед, позволяет себе обобщающий вывод о том, что в истории Англии можно выделить периоды формирования каждого из трех элементов гражданства: гражданские права (в выше приведенном определении) формировались преимущественно в XVIII, **политические – в XIX, а социальные – в XX в.** Надо сказать, что в подобной упрощенной схеме

ряд современных исследователей гражданства усмотрели основание для того, чтобы приписать Маршаллу весьма наивный, пронизанный прогрессистскими надеждами взгляд на историческое развитие социально-политических институтов. На самом деле, однако, взгляды классика теории гражданства – благодаря их привязке к конкретной стране и эпохе – сочетают обобщающие выводы с высокой степенью предметности, и в этом плане приписываемые ему прогрессистские схемы оказываются неработающими.

В качестве примера выберем поучительный опыт рассмотрения им исторического становления политической составляющей гражданства. Как уже говорилось, первоисточником социальных прав была средневековая система членства в местных сообществах, система партикулярная и потому не имеющая непосредственного отношения к институту гражданства. Начиная с XVI в. этот источник дополнялся системой регуляции заработной платы и особенно чередой «законов о бедных», начало которым было положено в царствование Елизаветы I (1533–1603). В XVIII в. система регуляции зарплат пришла в упадок не только вследствие промышленной революции, но и из-за несовместимости ее с формирующимся новым пониманием того, какими должны быть гражданские права в экономической сфере. Главным при новом способе производства стала свобода договоров, право выбора места и вида работы. Регулированию зарплат просто не находилось места в системе новых практик экономической свободы.

В то же время, если говорить о елизаветинском «Законе о бедных», то он даже по современным оценкам представлял собой беспрецедентную попытку привести реальные доходы трудящихся в соответствие с их социальными потребностями и статусом гражданина. Закон фактически обеспечивал гарантированный минимум зарплат и семейных пособий, предусматривал право трудящихся на работу, а в отсутствие работы – на пособие. Таким образом, необычайно высокий уровень социальных прав планировался в общенациональном масштабе еще в XVI в. Дальнейшая (с XVI до начала XX в.) история британских законов о бедных представляла собой историю борьбы социального элемента гражданства с преобладающими силами формирующегося капиталистического способа производства. Так, в XVIII в. основное содержание «Закона о бедных» составляло учреждение работных

домов для трудоспособных бедняков. Показательно, что работные дома, замышлявшиеся как производственные единицы, вынуждены были – в ответ на ожидания бедняков и в качестве реакции на их плачевное положение – взять на себя также и функции социальных учреждений: детских яслей, ночлежек, сиротских приютов и домов для престарелых. Между тем уже к XIX в. стало ясно, что подобные социальные учреждения обречены на исчезновение. Содержание их дорого обходилось государственной казне, хотя в сущности никакой расход не является для государства чрезмерным, если имеет под собой достаточное морально-политическое обоснование; но именно в этом смысле позиции законов для бедных чрезвычайно ослаблялись теми подходами к проблеме бедности, которые демонстрировали наиболее влиятельные апологеты утверждающегося «коммерческого общества». Так, И.Бентам настаивал на дисциплинарном, пенитенциарном подходе к решению социальных проблем; Т.Мальтус предлагал рассматривать феномен обеднения населения с точки зрения проблемы «перенаселения», констатировать наличие которого Мальтусу позволяло им же введенное гипотетическое представление об объективном пределе плодородия сельскохозяйственных земель; Д.Рикардо в трактовке социальной проблематики отводил центральное место своему «железному закону заработной платы», согласно которому заработная плата колеблется вокруг физически необходимого минимума средств существования и ее увеличение неизбежно приводит к превышению предложения рабочей силы над спросом на нее. Таким образом, главную роль в уничтожении работных домов сыграла идеология реформаторов, согласно которой система вспоможения бедным подрывала позиции «независимого труженика». В годы наполеоновских войн некоторые реформаторы изменили функции работных домов на подведомственных им территориях, превратив их в «работные дома устрашающего назначения» (*detergent workhouses*), т. е. такие учреждения, нежелание находиться в которых заставляло бы бедняков искать «нормальную» работу. Начиная с этого времени и вплоть до официальной отмены работных домов законом 1929 г. о местном самоуправлении законы о бедных оставались для Британии средством принуждения бедняков к существованию в условиях рыночной экономики. Таким образом, на последней стадии своего исторического развития «закон о бедных

был поддержкой капитализму, а не угрозой ему, так как он снимал с промышленности социальную ответственность за все то, что выходило за рамки трудового договора, и обострял конкуренцию на рынке труда»¹¹. Маршалл фиксирует происходящие одновременно со сменой эпох изменения в содержании тех или иных общественных установлений, показывая, что сами эти изменения являлись составными частями общеполитических задач, решение которых взял на себя в Новое время институт гражданства. С этой точки зрения, введение на стыке XIX и XX вв. **обязательного начального** обучения «также было поддержкой капитализму, поскольку оно повышало цену рабочей силы и в то же время не поднимало рабочего на не свойственную его статусу высоту»¹².

Изменения, имевшие место в сфере защиты бедняков на протяжении первой половины XIX в., описываются Маршаллом в терминах возникновения разрыва между гражданским статусом и социальными правами. Свидетельства тому, что подобный процесс не был случайностью, он находит и в других сферах жизни английского общества, прежде всего в сфере фабричного законодательства и публичного образования. Так, происходившее в то время совершенствование фабричного законодательства, несмотря на то, что оно давало реальное улучшение условий труда и обеспечивало сокращение его максимальной продолжительности, «сознательно не распространялось на взрослых мужчин, т. е. именно на тех из трудящихся, кто [по законодательным условиям XIX в. – *И.М.*] и являлся гражданами *par excellence*. Это нераспространение льгот на работоспособных мужчин было актом уважения к их гражданскому статусу, так как применение к человеку мер по социальной защите было равнозначно ущемлению его гражданского права на заключение свободных трудовых договоров. Названные меры по социальной защите были адресованы исключительно женщинам и детям, так что защитники прав женщин немедленно усмотрели в этом унижение достоинства женщин. Коль скоро женщины хотели быть полноправными гражданами, они, по мнению сторонников равенства полов, должны были отказаться от социальной защиты»¹³. Примечательно, что к концу XIX в. данная логика утратила силу, и фабричное законодательство стало неотъемлемой составляющей социальных гражданских, т. е. универсальных прав.

Аналогичным образом эволюционировала государственная политика в области образования. Еще экономист Альфред Маршалл, признававший образование законным объектом деятельности государства, определял образовательную политику в качестве «сферы услуг», пусть даже весьма специфичной. Действительно, существует соблазн утверждать, что право детей на получение образования имеет не больше отношения к их гражданскому статусу, чем право их быть защищенными от непосильного труда. Ведь дети по определению не могут быть гражданами. Но данный образ мысли Т.Х.Маршалл считает ошибочным. «Образование детей имеет самое непосредственное отношение к гражданским правам: когда государство гарантирует образование всем детям, оно, несомненно, преследует цель сформировать тем самым некий образ взрослого человека-гражданина и выставляет определенные требования к этому гражданину. Оно стремится влиять на процесс формирования граждан, так как гарантированное образование для ребенка имеет своей целью определенным образом сформировать взрослого человека. В сущности, подобное следует расценивать не как право ребенка ходить в школу, а как право взрослого быть образованным человеком. В этом [имеется в виду обязанность ребенка ходить в школу. – *И.М.*] нет никакого противоречия с гражданскими правами в том их понимании, которое бытовало в эпоху индивидуализма. Ведь гражданские права предназначены для людей разумных и компетентных, людей, умеющих читать и писать. Образованность есть необходимое условие гражданской свободы»¹⁴. Вот почему начальное образование стало в Британии конца XIX в. не только всеобщим и бесплатным, но и обязательным.

Данный экскурс в историю английских законов о бедных, историю фабричного законодательства и всеобщего образования позволяет полнее понять, какой именно смысл вкладывал Т.Х.Маршалл в утверждение: XIX век был для Британии эпохой формирования политической составляющей гражданства, а век XX – эпохой формирования его социальной составляющей. Теперь мы можем видеть, что дело обстояло совсем не так, будто новые «элементы» феномена гражданства появлялись из ничего в качестве совершенно новых социально-политических практик. Маршалл показывает: в то время как сами практики (в рассматриваемом случае это практики социального обеспечения) шли из глубины веков, сохраняя прочную исто-

рическую преемственность с прошлым, их политическая трактовка претерпевала революционные преобразования. Вместе с тем в описании теоретика гражданства данные радикальные сдвиги отнюдь не выглядят сплошной сменой мыслительных парадигм, вытесняющих одна другую просто потому, что «все течет...». В интересующем его процессе смен идеологий отчетливо различима точка начала некоего периода, историческое завершение которого находится за гранью обозримого будущего. Остановимся на этом аспекте его анализа.

Маршалл не дает читателю специальных разъяснений относительно того, почему именно XIX в. характеризуется им как эпоха появления политической составляющей института гражданства. Вместо разъяснений читателю представлена довольно неоднозначная, определяемая условиями места и времени картина чередования эпох преобладания той или иной разновидности прав. В целом это описание динамики развития института гражданства, порожденной современной политической свободой, – динамики столкновения, с одной стороны, движения за расширение политического равенства и социальных прав, а с другой – капиталистического рынка и классовых устоев общества. В предложенном им описании принципы гражданства оказываются ареной данной борьбы, в ходе которой стороны стремятся ограничить возможности друг друга, добиться наиболее выгодной для себя конфигурации гражданских прав. И в какой-то момент эта борьба за социальные цели возвращается на политическую арену. Таким образом, за фасадом заявленного теоретиком схематичного разнесения трех видов прав (гражданских, политических, социальных) по сменяющим одна другую эпохам обнаруживается гораздо более сложная историческая траектория. Эта последняя в большой степени определяется вечным стремлением сторонников рынка играть главную роль в распределении социальных прав. Для этого они нуждаются в насаждении более индивидуалистических представлений о защите гражданских прав – подобное дало бы им основания требовать ограничения действия принципа политического равенства государственной сферой. Сторонники социального гражданства, наоборот, стремятся не ограничивать свои цели постоянным повышением уровня работы социальных служб, что способно уменьшать силу денег над обществом. Их главная цель – утвердить в рамках гражданского общества некую «сферу гражданственности», спо-

собную дополнить собой институт политического гражданства. В свою очередь это означает, что движение за социальные права, противостоящее рыночному и классовому принципам функционирования общества, становится движением за новое понимание самого гражданского общества. В контексте этой борьбы анализ Маршаллом становления современного социального гражданства сохраняет свою актуальность.

Литература

- Barbalet J.M.* Citizenship. Minneapolis: Univ. of Minnesota Press, 1988.
- Dahl R.* Procedural Democracy // Philosophy, Politics and Society / Ed. P.Laslett, J.Fishkin. New Haven: Yale Univ. Press, 1979.
- Giddens A.* Class Conflict, Class Division and Citizenship Rights // Profiles and Critiques in Social Theory. Berkeley: Univ. of California Press, 1982.
- Giddens A.* The Nation State and Violence. Berkeley: Univ. of California Press, 1981.
- Gorham E.* Social Citizenship and its Fetters // Polity 28. 1995. № 1.
- Hirschman A.* The Rhetoric of Reaction. Cambridge: Harvard Press, 1991.
- King D. and Waldron J.* Citizenship, Social Citizenship and the Defense of Welfare Provision // British Journal of Political Science 18. 1988. № 4.
- Klausen. J.* Social Rights and State Building T.H. Marshall in the Hands of Social Reformers // World Politics 47. 1995.
- Kymlicka W. and Norman W.* Return of the Citizen // Theorizing Citizenship / Ed. R.Beiner. Albany: State Univ. of New York Press, 1995.
- MacPherson C.B.* The Life and Times of Liberal Democracy. Oxford Univ. Press, 1978.
- Mann M.* Ruling Class Strategies and Citizenship // Citizenship Today / Ed. M.Bulmer, A.Rees. L.: UCL Press, 1996.
- Miller D.* Democracy and Social Justice // British Journal of Political Science 8. 1978.
- Pateman C.* Democratization and Citizenship in the 1990's: The Legacy of T.H.Marshall. Oslo: Institute for Social Research, 1996.
- Rees A.M.* The Other T. H. Marshall // Social Policy 24. 1995. № 3.
- Rees A.M.* The Progress of Citizenship // Citizenship Today / Ed. M.Bulmer, A.M.Rees. L.: UCL Press, 1996.
- Rosenberg A.* Democracy and Socialism. Boston: Beacon Press, 1969.
- Runciman W.G.* Why Social Inequalities are Generated by Social Rights // Citizenship Today / Ed. M.Bulmer, A.Rees. L.: UCL Press, 1996.

Spencer H. Parliamentary Reform: The Dancers and the Safeguards // Essays Scientific, Political, and Speculative. Vol. 3. Indianapolis: Liberty Fund, 2004.

Примечания

- ¹ *Marshall T.H.* Citizenship and Social Class and other essays. Cambridge, 1950.
- ² Ibid. P. 9–10.
- ³ *Marshall A.* The future of the working classes // Memorials of Alfred *Marshall* / Ed. by A.C Pigou. N.Y., 1956. P. 5.
- ⁴ *Marshall T.H.* Class, Citizenship and Social Development. N.Y., 1964. P. 69.
- ⁵ Ibidem.
- ⁶ *Marshall T. H.* Citizenship and Social Class... P. 28–29.
- ⁷ *Marshall T.H.* Class, Citizenship and Social Development... P. 70.
- ⁸ Ibid. P. 74.
- ⁹ *Tawny R.H.* Agrarian Problem in the Sixteenth Century. L., 1912. P. 43–44.
- ¹⁰ *Marshall T.H.* Class, Citizenship and Social Development... P. 76–77.
- ¹¹ Ibid. P. 41.
- ¹² Ibid. P. 88.
- ¹³ Ibid. P. 81.
- ¹⁴ Ibid. P. 81–82.

А.Б. Баллаев

«Ранний капитализм» и перспективы социального государства

В понятии «социального государства», при всей его условности, зафиксирована реальность, которая с середины XX в. стала фактом жизни в Европе и затем постепенно в других частях планеты. Как известно, «социальность» государства реализуется в особом праксисе «социальной политики», что подразумевает создание образовательного и профессионального сегмента «социальной работы», бюджетное финансирование общественного сектора, т. е. систем образования, здравоохранения, в какой-то степени жилищного строительства и культурного обеспечения, даже и поддержки семьи в странах с низкой рождаемостью и т. д.¹. Прежде, в первой половине XX в., в XIX в. и ранее, ничем подобным государства практически не занимались, если не считать робких попыток О.Бисмарка. К нашему времени, несмотря на явную историческую новизну подобной деятельности государства, к ней уже привыкли и во многих странах относятся как к чему-то «естественному». Феноменальная данность и обыденная привычность праксиса вообще, не только в случае «социального государства», создает иллюзию понятности, т. е. познавательной достаточности соответствующего дискурса. Однако онтологическая новизна в социуме так просто не раскрывается. В данных обстоятельствах представляется нелишним подумать о «социальном государстве» в стилистике реалистического историцизма, без агрессивной оценочности.

Капитализм – проблема «начала» и «конца»

Для обоснования вышесказанного нужно напомнить о «начальности» («зачаточности», «эмбриональности») того исторического процесса, своеобразным (отнюдь не главным или основным) выразителем и частью которого стало «социальное государство» во всех своих ипостасях. К сожалению, в политической философии редко учитывается новизна, ограниченность во времени многих исторических практик: научных, технических, культурных и даже политических. В частности, таких, которые продолжают называть капитализмом. Они не так уж давно возникли и не столь закрепились в прошедшей истории, как обычно думают их апологеты и критики. Я имею в виду таких теоретиков, как Фернан Бродель, Иммануил Валлерстайн и известное количество приверженцев и отрицателей их идей.

Это необходимо пояснить. Во-первых, что может быть условнее и поверхностнее привычного деления исторических процессов на «ранне-поздние состояния», «детско-старческие периоды» применительно к формам общества, цивилизациям, государствам и т. п.! «Постиндустриализм», «постэкономическая формация», «Spätkapitalismus» – первое, что припомнилось из квалификаций настоящего времени. Столь же условны высказывания об «особых стадиях», «рождениях», аналогиях с «ростом – расцветом», и последнее всего чаще и неуверительнее высказывается относительно изменений в экономике с ее статистическими критериями. Причем это касается не только так называемого «капитализма», а любой квалификации какого-либо социального объекта во времени: царства в Египте, китайские династии, «эпохи» японской истории или различные градации в европейском средневековье, включительно до «высокого», и так далее. «Раньше-позже», «росток–цветок», «маленькое-большое», «дитя–старец» – все эти исходные аналогии, развенчанные еще неопозитивистами, в размышлениях об исторических процессах неизбежны, но они же и ограничивают, в спинозистском смысле, наше понимание реальной истории. Как же быть? Видимо, если эти неизбежные аналогии и квалификации применять, то уж лучше с поправкой на иллюстративные соображения.

Во-вторых, что важнее, «эмбриональность» или «начальность» наличествующего состояния капитализма можно признать потому, что фактическое продолжение расширения и соответствующее закрепление данной общественной формы на планете имеет место, оно не закончилось. Капитализм только-только подходит к реальной всемирности, для которой все, подводимое под идеологему «глобализации», суть средства и феноменальные проявления. Связь, торговля, финансовое «пространство», социокультурное сближение стран и континентов, даже такая верхушечная завитушка истории, как спорт («мировые чемпионаты!»), – все это имеет основой увеличение некоего фундаментального «общего порядка», обеспечивающего сближение-единение человечества. Но что такое этот порядок, дружно именуемый множеством ученых капиталистическим? Или, более точно, что же это за форма общества? Эта форма (как она понимается в марксистской традиции) задается фундаментальным отношением «наемный труд – капитал», со всеми пояснениями и дополнениями. При всей критике этого теоретического утверждения на практике его еще никто не отменил. Более того, можно смело утверждать, что все возможные читатели данного опуса, как и его автор, включены в это отношение, причем на одной его стороне. Мы все можем это засвидетельствовать даже на «суде истории», несмотря на все разговоры о конце, завершении этой экспансии, «конец капитализма», его «исходе» и т. п. Ведь и конструкции валлерстайновской школы лишь теоретически легитимируют наличное состояние этой общественной формы, почти не замечая, что пандемия системы «наемный труд – капитал» еще только распространяется по земному шару, во многом с подражанием классическим англосаксонским образцам, но нередко и далеко отходя от них. Истоки этого процесса в XVI–XIX вв., с указаниями на политико-экономическую специфику Венеции и Генуи, Нидерландов и Англии, как это принято у последователей И.Валлерстайна², как раз и фиксируют это «возникновение в отсутствии», как эмбрион есть не только «потенция человека», но и его реальное не-существование.

В принципе, «наличное бытие» общественной формы, видимо, как и любой формы, можно считать раскрывшимся = зрелым = определенным лишь тогда, когда оно обретает статус «субстанциональности», т. е. самостоятельного и независимого от внеш-

них факторов существования. Эту философскую аксиому нельзя использовать в виде отмычки к сложным историческим процессам, но относительно капитализма все выглядит именно так. Он реально утверждается или утвердится тогда, когда его существование уже не будет нуждаться в подпорке в виде эксплуатации-использования *докапиталистических* и *некапиталистических* социально-экономических форм, о чем писала еще Р.Люксембург в «Накоплении капитала», а затем это было развито в традиции Броделя – Валлерстайна. «Зрелость капитализма» предполагает, как минимум, преобразование бесконечного многообразия форм хозяйствования (производства) на планете по общему типу отношения «наемный труд – капитал», каковое и происходит на наших глазах. Напомним, что еще Маркс полагал, что крестьянство и ремесленники не охвачены этими отношениями. Добавим, что это означает, что в то время огромная часть населения планеты, целые континенты еще толком и не слышали о капитализме, несмотря ни на какую колонизацию. К XXI в. все уже полностью или почти полностью поменялось, наемный труд господствует. Конечно, данный процесс смены не совсем то, что понимается, по Р.Бреннеру, как пролетаризация, но и этот смысл в нем имеется.

В-третьих, классическое отношение «центр – периферия» мира-экономики на наших глазах изменяется. Система эволюционирует, «центр» все более расширяется, вплоть до условного «золотого миллиарда», и сам патриарх Валлерстайн вынужден записывать в Европу Австралию и Новую Зеландию, а Японию, ничтоже сумняшеся, многие теоретики спокойно именуют «западом» в экономическом смысле. Почти нет сомнений и в том, что так называемая «полупериферия» вскоре, видимо, получит реальное «большинство» в мировой системе. Растет ли количественно или пространственно периферия мирэкономки? Нет, не растет, если речь идет об относительно заметных отрезках исторического времени. За XX в. она несколько сократилась, и, несмотря на контртенденции, сокращение продолжится. Не исключены и иные сдвиги. Однако главное, что нужно подчеркнуть, что система изменяется, сохраняя свои исходные характеристики принципиального плана. Социальное неравенство растет, разрыв между богатством и бедностью на планете только увеличивается, можно уже вспоминать об «абсолютном обнищании» в марксовском смысле, как за-

метил где-то Валлерстайн. Более того, содержательные прогнозы ближайшего развития прямо исходят из тезиса о сохранении этих характеристик неизменными (как, например, у Д.Арриги в его прогнозах о будущей роли Китая в мир-экономике)³.

Трудно не согласиться с этими прогнозами. В свою очередь можно предположить, что существование капиталистической общественной формы как таковой, в ее «зрелом состоянии», которое и начнется после завершения мировой ее экспансии, будет более соответствовать той модели, которая в абстрактно-теоретическом виде представлена в «Капитале». То есть регионов и стран, сословий и классов, не вовлеченных в непосредственное отношение «труда» и «капитала», попросту не останется. Отметим для понятности, что общее отношение «труд – капитал» вовсе не исключает процессов усложнения социальных структур внутри этого отношения. Однако здесь назревает вопрос, требующий пояснения...

Отчего нет конца постоянным уверениям в «завершении» капитализма, его окончательном кризисе, приближении «точки бифуркации»? Напомним об ожиданиях Марксом и Энгельсом революции вместе с наступлением очередного экономического кризиса, о ленинской теории империализма как «эпохе кануна революций». И, наоборот, о свидетельствах опасности наступления социализма у таких его врагов, как Л.Мизес, Й.Шумпетер, Ф.Хайек в «Дороге к рабству» и др. Или вот такое современное утверждение: «Мы живем во все более хаотичном мире, что естественно для периода распада исторической системы. Можно быть уверенным лишь в одном: нынешняя система не может продолжать свое существование; ее внутренние механизмы разлагаются»⁴. Иными словами, ожидание конца капиталистического устройства общества типично для «левой» (и не только) теоретической мысли вот уже около двух веков, несмотря на постоянное отдаление ожидаемого в реальном времени. Отчего так?

Прежде всего, речь может идти об одной неустранимой иллюзии человеческого сознания, имеющей глубокие онтологические основания. К сожалению, большинство людей сохраняют установку, наиболее ярко когда-то выраженную Гегелем и состоящую в объявлении именно «своего времени» финалом-финишем мировой истории или, уже не у Гегеля, напротив, началом всех начал. Сознательно или бессознательно люди ведут «отсчет историческо-

го времени» от самих себя, от масштабов индивидуального бытия во времени. Признание незначительности «своего времени» хотя бы в некоторых аспектах или, того обиднее, смирение перед моментальностью его перед временем мировой истории редко проявляется у людей вообще, а у социальных теоретиков в частности. Даже такой мудрый человек, как Маркс, лишь в старости, после серьезных занятий всемирной историей, осторожно высказался о «времени капитализма», т. е. и о времени его собственной, Маркса, жизни и деятельности. В варианте известного письма к В.Засулич Маркс, сравнивая недолгую продолжительность «времени капитализма» с трансгисторической длительностью существования сельской общины, высказался о капитализме следующим образом: это «строй, который если рассматривать его исключительно с точки зрения возможного времени его существования, вряд ли стоит принимать в расчет в жизни общества»⁵. Высказано это в контексте обсуждения перспектив сельской общины, и тем самым оценка «времени капитализма» с очевидностью демонстрирует неустрашимую «фаст-фудность» этого времени сравнительно с общеисторическим феноменом сельской общины. И конечно, историческое время, время жизни общественных форм может быть значительным или, *наоборот, только в сравнении с другими формами, а не с* микроскопическим масштабом индивидуальной жизни. Маркс, в других текстах признававший «зрелость капитализма», его готовность к преобразованию в нечто иное, видимо, ошибался, ибо эта незначительная рядом со временем истории общины социальная форма в XIX в. только-только рождалась, выходила на свет божий. Но этот «момент» в историческом времени (сравнительно со временем жизни сельской общины) вполне может быть представлен в виде броделевского «долгого времени», поскольку люди судят с точки зрения временности индивидуального существования. И это так, хотя само «долгое время» капитализма, возможно, не более чем некий момент сравнительно со временем существования той же сельской общины. Поэтому и представляется, что наименование замечательной книга Дж.Арриги «Долгий двадцатый век» имеет некоторый оттенок комизма. Скорее всего, «век» может быть долгод только в масштабе индивидуального восприятия.

Все сказанное выше никак не отменяет того общеизвестного обстоятельства, что именно комплекс идей, связанных с объяв-

лением «своего времени» началом всех начал, открытием «Vita nova» в той или иной отрасли культуры или сразу во всем отличает XX в. от всего до него существовавшего. Полному финишу соответствует абсолютный старт. Отмена или отбрасывание всего, что было «до нас», требование начинать отсчет времени с себя служит нормативом для манифестов и программ в социальном практике XX в. В этом «веке инноваций и революций» под норматив абсолютной новизны легко подводится не только разнообразие политических превращений, но и деятельность таких почтенных персонажей, как Генри Форд или Коко Шанель, Том Тернер или Билл Гейтс, не говоря о наглядности явления атомной бомбы. Начался же этот процесс тотального обновления значительно раньше. Можно в этой связи вспомнить «Манифест коммунистической партии». В задорном сочинении очень молодых Маркса и Энгельса объявляется о конце капитализма и начале (после политического переворота) коммунизма, о котором конкретно они еще ничего сказать тогда не могли. Напомним, что ликвидация частной собственности есть не более как простая расшифровка основного смысла слова «коммунизм».

Получается, что в каких-то аспектах конец капитализма и начало коммунизма у Маркса с Энгельсом – это двойная утопия: конец того, что не кончается, и начало того, что еще даже не начинается. Конечно, и у всех прочих заявителей во всех сферах деятельности чаще всего получается нечто схожее. В то же время это некий общеисторический диагноз, который данные авторы обосновывали и корректировали всю свою жизнь. Отметим, что сам Маркс ввел соображения о промежуточном периоде, когда оба общественных строя должны бы существовать в некоем «миксте»; это высказано, во-первых, в «Критике готской программы», и, во-вторых, в приведенном нами выше тексте из черновиков письма к В.Засулич, где он и самый капитализм объявил чем-то промежуточным и кратким. И большую временную определенность этим «промежуточным состояниям» социума Маркс придать не решился, ограничившись неопределенным «короче – длиннее». Добавим, что он в старости активно занимался вопросами общеисторическими, много читал по проблематике общинного землевладения и поэтому пришел к более взвешенному и реалистическому пониманию «временности» капитализма⁶. Однако суммарный, наибо-

лее обобщенный и мегаисторический подход к развитию общества был им намечен уже в «Экономических рукописях 1857–1859 гг.»⁷. Если приглядеться, то капитализм у Маркса – завершающая фаза действительно продолжительного во времени процесса развития социума, преобразование которой в «свое иное» трудно представить в виде какого-то краткого акта.

Таким образом, получается, что капитализм как «общественная форма» пока не обеспечивает себе достойного конца, и надежды на этот вариант в ближайшем «завтра» иллюзорны. Он все еще в своем начале, хотя как «общественная форма» он и сам есть только промежуток и одновременно результат всей огромной истории частнособственнического общественного устройства и начало чего-то нового. Его отрицание в виде новой формы общественного устройства также уже просматривается.

Нам представляется, что праксис социального государства, введенный в действие лейбористскими послевоенными реформами, а до них – и значительно радикальнее – социалистическими преобразованиями в России после 1917 г., вполне недвусмысленно это исторически новое репрезентирует. Но, видимо, считать эти инновации собственно началом (в гегелевском смысле) становления социализма-коммунизма не следует, ибо они таковыми еще не являются. Или, в другой терминологии, мы здесь имеем дело с самоотрицанием общественной формы, с имманентной данной форме негацией, а не с решительным скачкообразным действием, рождением новой формы. В этом отношении и российская революция 1917 г. по своему историческому смыслу отнюдь не соответствует тому «имиджу», который она получила во мнениях своих приверженцев и врагов.

2. Первые ростки социального государства в русском социализме XX в.

Общеизвестно, что взявшие в 1917 г. в России власть большевики впервые в истории объявили курс на построение социализма. Это по многим параметрам отлично от концепций и праксиса социального государства в Европе и мире во второй половине века. Самое главное различие в вопросе о частной собственности, ко-

тору социалистическое сознание, базирующееся на марксизме, принципиально отрицает. В СССР она была ликвидирована, и долгое время множеству людей казалось, что сделан главный шаг по устранению капитализма. Но так ли это? Критерием «социальности» является не только специфика собственности, плановый характер хозяйства, идеологические идентификации и даже не равенство в распределении. Все это важно, но вряд ли может быть названо конечными целями социального переустройства. Между тем, начиная, кажется, с Ш.Фурье, который выразил эту мысль применительно к положению женщины в обществе, к этим критерием также должна относиться степень реальной социальной защищенности наиболее слабых и незащищенных членов сообщества, самых низов «угнетенной и униженной массы». Тех, кого еще Аристотель не считал людьми полноценными, т. е. способными существовать независимо от чужой воли: рабов, женщин, стариков и детей... И если рабство было к XX в. худо-бедно, не до конца, но изжито, остальные три варианта «неполноценности», невзирая на весь социальный прогресс мировой цивилизации, по сей день остаются в своей нише слабости и незащищенности. Мы сейчас не учитываем культурно-цивилизационные варианты компенсации этой неполноценности, они есть, но всегда были недостаточны. А ведь это только иллюзия, что речь идет о «социальных слоях», группах или меньшинствах. Женщины суть половина в населении, детство и старость – всеобщие характеристики. Получается, что так или иначе социальный пресс, «железная пята» давит не одних пролетариев мужского пола, а почти всех людей, минус ненасытная стая делящих между собой прибавочный продукт общественного труда, как сказали бы марксисты. Данное положение с социальными правами человека признано как должностное быть устраненным, о чем говорят документы и декларации международных организаций. Также известно, что такое устранение в реальности идет различными темпами на планете и часто сильно тормозится сознательными действиями власть предержащих.

Если вспомнить гегелевское различие позитивной и негативной сторон во всяком существовании (например, позитивная и негативная свобода), то социальные практики в деятельности государств явно относятся к негативной стороне, к «моменту отрицательности», хотя это и у Гегеля не одно и то же. Речь идет не

об улучшении – усилении – укреплении существующего, а о ликвидации – уничтожении – избавлении от него без всякого «снятия». Эти процессы в реальности разнонаправлены, а их объект системен, там все соединено и сращено, хотя уничтожение одного аспекта вовсе не подразумевает автоматически расцвет и укрепление другого. Более того, уничтожение некоторой «свинцовой мерзости» не значит исчезновения мерзости как таковой, просто уровень «свинцовости» несколько уменьшается. От этого процесса, конечно, нужно отличать позитивное движение в социуме, которое легко иллюстрируется, например, достижениями медицины и определенных сфер промышленности или прямым линейным прогрессом военной техники, пенитенциарной системы или так называемого «освоения космоса». Поэтому в источниках социализма и социального государства непременно нужно указать на жесточайшую людоедскую активность юного капитализма и по всем статьям чрезмерное, угрожающее самому существованию «низов» ухудшение их положения. С революциями или без оных, но что-то делать было нужно, чтобы отойти от предельных, «пороговых» ситуаций в социальной сфере. Эти соображения можно бы считать итоговыми для времени начала реформ Бевериджа для Европы, но в России все началось раньше и иначе.

Русская пролетарская революция 1917 г. обязана была создать и создала некую программу в социальной сфере, ибо объявила себя социалистической. Почти сразу же после переворота, во время и после гражданской войны были предприняты определенные исторически инновационные действия. Юридическое равноправие мужчины и женщины, причем полное, за которое Ленин практически извинялся, по воспоминаниям К.Цеткин, поскольку считал это равноправие только формальным, опережающим реальные возможности, защита материнства и детства, бесплатное образование и здравоохранение, государственное пенсионное обеспечение – все это было постепенно введено и развивалось. Что-то быстро, что-то весьма замедленно. В какой степени удовлетворительно? Не думаю, что достаточно – прежде всего потому, что многое начиналось почти с нулевого уровня. Например, защита детства началась с государственных забот о беспризорных детях, коих было множество после гражданской войны, а развитие образования – с ликвидации неграмотности и т. д. Все постепенно развивалось, но

вне первостепенных задач государства, которые концентрировались вокруг процесса индустриализации и подготовки к неизбежным войнам. Поэтому понятно, что все, исходящее от государства, в свете социалистической идеологии воспринималось людьми как должное и в целом казалось минимальным, что, вообще-то, естественно для не слишком богатой страны, тратящей свой тощий бюджет на «оборонку», как теперь выражаются. К финалу же советской власти все это, вся социальная сфера, вызывало уже изрядное недовольство. Однако сравнительно, например, с США, где только собираются вводить всеобщее медицинское страхование, а пока, в XXI в., там миллионы людей не имеют гарантированной медицинской помощи, «социалистичность» = «социальность» упомянутых отечественных преобразований не вызывает особых сомнений. В целом же мы обязаны заключить, что более высокого развития социализм как социальное государство в России не получил или не успел, а точнее, и не мог получить, причем, как нам кажется, по аналогичным с несоциалистическим вариантом «социального государства» причинам.

О чем идет речь? Оказалось, что выполнением проекта социального государства, равно как и национализацией производства, не было затронуто главное, что мучает людей и вызывает либо смутные, либо идеологически выверенные стремления к социальным преобразованиям. Дело в том, что основа всех основ социальной системы капитализма – его производственная сфера – как в технико-организационном смысле, так и по форме, т. е. в плане общественных отношений оказалась практически нетронутой. В советское время об этом было невозможно писать, поскольку слишком многое уже было написано, например, Г.Маркузе. Позднее подобное сделалось неприличным, ибо в обличителях сошедшего с исторической сцены русского социализма заметен явный перебор. Оказалось, что проблем преобразования сферы труда политическое и социальное равноправие, ликвидация частной собственности, развитие науки, образования, здравоохранения и т. д. не решают и решить не могут ни по форме, ни содержательно. Труд оставался тем же самым наемным трудом, только с государством в роли капиталиста. Можно ли говорить о каком-то социализме, если большая часть населения занята в одном и том же, как на всей индустриализированной планете, промышленном и сельско-

хозяйственном производстве? Если и в сфере услуг то же самое? Наемный труд как историческая форма отношений между людьми предполагает, причем с необходимостью, некую «субстратную основу» (техническую, организационную и т. п.) условий трудовой деятельности и ее характера. Необязательно напоминать о тейлоровских конвейерах, хотя именно они наиболее наглядно репрезентируют смысл «наемного рабства», как называл это Маркс еще при зарождении фабричного производства. Ведь они, эти конвейеры, как раз и являют собой зримый образ «отсутствия выбора», полную безальтернативность в экзистенциальном смысле этой социальной формы трудовой деятельности для работника. Какая же тут свобода, если «кто не работает, то не ест» при всех вариантах хоть политической демократии, хоть тоталитарной системы? Этот вид труда «выбирается» человеком в альтернативе отсутствия возможности жить, отсутствия средств для жизни. Или, чтобы было совсем понятно, станет ли где-то и когда-то богатый человек выбирать для собственной «самореализации» работу на конвейере? Но, с другой стороны, чем же в этом плане отличается работа на конвейере от прочих разновидностей наемного труда, причем во все не непременно физического?

То, что когда-то писал об «отчуждении труда» Маркс, наблюдатель и сейчас может узреть на любом предприятии или в любой фирме/корпорации, практически при любой форме собственности. Если бы где-то было хотя бы несколько лучше, то давно бы уже забыли о «стимулах к труду», «трудовой дисциплине», «эффективности работника», «поощрении руководителей» и т. п. Принуждение к труду отсутствует всего более там, где труд не нуждается ни в каких стимулах, где он есть самоценность для человека. Где такие эмпиреи ныне находятся? Умилительны восторги певцов «постиндустриализма», убеждающих в том, что новые технологии, удовлетворение трудом, творчество и т. п. означают конец эксплуатации. Однако мировая практика пока говорит о том, что большинство человечества занимается таким трудом, который был бы сразу и без сожалений оставлен, если бы не угрозы голода и нищеты, не привычка, не страх за потомство. Удовлетворение трудом репрезентируется для этих миллиардов почти исключительно повышенной заработной платой! Но даже и супервысокая оплата труда далеко не гарантирует желанной собственникам эффектив-

ности и ответственности. Наемный менеджер обворовывает на миллионы, футболист-миллионер отбывает время на футбольном поле, не желая бегать, а офисные «труженики» увлекаются компьютерными играми в рабочее время. И это, конечно, нормально. Всякое освобождение индивида от такого труда, даже «общественно необходимого», – благо. Еще Маркс видел смысл в борьбе за сокращение рабочего дня, считал его необходимым для сохранения человеческого потенциала пролетариата, редуцированного и тогда, и ныне до статуса «рабочей силы». Движение в сторону сокращения рабочего дня от восьмичасового до разумного «гуманистического минимума» без оглядки на фетиш прибыли – этот социалистический императив как-то ныне позабыт, какую страну ни возьми. Давняя социалистическая установка на разрыв, наконец, почитаемого «естественным» единства жизнеобеспечения с необходимостью «наемного рабства», как называл это, и вполне серьезно, Маркс, также давно требует осуществления. Для начала она могла бы быть реализована как нейтрализация так называемой «безработицы», но не в плане полной занятости, а как гарантия полной социальной безопасности у отдельного человека при отсутствии труда по найму. Это было бы куда ближе к первым шагам реальной социализации. Еще более радикальным выглядит вполне последовательное в смысловом отношении требование преобразования всей огромной сферы трудовой деятельности в направлении облегчения тяжести труда, ликвидации всех тех его видов, где человеческую деятельность можно оценивать в духе Адама Смита, как «жертву», а к работающему человеку было бы возможно применять сравнение с тянущим в борозде плуг быком. Бык, как известно, есть идеал производительного рабочего в грубых квалификациях классической английской политической экономии.

Ясно, что подобных задач для себя не может ставить современное социальное государство, все-таки гарантирующее неприкосновенность частной собственности, следовательно, эксплуатацию и прибыль от нее. Но осознавалось ли это при строительстве социализма? Видимо, ни о чем похожем ни В.И. Ленин, ни его наследники в СССР не смели и думать как о реальных делах. Они не желали и не могли быть «утопистами». Если присмотреться, история социального развития России до 90-х гг. XX в. есть наглядная демонстрация абсолютного подчинения принципу полной занято-

сти, хотя и не в кейнсианском понимании, но по смыслу недалеко от него отходящем. И понятно, отчего. Если борьба с безработицей есть одна из важных сторон деятельности социального государства и одновременно некий жупел для его противников, то достижение положения, когда безработица как таковая отсутствует, выглядело значительным достижением социализма, особенно в глазах людей наемного труда. Однако понимало ли социалистическое сознание русского типа различие между полной занятостью и отсутствием принудительно-экономической мотивации к трудовой деятельности? Нет, конечно. Рабочий не может требовать уничтожения фабрик, крестьянин не мечтает о ликвидации промышленного животноводства и полеводства. Этот социализм в значительной мере аккумулировал эгалитаристские настроения и надежды того класса, который его вожди официально представляли. Я бы не осуждал за столь приземленное суждение о социализме, как о «царстве всеобщего труда» или «единой фабрике» (В.И. Ленин), это объяснимо и простительно для первой половины XX в. в России. Однако социализм как «царство победившего труда» – это нонсенс.

Как бы то ни было, социализм с русской спецификой вовсе не исключает возможности реализации некоторых социальных программ, типичных и для социального государства. Мы уже согласились с тем, что программу такового в СССР как-то выполняли, причем многое было сделано неплохо. Но важно отметить, что советский правящий режим, еще в 30-е гг. объявивший, что социализм уже построен, как раз к своим социальным обязательствам относился двойственно. С одной стороны, он никак не мог отказаться от них и был обязан их выполнять. Вся система была выстроена так, что антисоциалистическая политика была невозможна. Возврат к системе частной собственности, к классовому обществу и ликвидации институтов социального государства реально не просматривался, о чем справедливо пишут «левые» теоретики⁸. С другой стороны, владевшие реальной властью в стране слои государственно-партийной верхушки были фактически далеки от интересов тех, кого они представляли. «Униженные и оскорбленные» в пределах их собственной компетенции не входили в разряд государственных приоритетов, их поддерживали как некую обузу и тяжесть, как лишние расходы в тощих советских бюджетах. Экономия на образовании, здравоохранении, жилищном стро-

ительстве (напомним, жилье было бесплатным для получателя и почти таковым же для пользователя), «остаточное» финансирование культуры и науки были для сложившейся системы столь же неизбежными, сколь и неустраняемыми.

Болтовня же об особых политических и экономических условиях, необходимых для развития-расцвета праксиса социального государства, типичная для либеральных теоретиков и простых советских идеологов, не должна убеждать мало-мальски разумного человека. Никакое государство в мире не тратит на своих граждан, нуждающихся в поддержке и помощи, больше, чем на пушки и ядерные бомбы; возможно, исключения составляют нейтральные страны. В данных обстоятельствах говорить о фактически существовавшем социализме как о более или менее адекватном воплощении смысла этого понятия мы имеем право, ничуть не большее, чем Б.Бруцкус или фон Мизес, думавшие, будто без частной собственности невозможны нормальная бухгалтерская работа, ценообразование и оплата труда. Или, пользуясь заявленной в начале нашей работы терминологией, «эмбриональность» капитализма означает то же самое и для социализма в первой половине XX в., да и позднее. Это был социализм без экономической основы, без последовательной социальной политики, далекий от примененного нами к капитализму критерия субстанциональности. Он нуждался в слишком многом, далеком от «социалистичности», чтобы соответствовать своему понятию, как сказали бы гегельянцы. А мы считаем, что невозможность избавления от проклятия наемного труда прямо переводит этот отрезок истории в разряд социалистического эксперимента, не выходящего в целом за общие пределы капиталистической общественной формы, хотя эти пределы и приближающегося. И в этом плане мы считаем эксперимент в целом весьма успешным.

3. «Социальное государство» без социализма

Движение капитализма, постепенно захватывающее весь мир, происходит неравномерно и растягивается во времени. Всевозможные частные особенности этого общего процесса, разнообразие специфических видов и смещений, доставляющих работу

любителям классификаций, исключают создание некоторой общей картины, да и устареть такая «карта мира» должна еще в момент замысла, даже не написания. Чтобы что-то зафиксировать, чтобы понять смысл и направление такого исторического процесса, следует увеличить масштаб его рассмотрения в пространстве и времени, а это чревато трудностями в понимании исторических ситуаций, того «мига между прошлым и будущим», в котором пребывает всякий якобы-наблюдатель истории. Это касается и современного состояния социального государства.

Как уже было сказано, для социального государства, институты и праксис которого получил развитие в мире во второй половине XX в., основным его отличием от русского варианта социализма было сохранение принципа частной собственности на средства производства при постепенном во времени росте общественного сектора. Хотя и с различной стратегией и тактикой, разными путями и темпами, многие национальные государства принимали на себя функции предоставления социальных услуг либо для всего общества, либо для определенной его части, уже не сводящейся исключительно к имущему классу. Объем и качество социальной помощи–поддержки–обеспечения и т. п. в мире национальных государств зависят от многих факторов: экономических, политических, религиозных, культурных – и обеспечиваются в основном методами «перекачки» средств и ресурсов, собранных посредством налогообложения, в сферы жизнеобеспечения «сырых и убогих». Варианты, повторяем, весьма разнообразны, но суть их едина и двусоставна – сохранение основной несущей конструкции капитализма сочетается с обретением праксисом социального государства важнейшей функции легитимации данного типа общества и государства, а вместе с этим и закрепления–оправдания собственного существования.

Функция легитимации наличного состояния капиталистического общества крайне важна как для общества, так и для самого социального государства. Ведь в реальности, несмотря на массивное воздействие всеохватывающей идеолого-пропагандистской системы, ее влияния недостаточно для получения прочного эффекта гегемонии в грамшианском смысле. Конечно, всесторонняя обработка мозгов гарантирует в определенном диапазоне достижение должной «одномерности» (по Маркузе) и управляемости.

Однако она же, эта обработка, и постоянно девальвируется вследствие собственной избыточности и, соответственно, эфемерности. В принципе для поддержания легитимного порядка нужны и практические подкрепления. С древности государства поддерживали социальный порядок и собственный властный авторитет ограниченным набором практик, где важнейшей была, повторяем, идеологическая (основной исполнитель – церковь), затем правовая, далее система пенитенциарного насилия и, наконец, манипуляция сильнейшими мобилизационными эффектами внешних угроз, войн, поражений и побед. Этого было почти достаточно для Гегеля и вполне хватало для Карла Шмитта. Однако со временем этого стало явно мало, и по многим причинам. Практики социального государства – историческая инновация, неотъемлемая от общей демократизации политической жизни, выборов, борьбы за симпатии голосующих масс, роста общей образованности и, что еще важнее, общего экономического роста, необходимости обеспечивать платежеспособный спрос и оттого всевозможного увеличения «средних классов»⁹. Прикармливая, вы приучаете приручаемого к себе, ваше существование для него легитимизируется, степень враждебности уменьшается. В литературе часто предполагают, что появление социального государства было инициировано соревновательным импульсом, исходящим от русского социализма. Но вполне разумно заключить, что эти практики порождены самим капитализмом, имманентны ему и в определенных пределах необходимы.

Пределы развитию социального государства наличествуют в самом общественном строе капитализма. Напомним, капитализм понимается в нашей теоретической традиции как отношение наемного труда и капитала, подчиненное высшей цели – капиталистическому накоплению. Под последним, видимо, понимается получение наивысшей возможной прибыли, реализующейся большей частью в улучшении и развитии производственных систем и в потреблении собственников. Практики перераспределения, осуществляемые социальным государством, наиболее приемлемы для собственников и эффективны при наличии избыточного капитала, т. е. прибыли, уже не вмещающей в расширение производства и потребление частных собственников. Такое случается прежде всего в богатых странах, т. е. в странах центра мир-экономики, но

не только здесь. Избыточный капитал растекается по различным направлениям, в том числе и на финансирование различных социальных программ. Собственно, и в социалистическом варианте социального государства все обстоит точно также, минус потребление собственников.

Однако уменьшение избыточного капитала или вовсе падение прибыли от производства и торговли, что периодически происходит, ставит предел перераспределительной активности государства. Еще более строгое «табу» возникает в капиталистическом варианте социального государства, если таковое так или иначе покусится на общие пропорции распределения, на защищенные статьи расходования общественного продукта (расширение производства и потребление собственников). Властвующее меньшинство прекрасно умеет отстаивать свои фундаментальные интересы, конечно, в разных странах по-разному, и социальных практик, покушающихся на общий порядок вещей, пока не наблюдается. Причем речь идет о странах, традиционно признаваемых лидерами в плане развития социальных практик, например, о Швеции¹⁰. Вообще же появление социального государства в Европе и США, не говоря уже о менее обеспеченных частях планеты, сопровождаются бесконечными сетованиями на предмет расточительности, дороговизны, ненужности или моральной вредоносности этих практик. Бесчисленное множество исследований о социальном государстве, его функционировании в разных политических и социальных системах, управлении его практиками и т. п. – целая теоретическая индустрия! – почти лишено интереса к кардинальному вопросу об увеличении доли социальных статей в бюджетах своих стран. Если об этом и пишут, то больше как об угрозе экономическому развитию и неразрешимом наборе проблем (например, старение населения и необходимость увеличивать пенсионные фонды и расходы на здравоохранение).

Прогрессивное налогообложение – «ресурсное вымя» государств – стараются заблокировать от излишне старательных «доильцев» экономическими и политическими средствами: вывоз капиталов, «бегство фабрик», неоконсервативные реформы в духе Тэтчер–Рейгана и т. п. Идеолого-пропагандистская машина выдает мультисериалы об ответственности индивидов за свое будущее (самонакопление пенсий), об успехах активных бизнесменов, о го-

сударственной коррупции и безнравственности сидения на социальном пособии и т. п. В целом же тезисы о вине бедняков в своей бедности, слабых – в слабости, представления о набитом кармане как о свидетельстве гражданства в обществе нищезанятых «сверхчеловеков» лежат в основе буржуазного сознания – ныне, как и «во времена Веспасиана».

Хотелось бы отметить деталь, часто опускаемую в работах о социальном государстве как маловажную, что неверно. Рост социальных практик в Европе после второй мировой войны вовсе не случайно наиболее четко проявился в странах, волею политической судьбы минимализировавших свои оборонные расходы. Это касается нейтральных государств (в Швеции дополнительным фактором служило длительное пребывание у власти социал-демократов) и стран, войну проигравших и ограниченных в данных расходах решениями стран-победительниц. В системе государственных бюджетов средства, идущие на цели милитаризации, редко подвергались серьезной экономии, а армия, вооружение – главная статья расходов, вполне могущая (при переходе известных границ) просто подорвать экономическое положение государства. Отметим, что в течение долгого времени своего существования такой военный блок, как НАТО, перекладывал ответственность за защиту мира западных демократий на США, что имело видимое выражение в расходных статьях бюджетов этих стран. В этом видится одна из причин различий между степенями развития социального государства в Европе и во владениях ее заокеанского патрона. Аналогично, недостаточное внимание к проблемам социального государства в бывшем лагере социализма во многом коренится в условиях «холодной войны» и стараниях не отстать в развитии «человекоубойной» промышленности от более богатых США. И хотя кажется, что времена изменились, негативное воздействие дорогостоящих военно-промышленных комплексов на возможности расширения практик социального государства остается общим правилом для всех национальных государств.

Становится понятно, в чем, кроме общего роста производительности труда и, следовательно, материального богатства общества, кроются источники роста, развития, повышения эффективности практик социального государства без отказа от принципа частной собственности. Или, другим словами, на что можно на-

деяться и за что бороться. Имеются в виду «левые силы», не уповающие на чисто революционные преобразования, но, однако, и не смирившиеся со «свинцовой мерзостью» системной атаки против социального государства, начатой неоконсерваторами во второй половине XX в. Таких возможностей есть, по меньшей мере, две: во-первых, изменение пропорций раздела общественного продукта в пользу неимущих классов посредством активной налоговой политики. Во-вторых, уменьшение доли чисто непроизводительных расходов государств, среди которых наиболее весомы расходы на оборону. В этом случае, при условии относительно приемлемой степени экономического развития, страна как социальное государство может развиваться, не выходя за исходные ограничители.

Однако все-таки нужно признать, что эти возможности куда как непросто реализовать. Пока студенты выходят на демонстрации с требованиями снизить оплату за обучение, а не за введение всеобщего бесплатного образования, «общественному пирогу» не грозит опасность значительного передела... «Латание социальных дыр», лечение «социальных недугов» способами знахарства, средствами «плацебо» может продолжаться сколь угодно долго, если нет прямого массового давления со стороны «униженных и оскорбленных», нет эффективных политических действий и программ.

Нужно отметить, что даже при минимальной степени успешности налоговой политики государства и максимальной удаче сопротивления «защитников родины» сокращению военных бюджетов для практик социального государства еще остается определенное жизненное пространство. Оно заключено в высокой жизнеспособности, позитивной эффективности традиционных сфер деятельности социального государства, прежде всего – здравоохранения и образования. При всей исторически наглядной слабости и «вторичности» их существования в качестве структур государства (еще В.О.Ключевский заметил, что активность очередных «реформаторов» в государстве прежде всего обращается на беззащитные структуры образования) они столь укоренены, столь витальны в человеческом жизнеобеспечении, что устранить их невозможно в принципе.

Да никому это и не нужно, поскольку научно-техническое обеспечение основных сфер жизнедеятельности подразумевает их наличие. Иное дело, что возможности современного государства при

имеющихся лимитах наполнения и сетке распределения бюджетной корзины принудительно ограничены.

В итоге приходится отметить, что социальная политика в двух ее вариантах, предложенных XX в., (социализм и социальное государство), вполне соответствует современному состоянию капиталистической формы общества, которую мы признали ранней или зачаточной, не достигшей своей относительно полной реализации. Это не означает, что от развитого капитализма следует ждать слишком многого, особенно людям наемного труда. Но и опасаться, подобно А.Негри, появления какой-то всесильной и всепорабощающей Империи нет достаточных оснований. Капиталистический тип общественного устройства, при всех его гигантских негативных сторонах, все же способствует развитию производительных сил, потенций человеческого рода. Увеличение общего материального богатства, рост возможностей личностного и социального развития этот общественный строй также частично допускает. То, как это осуществляется, может быть приемлемым лишь для публики, о которой не хочется говорить из-за отсутствия соответствующей лексики в политкорректных словарях. Поэтому сохранение и развитие социального государства как совершенно необходимой защитной тактики большинства от постоянного же стремления власть предержащих минимизировать эту защиту становится едва ли не основной формой того, что в XIX–XX вв. именовалось классово́й борьбой. И нельзя сказать, чтобы эта борьба не имела шансов на успех: ведь социальное государство возникло и существует, несмотря ни на что. Довольно презрительное оценочное отношение «мир-системников» к праксису и итогам послевоенного «славного тридцатилетия», конечно, несправедливо, поскольку к началу XXI в. стало ясно, что речь идет о планетарном и необратимом процессе. Вполне допустим осторожный оптимизм, если историческое время не измерять крохами индивидуального существования.

В заключение хотелось бы заметить, что не только появление и развитие социального государства зафиксировало себя как необходимая «негативная» сторона раннего капитализма. Традиция более brutальных попыток радикального изменения данной общественной формы также имманентна этой форме, и ее реальная манифестация в виде Октябрьской революции и 70-летней истории СССР

никоим образом не случайна. В этом отношении крайне интересен также опыт Кубы, чем бы он ни закончился. Мне представляется, что на этом пути возможны определенные успехи, поскольку, как отмечают любящие феноменологическую строгость социологи, «капитализмов много». Вариации основной общественной формы в определенных социокультурных условиях могут быть существенными, а это означает и множественность «социализмов», если движение пойдет по этому пути. Эталонов нет. Конечно, все то же самое относится и к социальному государству без социализма, эксперименты такого рода неизбежны при появлении определенных исторических ситуаций в различных странах и регионах.

Более того, не надо быть пророком, чтобы предположить, что при ослаблении национальных государств и усилении *над*национальных типов государственности масштабы подобных экспериментов неизбежно возрастут. Кто знает, может быть, и вариант мировой революции, дразнивший большевистско-коминтерновское сознание, обретет статус вполне реальной возможности. От того, в какой степени это доступно пониманию властвующей элиты, зависит ее судьба и варианты развития событий. Многолетнее «мене, текел, фарес» в исполнении И.Валлерстайна тоже говорит о вполне возможном, хотя теоретические обоснования, им предлагаемые, могли бы быть поубедительнее. Но, конечно, вариант продолжения исторической эволюции социального государства и постепенный переход его за пределы естественных ограничений всякого капитализма представляется крайне желательным.

Пока же максимум «социально-социалистических мечтаний», наилучшим образом выраженный Ф.Джеймисоном, подразумевает «скромный социальный минимум» для всех людей, позволяющий не опасаться безработицы¹¹. Конечно, и это неплохо, если учесть, что пожелание Ф.Джеймисона вряд ли адресовано тем государствам Африки или Азии, откуда в благополучную Европу движется волна за волной эмиграция. Но и здесь, как мы видим, случаются экономические кризисы, и социальные гарантии могут резко девальвироваться. Последнее особенно поучительно, поскольку после десятилетий убеждения людей, что они уже попали в «золотой миллиард», живут в «обществе потребления» и всяческого благополучия, им предлагают затянуть пояса потуже и радоваться пособиям по безработице, ибо африканские искатели счастья в Ев-

ропе не имеют и таковых. Грустно об этом писать, даже находясь в свободной и демократической России, где за самую возможность подобных высказываний так и хочется кого-то душевно поблагодарить. Может быть, Бога?

Примечания

- ¹ См.: Мысливченко А.В. Соотношение экономической власти и политического регулирования в социальном государстве // Политико-философский ежегодник. Вып. 2. М., 2009; Сидорина Т.Ю. Два века социальной политики. М., 2005; Хабермас Ю. Кризис государства благосостояния и исчерпанность утопической энергии: Полит. работы. М., 2005.
- ² Арриги Дж. Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени. Территория будущего. М., 2006.
- ³ Арриги Дж. Адам Смит в Пекине: Что получил в наследство XXI в.. М., 2009.
- ⁴ Валлерстайн И. Исторический капитализм // Альтерглобализм / Ред. А.В.Бузгалин. М., 2003. С. 123.
- ⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Избр. соч.: В 9 т. Т. 6. М., 1987. С. 63.
- ⁶ Андреев И.А. Рукописная страница истории марксизма. (Проблема общины и рода в рукописях К.Маркса 70–80-х гг.). М., 1985.
- ⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 46. Ч. 1. С. 105.
- ⁸ Кагарлицкий Б.Ю. Марксизм. Не рекомендовано для обучения. М., 2006. С. 369–372.
- ⁹ Баллаев А.Б. Проблема средних классов в творчестве Маркса // Политико-философский ежегодник. Вып. 2. М., 2009. С. 75–95.
- ¹⁰ Мысливченко А.Г. Указ.соч. С. 104–105.
- ¹¹ Джеймисон Ф. Реально существующий марксизм // Логос. 2005. № 3; Райт Э.О. Принимая социальное в социализме всерьез // Там же.

И.К. Пантин

Российский выбор: сделан, отсрочен, отменен?

Сразу же подчеркнем: выбранный в качестве заголовка статьи набор вопросов сформулирован не автором, он повторяет название темы одного из межсекционных заседаний на III Всероссийском конгрессе политологов. Самое парадоксальное заключается в том, что на каждый из вопросов можно дать положительный ответ. В каком-то смысле (об этом пойдет речь в статье) демократический выбор России сделан, в другом – отсрочен, в третьем – отменен. Как ни странно, но любому из этих ответов соответствует позиция и идеология какой-то части российского политического класса, за каждым стоят социальные группы и определенные представления о будущем нашей страны. За подобного рода неоднозначностью скрывается реальность: выбор россиян не стал, да, пожалуй, и не мог стать принятым решением всех или большинства. Процесс трансформации старой политической системы в новую, как правило, асинхронен: демократический выбор раньше всего выражается в создании представительных институтов, формировании системы партий, проведении свободных, альтернативных выборов; затем – в идеологической сфере, где еще некоторое время имеют место разнонаправленные тенденции; лишь значительно позже начинаются изменения, затрагивающие духовную сферу, менталитет народа. В России, как нигде в другой стране, очевидна справедливость той истины, что свобода, как и демократия – не просто естественная данность, а результат становления, развития. Свободными не рождаются, а становятся. А раз это так, то любому обществу, в особенности российскому, предстоит проделать свой нелегкий путь к свободе и демократии, прежде чем они наполнятся

конкретным содержанием. Короче, выбор приходится рассматривать как сложное многомерное явление: что-то ушло вперед, что-то догоняет, что-то активно сопротивляется новому.

Все в России сегодня осознают или чувствуют, что исторический вектор движения огромной страны поменялся, стал другим. Однако относительно того, *куда* мы идем, каким должно быть будущее страны, существует множество противоречивых, а порой и взаимоисключающих мнений. Примирить их почти невозможно ни с помощью политической науки – «вопрососпособность» в ней явно превалирует над «ответоспособностью», – ни с помощью существующих в нашей стране партийных идеологий и программ. Для того чтобы появились действительные решения и политические механизмы, способные преобразовать общие условия нынешней жизни людей, в стране должно появиться общественное движение – не по этикетке только, а по существу. Как появляются, развиваются подобные движения, в каких условиях утрачивают свое политическое качество, мы попытаемся рассмотреть на примере событий в России, происходивших конце XX – начале XXI вв.

Как это было...

Прежде всего в понимание целого придется ввести историческую составляющую нашего недавнего прошлого. Возмущенные вероломством коммунистических заговорщиков, сотни тысяч людей вышли в августе 1991 г. на улицы Москвы и Ленинграда, чтобы не дать «хунте» (ГКЧП) повернуть колесо российской истории вспять, к прежним коммунистическим порядкам. Эти люди не были демократами по убеждению, сформированному опытом и изучением политических явлений. Их демократизм был скорее чувством, верой, активным протестом, чем продуманной позицией, а тем более – идеологией. Собравшись 20 августа 1991 г. у Белого Дома, они своим сопротивлением хотели доказать и доказали коммунистической «хунте», что единственный источник власти – народ, который сам способен выразить собственную волю.

Впервые после 1905 г. требования свободы, прав личности и суверенитета народа стали делом населения, пусть даже его меньшинства, а не диссидентов или интеллигентских групп. Оущеще-

ние первейшей ценности свободы на миг охватило широкие слои советского (тогда еще советского!) народа, породив стремление бороться за свою самостоятельность. Миллионы людей, озабоченных лишь проблемами непосредственного существования, неожиданно поднялись до понимания связи между улучшением условий своей жизни, уважением своих прав и политической свободой, демократией.

Коммунистический режим рухнул. Он не был свергнут в ходе массового политического движения, а как бы «просел» под тяжестью собственных противоречий. Власть буквально упала к ногам демократов и (в союзных республиках) националистов. Целое поколение либерально настроенных интеллигентов, представителей партийной и советской номенклатуры, втайне ожидавшее наступления кризиса и обсуждавшее его на кухнях, склонное к упрощению идей преобразования и идеализации Запада, внезапно, по стечению обстоятельств, оказалось в Москве и Ленинграде во главе сопротивления путчистам. Провал путча открыл этому поколению двери в общественно-политическую жизнь, а затем и во власть. То, что в других странах являлось итогом тяжелой и упорной борьбы, подготовленной предшествующими революциями, в России было получено – вернее, казалось полученным – в одно мгновение в результате натиска на коммунистический ГКЧП, незаконно (даже по советским законам) присвоивший себе власть.

Однако действительность оказалась иной, совсем не похожей на то, что представляли себе участники событий августа 1991 г. Получив в 1991 г. неожиданно для себя власть в стране и не имея сколько-нибудь реальных планов по построению нового общества (плюс отсутствие массовой поддержки), либералы и демократы-антикоммунисты России попали в импровизаторский и демагогический циклон. Вместо трезвого анализа переживаемого страной хаоса, связанного с весьма своеобразным «первоначальным накоплением капитала», с коренной ломкой уклада жизни десятков миллионов людей, с ростом сепаратистских настроений, Б.Ельцин и его администрация, насколько это было возможно, отворачивались от действительности, тешили себя и других иллюзиями, будто знают выход из тяжелейшего кризиса. Рынок все устроит и все расставит по своим местам – эта идеология ориентировала ельцинскую администрацию и либералов из интеллигенции на оппортунизм по

отношению к «новым русским» и их криминальному богатству. В результате последовали реформы Т.Гайдара, которые стали худшими из всех возможным вариантов выхода. Ни для ни кого не была секретом сила коммунистических привычек и традиций в массе населения. Однако бороться с ними первые демократы предполагали старыми способами: пытаясь ввести закон о люстрации, грозя судом над КПСС, над И.Сталиным и т. п. Момент «снятия» (в гегелевском смысле этого слова) просто игнорировался нашими радикалами: социализм выступал для них в одном-единственном ракурсе – иррационального вторжения в историю и жизнь страны внешних и чуждых для нее факторов. Они не сумели понять, что отвергаемый ими социализм поднял ряд важнейших проблем российского общества, которые он, разумеется, не решил и решить не мог, но с которыми предстояло столкнуться российской демократии и вслед за тем решать их новыми средствами, на новой почве.

В итоге российская демократия, рванувшись напрямик из пролога в последний акт (нужно «устроить все, как на передовом Западе», – не меньше), застряла на начальных ступенях преобразований, не решила ряда важнейших проблем политического и социального переустройства страны. Главное, что не удалось сделать демократическим силам в России, – это изменить сложившиеся веками отношения между властью и обществом. Как и раньше, новая власть оказалась закрытой от общественного мнения и гражданского общества, насколько оно себя проявляло. Как и раньше, выбранные на альтернативной основе «слуги народа» быстро превратились в центре и на местах в повелителей, стоящих над народом, над которыми не властен ни закон, ни обычай. В такой обстановке, когда никто не огражден от произвола администрации, выборной или невыборной – все равно, европейские демократические учреждения потеряли свой прогрессивный, цивилизующий характер и стали служить привычному рутинно-бюрократическому порядку дел.

Подтверждением отката первой демократической волны стали исчезновение с политической арены «Демократической России» – организации, которая была стержнем массового сопротивления в августе 1991 г., обстрел Белого Дома в октябре 1993 г., разграбление государственной собственности путем ваучерной приватизации, залоговых аукционов, намеренного обанкрочивания предприятий

«новыми русскими», резкое падение жизненного уровня трудящихся, разрушение социальной и экономической инфраструктуры и т. п. И все это происходило на фоне развала народного хозяйства, массовой «утечки мозгов», безудержного обогащения нуворишей, названных «олигархами», увеличения их влияния на центральную и региональную власти, невиданной ранее коррупции чиновничьего аппарата, гигантского роста криминала при полной неспособности государства справиться с ним, и т. д. и т. п.

Было бы нелепо, говоря об откате демократической волны, не учитывать некоторые особенности нашего недавнего прошлого. Ни в одной стране не было такой плотности, такой универсальности тоталитарных связей, пронизывавших все сферы общественной жизни, как в СССР/России. Ни в одной из европейских стран не сохранилось народной культуры, сформировавшейся до частной собственности и в противовес ее морали. А если добавить к этому государственную собственность на все средства производства, исключаящую любые законные формы частного бизнеса, вспомнить о господстве военно-промышленного комплекса в экономике, громадной армии, разветвленном аппарате КГБ, идеологической и политической монополии КПСС, то станет ясно, что демократии, перенесенной с Запада, так же, как и капитализму, предстоит укореняться и прорасти в России на весьма каменистой почве.

И все-таки не только факторы исторического порядка встали на пути демократического политического и общественного строя в России. Причины, думается, лежат глубже. Они связаны с условиями, в которых произошел политический переворот, с характером сил, перехвативших политическую инициативу, наконец, с проблемами, которые предстояло решить. В отличие от ряда крупных общественных переворотов прошлого, например, Великой французской революции, эпохе нынешних реформ в России, предполагавшей резкий разрыв с накопленным историческим опытом, не предшествовала революция в умах и нравах, в мышлении. Разумеется, в России были *просветители*, люди, по складу своего ума стремившиеся к полноте всеобъемлющего понимания явлений жизни, к проникновению в «причины причин» политического развития страны после 1917 г., которое образовало эпоху в российской и мировой истории и одновременно обусловило тупики нашего сегодняшнего существования. Были просветители, но не

существовало *Просвещения*, готовившего общество к переменам. Вот почему историческая специфика предстоявшего переворота не была в нужной мере осмыслена, отрефлектирована так же, как не были вполне продуманы ни задачи реформирования государства и общества, ни план демократизации. Отсюда судорожные, далеко не всегда плодотворные попытки найти точку опоры в западном опыте – европейском и американском. В известной мере они были неизбежными, поскольку в России практически отсутствовала собственная демократическая традиция (народничество не в счет). Забывали, однако, что всякая демократия, опираясь на чужой опыт, должна быть ориентирована на свои национальные проблемы.

Далее. Россия приступила к реформам, сделала выбор в отсутствие общественного субъекта преобразований. Ни одно общественное движение, ни одна политическая партия (я уже не говорю о группах населения) не дотягивали до политической, культурной гегемонии. Наоборот, в обстановке хаоса и деморализации, охватившей население в годы «шоковой терапии», происходит отток активных, т. е. демократических элементов из сферы политики, их место занимает новый «политический класс» – журналисты, юристы, люди, получившие «должность» после переворота, аферисты и т. п. Потребность, толкавшая разные силы на борьбу с коммунизмом, была общей, однако взгляды на будущее и далекое, и близкое существенно разнились, а иногда и радикально противоречили друг другу. Антикommунизм, объединивший на время все мало-мальски активные слои общества, по определению не способен был стать эффективным средством демократизации, вывести большинство простых людей из состояния пассивности и направить их в организованное и цивилизованное русло освободительного движения. Более того, антикоммунизм сеял иллюзии легкости движения к демократии, сбивал людей с пути, поскольку пристегивал их фантазии и ум к утилитарным ценностям западного образа жизни, обуржуазивал – в худшем смысле этого слова – сознание масс, побуждая активные слои общества стремиться не к лучшему политическому и социальному порядку, а к вульгарному личному обогащению, «прихватизации».

В итоге во главе преобразований, называвшихся то либеральными, то демократическими, встали общественные силы, интерес которых заключался главным образом в разрушении старой эконо-

мики и в приватизации государственной собственности. Демократизация поменяла свое содержание, она стала прикрытием своекорыстных устремлений определенного слоя людей, использовавших бюрократический аппарат государства в целях собственного обогащения. При этом способы «демократического» грабежа государственной собственности не имели значения: они могли быть «законными», а если надо, то и криминальными.

Ужасающими выглядят и последствия подобного рода «реформ». Десятки миллионов людей, насильственно *вброшенные* в рыночные отношения, без средств к существованию, без опыта, без поддержки государства, вынуждены были во имя выживания действовать на свой страх и риск. Сотни тысяч пошли в криминал, чтобы погибнуть в бесчисленных бандитских разборках и в столкновениях с милицией. В стране полупатриархальной морали за три-четыре года сформировался огромный рынок проституции. Казино, ночные клубы, «массажные» салоны росли, как грибы после дождя. Промышленное производство топталось на месте, более того, стагнировало. Рабочих и служащих увольняли. Квалифицированные кадры сотен НИИ очутились на улице. Миллионы людей превратились в «челноков», торгуя товарами из Турции, Польши, Китая. Бывшие «теневики», кооператоры, подпольные миллионеры с помощью подкупленных чиновников за бесценок приватизировали «бесхозное» государственное имущество: заводы, шахты, магазины и т. п. Жульническая ваучеризация (вклад государства в ограбление своих граждан), всевозможные финансовые пирамиды, создававшиеся при попустительстве власти с целью изъять у населения последние накопления, подставные фирмы, куда переводились полученные «грязные» деньги, разрушение социальной инфраструктуры, созданной при советской власти, духовный кризис и деморализация народа – вот что стояло у истоков современного российского капитализма. И если в развитом состоянии затушевываются черты генезиса, что происходит у нас на глазах с российским капитализмом, то многие «родимые пятна» его криминального происхождения еще долгое время будут напоминать о себе обществу.

«Демократизация» 90-х гг. XX в. расколола российское общество на две неравные части. С одной стороны, это слой крупных собственников («олигархи»), часть чиновников, сконцентрировав-

ших в своих руках огромные богатства и, главное, контроль над важнейшими сферами экономической и общественной жизни; с другой – основная масса населения с мизерными доходами, бесправная перед чиновничьим произволом. Сгладить эту поляризацию общества могли бы средние слои, но их формированию мешало и мешает до сих пор коррумпированное чиновничество и криминал – оборотная сторона политической монополии крупного капитала. Таким образом, политический и социальный прогресс, осуществляемый «сверху», административно, стал реальностью. Государственный аппарат стал *сам себя реформировать*, разумеется, по правилам чиновничьей логики и в противовес интересам общества. Новое государство, мыслившееся как подотчетное и подконтрольное гражданскому обществу, народу, стало самостоятельной, самодовлеющей силой, стоящей над обществом, над народом.

Выбор россиян в контексте мирового развития

А теперь от описания событий начала политических перемен в стране перейдем к *политико-философскому* осмыслению произошедшего исторического сдвига, его проблем и противоречий под углом зрения и в контексте всемирного развития. Такого рода рассмотрение проблемы небезразлично для понимания существа и объективного содержания политической эволюции совершающегося в нашей стране. Подчеркнем прежде всего: воздействие исторической среды – международных отношений, экономических и культурных связей – играет сегодня огромную роль в победе того или иного вектора развития страны. Россия в этом смысле не исключение: в эпоху глобализации мира эволюция нашей экономики должна соответствовать мировым тенденциям. Экономические отношения с Западной Европой, США, шире – со всем миром, культурные взаимосвязи, торговля, обмен передовыми технологиями, опытом хозяйствования составляют в своей совокупности важнейший, но отнюдь не однозначный фактор исторического развития любой страны. В этом смысле можно говорить об определенной, хотя и ассиметричной корреляции развития Запада и России. Но проблема соотношения Запад – Россия неизмеримо сложнее, чем

это кажется нынешним «западникам» и «почвенникам». Современный глобализированный социум с его всесторонними экономическими и культурными связями между странами заставляет народы – иногда во имя сохранения самобытности! – быстро перенимать опыт и достижения Запада и Востока, перерабатывая их в соответствии со своими потребностями и внутренними условиями, историческими и этнонациональными особенностями, менталитетом населения, наконец. Формируется совершенно иной тип разнообразия, когда каждая страна или группа стран выступают в качестве исторически особой и вместе с тем интегральной части всемирного целого. Различия, связанные с преобразованием стихийных географических и естественно-исторических условий, с автохтонностью развития, отступают на второй план.

Сказанное нельзя понимать в том смысле, что глобальная капиталистическая экономика обуславливает неизбежность перехода всех стран к демократическим режимам. Это далеко не так. Все зависит от исторического и социокультурного развития народа, от его способности вбирать и перерабатывать опыт стран и народов, ушедших вперед. В одних странах, таких, например, как Россия, воздействия исторической среды *катализировало* разложение старой государственно-бюрократической организации общества, благодаря чему процесс распада старых форм значительно обогнал рождение новых, демократических. В других странах (Китай) коммунистический режим, сумевший приспособиться к современному капиталистическому развитию, укрепил, по крайней мере на время, свои позиции, получив пространство для социального маневра. Вот почему так важно понять, *как* именно тот или иной народ подошел к переменам, *какое содержание* он вкладывает в понятие «демократические преобразования». Короче, реализация социальных и политических реформ – это конфликт и равнодействующая разных, порой противоборствующих тенденций, итог борьбы которых предвидеть заранее невозможно.

Не только воздействие Запада (экономическое, культурное) определило крах командно-административной экономики и политических отношений в России, хотя оно и сыграло существенную роль. С высоты сегодняшнего дня становится очевидным, что кризис, разразившийся в России в конце XX в., **носил не столько политический, сколько системно-экономический характер**. Если не

обольщаться демократической фразеологией, а вдуматься в суть перемен, последовавших за августовским переворотом, то станет очевидным, что значение 1991 г. в связке с 1993-м в итоге сводится не столько к демократизации страны (здесь как раз сделано очень мало), сколько к решению вопроса, важнейшего для России: **какая экономика – рыночная, капиталистическая или командно-административная, «социалистическая» – соответствует реалиям конца XX – начала XXI в., положению страны в глобализированном мире?** Ход событий у нас в стране и в мире поставил под вопрос само интегрировавшее общество основание – тотальное огосударствление экономики. Государственная форма собственности и централизация народного хозяйства, послужившие в 20–30-х гг. XX в., несмотря ни на что, орудием модернизации производства и создания индустриального могущества СССР, в конце столетия превратились в оковы для поступательного движения общества, стали решающим фактором экономического застоя, нетерпимого на фоне экономических успехов стран Запада. Обновление экономики страны на базе рыночных отношений стало неустранимой потребностью, порождая системный кризис старого «социалистического», а на деле командно-административного общества.

Переход к рыночной экономике и капитализму в современной России имеет ряд особенностей. Прежде всего он был вызван скорее *экономической* необходимостью, нежели *исторической*. Объективная неизбежность рыночной, капиталистической экономики обуславливалась в конечном счете невозможностью иной, антирыночной, тотально огосударственной. В самом деле, страна с непропорционально раздутым военно-промышленным комплексом просто-напросто не могла дальше развиваться, опираясь только на свои собственные экономические ресурсы. Обострившаяся продовольственная проблема – результат коллективизации сельского хозяйства в конце 20–30-х гг. XX в. – заставила закупать зерно за рубежом. Для этого понадобились валютные резервы, но они-то оказались практически исчерпаны к концу 1980-х гг., так как к этому времени резко упали цены на нефть – главный источник пополнения запасов валюты. Что касается экспортной промышленной продукции, то она была неконкурентоспособной на мировых рынках. «Железный занавес», отгородивший СССР от остального мира, сыграл с нашей страной злую шутку: с каждым годом мы все больше и боль-

ше отставали от экономически развитых стран. В эпоху высоких технологий и научно-технического прогресса страна по-прежнему наращивала свой экономический потенциал за счет увеличения производства стали, угля, нефти и т. п. Прервать эту инерцию экстенсивного развития можно было лишь одним путем – покончить с «холодной войной» и, сломав «железный занавес», наладить нормальные экономические отношения со всеми странами мира.

Несовпадение экономической и исторической составляющих генезиса российского капитализма оказало решающее воздействие на форму перехода к капитализму. Когда буржуазные экономические преобразования становятся неустранимыми, а общество в силу своих исторических традиций (Октябрьская революция 1917 г., носившая, несмотря ни на что, народный характер), воспоминаний о недавнем прошлом (победа Советского Союза над фашизмом в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.), наконец, в силу природы коммунистического режима, обрекавшего народ на политическую неразвитость, оказывается неготовым к радикальным переменам, тогда экономическая необходимость прокладывает себе дорогу через крайне болезненное для масс разрушение старой социальной формы действиями сил, прежде всего государственной власти, оказавшихся на высоте назревшей исторической задачи.

Словом, как это не раз бывало в истории России, потребность в реформах, обусловленная воздействием внешних, европейских и общемировых тенденций, сложилась *прежде*, чем общество, его передовые силы созрели для кардинальных перемен, тем более проводимых демократическим путем. А потому, как и раньше, инициативу преобразований перехватила государственная власть в лице ее высших звеньев. Отсюда ограниченный характер реформ и бюрократический способ их проведения.

Нужно отметить, что российский вариант «ускорения истории» связан прежде всего с чередой революций «сверху». Не противоречат этому утверждению и три русских революции (на деле это были три этапа одной и той же революции): гигантский выплеск народной энергии был канализирован большевиками и вылился в самую разрушительную для народа форму модернизации – форсированную индустриализацию и насильственную коллективизацию крестьянства. В основе такого рода общественной и экономической модернизации («европеизации»), как правило, лежала инициатива

государственной власти, ее высших звеньев. Петр I не просто «прорубил окно в Европу», он задал своеобразную матрицу прогрессивного движения России. А. Герцен назвал ее «петроградизмом», а мы – «революцией сверху», «догоняющим» развитием. С Петра начинается специфически российский способ «европеизации» страны, когда власть, ломая прежний уклад жизни населения, искусственно *насаждает* новые сообразные с Западом формы отношений в обществе и экономике. Интересы развития страны вырываются из сферы самодеятельности общества и противопоставляются ему в качестве предметов правительственных мероприятий. Менялись «формации», системы, режимы, но административно-принудительный характер модернизации страны оставался прежним.

В основе такого рода движения по «перевернутой» схеме, когда на роль субъекта преобразований выдвигается государственная власть, лежали слабость, неразвитость общественных сил, чьи интересы совпадали с переменами, вынужденный, недобровольный характер проводимых реформ (иногда под угрозой национальной катастрофы), наконец, политическая апатия основной массы населения. Но не только это. На протяжении трех последних столетий потребность в реформах была обусловлена воздействием сил европейского (в конце XX в. – **мирового**) масштаба, причем складывалась она, как правило, раньше, чем народ созревал для перемен, и независимо от его осознанных потребностей. Вот почему «верхи» (власть, элиты), а не «низы» (общество, народ) оказывались на высоте исторической задачи. Отсюда «искусственные» способы внедрения нового в социальный организм. Насаждение крупной промышленности самодержавием в пореформенные десятилетия XIX в., сталинская форсированная индустриализация страны, либеральные реформы и «шоковая терапия» 90-х гг. XX в. – все это этапы становления России как современного государства. Все они связаны с громадными бедствиями для народа, поскольку государство, присвоившее себе право вести по пути прогресса массы, еще не готовые к самостоятельному выбору, способно прокладывать этот путь только с помощью принуждения «сверху».

Здесь не место анализировать такой тип движения. Подчеркнем лишь, что он диктовался необходимостью для России проделать за три – четыре десятилетия путь, который западные страны проходили столетиями.

Движение по «перевернутой» схеме – сначала инициатива «верхов», затем преобразование с помощью рычагов государственной власти социальных отношений и экономики, создание на этой основе предпосылок для рывка вперед – такая форма движения, как показывает исторический опыт и России, и других стран, далеко не оптимальна. Более того, продвигая страну вперед, она чревата серьезными опасностями и тупиками. Во-первых, в отсутствие серьезной политической оппозиции начинаниям «верхов» реформа приобретает односторонне-бюрократический, а порой и разрушительный характер, порождает глубокие внутренние разломы в обществе. Во-вторых, модернизация *вдогонку* Западу не считается с социально-культурной спецификой страны, ее прошлым, третируя их как подлежащий упразднению анахронизм. Внедряемые «наско-ро» (В.Ключевский) «западные» элементы разрушают системную целостность сложившейся цивилизации, деформируют ее, порождая скорее новые трудности и проблемы, нежели решая старые.

Все это придавало и придает российскому государству особый характер, отличный от европейского, который только отчасти передается понятием империи. Вообще говоря, это не государство в собственном смысле слова, а своеобразный «социум власти» (М.Гефтер), стягивающий к себе огромную сумму интересов и лиц и управляющий страной с помощью бюрократического механизма. Предпосылкой его существования являлись и являются, без сомнения, слабость гражданского общества, рыхлость и бесформенность действительного общественного организма, беспомощность и несамостоятельность движений «снизу».

Когда-то великой русский демократ Н.Г.Чернышевский писал в подцензурной статье «Франция при Людовике-Наполеоне», прозрачно намекая при этом на Россию: «Столетия, проведенные под управлением произвола, до такой степени вкоренили в умах французов (конечно же, русских, – понимал читатель. – *И.П.*) мысль о его необходимости, что, желая произвести реформы, они постоянно впадали в роковую ошибку, в ложное убеждение, что нужно только заменить старую власть новой властью и на эту новую власть перенести все те чрезмерные права, которые принадлежали старой»¹. Не случайно поэтому основной своей задачей Чернышевский считал борьбу с распространенным в российском обществе предрассудком, «будто государственная власть может

заменить собой результаты индивидуальных усилий в общественных делах», воспитание у нарождавшейся русской демократии чувства «гражданской самостоятельности, которое только одно может упрочить здоровье нации»². К сожалению, участие рядовых граждан в общественных делах так и не стало ведущей ценностью в теоретических построениях российских либералов и демократов. Им казалось, что замена старой власти новой *сама по себе*, без привлечения в политическую жизнь массовых сил, без коренного расширения сферы сознательной общественной деятельности способна обеспечить демократические перемены в стране. Иго российской политической традиции, связывающей любые перемены в обществе только с инициативой государственной власти, тяготело над демократами 1990-х гг. точно так же, как когда-то над русскими либералами, а затем народовольцами и большевиками.

Но не только несовпадение экономической и исторической (политической) составляющих оказало воздействие на способы проведения демократических реформ в России. Немалое значение имел характер сил, выступивших за обновление страны, их идеологические установки.

В свое время, в конце 20 – начале 30-х гг. XX в., А.Грамши предвосхитил появление ситуаций, подобных российской. В своих «Тюремных тетрадах» он писал, что далеко не всегда «движущая сила прогресса» будет совпадать с «широким экономическим движением» в данной стране. В условиях экономического и культурного взаимодействия между странами носителем новых идей и освободительного импульса может быть «не экономическая группа» (класс), а «слой интеллигенции». И тут же глубокое и тонкое замечание: в этом случае «понимание пропагандируемого государства видоизменяется: оно понимается как вещь в себе, как рациональный абсолют»³.

Системный кризис, охвативший страну в конце 1980 – начале 1990-х гг., и массовое недовольство населения коммунистическим режимом благоприятствовали выдвижению интеллигенции и части номенклатуры на роль авангарда движения за свободу и демократию. Свержение коммунизма давало интеллигенции надежду преодолеть, наконец, болезненный разрыв между усвоенными ею либеральными, гуманистическими принципами и существовавшей политической практикой. Разрыв этот существовал на протя-

жении всей истории России, но кризис КПСС и горбачевская перестройка придали ему особенно драматический характер. Для тех, кто протестовал против засилья партийной бюрократии, кто выступал за господство законности и обличал систему ГУЛАГа, падение коммунистического режима стало желанной отправной точкой надежд, к сожалению, преувеличенных, на быстрые перемены в стране и обществе в направлении либеральной демократии.

Однако, являясь носителем передовых европейских идей, интеллигенция, в силу своего положения, навыков, уклада жизни, наконец, нравственных принципов не смогла возглавить движение за демократию. Не смогла потому, во-первых, что демократического движения в собственном смысле этого слова в стране не существовало: оно возникло, но, к сожалению, не успело сформироваться к 1991 г., а позже оказалось «ненужным». Во-вторых, между интеллигенцией и простыми людьми в России на протяжении веков существовали достаточно сложные и противоречивые отношения. В силу ряда исторических обстоятельств: поляризации современных и традиционных секторов экономики в условиях «догоняющего» развития, европеизированного характера ценностей «культурного общества», господства традиционалистской и полутрадиционалистской культуры в массах и т. п. – российская интеллигенция очень редко находила в положении народа источник проблем, требующих изучения и разрешения. Неслучайно собственно демократическая идея в том виде, в каком она вошла в сознание российской интеллигенции 90-х гг. XX в., была скорее сколком с проблем и противоречий западного общества, чем отражением непосредственных нужд народа.

Слабость активных общественных сил, особенно в регионах, обусловила неспособность демократической интеллигенции ставить вопрос о будущем страны на основе конструктивной историко-политической программы, а не абстрактно, вообще, «как это делают во всем цивилизованном мире». Не стоит говорить уже о том, что появившуюся в 1989–1991 гг. народную инициативу некому было направить в позитивное русло. Идеология государства, наделенного сверхъестественными свойствами («рациональный абсолют»), стала оправданием и обоснованием такой позиции. И не случайно разработка программы преобразований была отдана на откуп правительственным чиновникам. Все это объясняет,

почему интеллигенция при всей ее энергии, искреннем порыве к переменам и антикоммунистическом настрое оказалась не в состоянии повлиять на ход реформ 1990-х гг. и, главное, на способ их проведения. Привычный способ действий власти в условиях политической пассивности населения вновь возобладавал в общественной жизни россиян.

Кроме названных двух, имеется еще третье, весьма немаловажное обстоятельство, определившее ход и исход демократических преобразований в России. Это – исторически сложившийся характер русского демократизма.

Потребность в демократическом устройстве вызревала в нашей стране существенно иначе, чем в большинстве стран Запада. Там борьбе за демократические институты, за всеобщее избирательное право предшествовало развитие либерального общества и капиталистических отношений. Поэтому и лозунг демократии был там не чем иным, как логическим развитием принципа свободы, родившегося *до* идеи демократии и независимо от нее. Демократия, обновляя и обогащая либеральную традицию, преодолевала раскол общества на бедных и очень богатых, утверждала политическую свободу для всех его членов, а не только для привилегированного меньшинства собственников. И даже рабочее движение, порой сливавшееся с другими освободительными движениями, порой же – через социализм – обособлявшееся от них, оказалось, несмотря ни на что, фактически дополнением к складывавшейся демократической традиции: оно доказало, что проблема свободы не может одинаковым образом стоять перед всеми классами, что реальная свобода для рабочего класса предполагает его экономическое, социальное и моральное возвышение.

Подчеркнем главное: в европейском демократизме идея свободы, гражданских прав была «намертво» вмонтирована в демократическую идеологию. Демократия без свободы, поддержанной экономическими и правовыми механизмами, не мыслилась ни либералами, ни консерваторами, ни социалистами.

По-иному дело обстояло в нашей стране, где демократизм начинался с признания необходимости решения в интересах большинства аграрного вопроса, создания условий, прежде всего материальных, для участия народа в политической жизни. Российская проблема для демократа, народника, большевика – это главным

образом проблема освобождения, не столько политического (часть демократов вообще выступала за уничтожение государства или за реформы, подобные петровским), сколько экономического. Без экономического освобождения народных масс в России невозможно было создать раскрепощенного индивида. Соответственно политическая программа русских демократов сводилась к тому, чтобы «по возможности уничтожить преобладание высших классов над низшими в государственном устройстве», причем, каким путем это сделать, «для них почти все равно». Демократ не должен останавливаться перед тем, чтобы «производить реформы с помощью материальной силы», он для реформ готов «пожертвовать и свободой слова, и конституционными реформами»⁴. Это было сказано революционным демократом Чернышевским в 1858 г.; практически именно он сформулировал основные пункты плебейски-крестьянского демократизма в России. Новации Ленина в пределах этой программы касались частностей – идея диктатуры пролетариата («наинижайших низов» населения) и Советы как новый тип управления, якобы более высокий, чем парламентаризм.

В этих условиях демократический и либеральный импульс вместо того, чтобы дополнять друг друга, как в США и Западной Европе, вошли в России в резкое столкновение. Невозможность объединения или хотя бы взаимопонимания этих враждующих в России тенденций деформировала и демократическую, и либеральную идеологию. Демократизм в России все больше принимал плебейски-разрушительный характер, а либерализм вынужден был сближаться с «охранительной» тенденцией, поддерживая «рациональные» действия русского самодержавия. С одной стороны, идеализация сначала крестьянской, затем – пролетарской массы, наделение ее всеми мыслимыми социальными добродетелями (коллективистский дух, революционная самодеятельность, освободительная миссия и т. п.); с другой – консервативное осуждение масс «образованным обществом», боязнь «черни» (т. е. фактически народа), утрата освободительного аспекта, соглашательство с самодержавием – все это во многом предопределяло характер Октябрьской (1917 г.) революции и последовавшего за ней развития событий.

Изменилась ли ситуация сегодня? С грустью приходится констатировать, что *в основном* она осталась прежней – «национализация» демократии не произошло. Демократический идеал в

его классическом виде и сегодня отвечает культурному кругозору и потребностям достаточно узкого социального слоя – научно-технической и гуманитарной интеллигенции, людей свободных профессий (врачей, юристов, деятелей культуры и т. д.), высших слоев государственных чиновников, части менеджеров, включенных благодаря образованию и положению в систему более широких культурных отношений. Что же касается основной массы народа, то для нее слово «демократия» до сих пор расшифровывается главным образом в терминах материальной (социальной) справедливости. А как раз эта-то справедливость на первых порах была грубо растоптана реформаторами 1990-х гг. Для пришедших во власть либералов-рыночников социальная справедливость была сродни нравственному предрассудку, коренившемуся в коммунистическом прошлом. С политикой радикальных экономических перемен этот «предрассудок» не имел, по их мнению, ничего общего. Либералам 1990-х гг. повезло: за свое непонимание они отделились только потерей власти, так и не поняв, что страна благодаря их политике была подведена к краю пропасти. Новые лидеры пошли уже другим путем, сделав ставку на регулирование рынка силами государства, говоря (к сожалению, иногда только говоря) о социальной политике и социально ориентированной экономике.

Нашла ли Россия свою модель демократического развития?

Идея демократии разделяет судьбу общих, абстрактных идей, которые пережили несколько эпох, всякий раз наполняясь новым конкретным содержанием. Соответственно облик и характер демократической идеологии, задачи, решение которых она имеет в виду, могут быть поняты лишь в результате анализа специфических и сложных условий, придавших ей значимость и смысл.

Если говорить о сегодняшнем историческом этапе не только России, но и западного мира, то приходится констатировать, что вместе с ростом самодостаточности экономических процессов уменьшается активная роль специфически социальной сферы, которая все больше приспосабливается к нуждам экономического социума и все менее способна к реализации гуманистических целей. В России эта глобальная тенденция проявилась в полной

победе «экономического либерализма» над либерализмом в собственном смысле этого слова, видевшем в свободе и демократии средства обеспечить всем людям полное развитие их личности, в эрозии идеи гражданственности, в «колонизации» общественного частным, в растущем безразличии людей к решению долгосрочных задач.

Что из этого следует? Прежде всего, думается, речь должна идти о модификации форм и методов борьбы за демократию.

На первый взгляд, задача демократизации существующего политического и общественного строя России кажется простой и элементарной. Однако проблема в том, что средства ее решения в конце XX – начале XXI вв. уже не могут быть простыми, а тем более элементарными. Ведь вследствие коренного изменения условий, внешних и внутренних, процессы, способные привести к построению в России демократического общества, существенно отличаются от тех, которые происходили в свое время в Западной Европе, да и в самом нашем обществе.

Когда-то демократия в ее радикальных вариантах означала доминирование народа над привилегированными классами, большинства над меньшинством; в умеренных версиях она исходила из единства всех слоев общества на базе консенсуса разных интересов. Демократическая парадигма строилась на постулате о том, что народ является высшей инстанцией и мерилom истинности всякой политической теории, что именно народ выступает субъектом истории, ее главной движущей силой, и его действия по определению носят прогрессивный характер. Предполагалось, что любой частный интерес должен в конце концов уступить место общему, народному. Возможность суммирования индивидуальностей в «общем деле», идея гражданственности не подвергались никакому сомнению – считалось, что гражданин совместно с другими гражданами в состоянии самостоятельно, без посредников определить права и обязанности, привилегии и обязательства членов соответствующего общества.

Сегодня этот комплекс демократических идей во многом устарел и не соответствует ситуации, сложившейся и на Западе, и в России. Трагический опыт осуществления в нашей стране диктатуры пролетариата (позже – «общенародного государства»), громадное разрастание функций государства и, наконец, тоталь-

ная бюрократизация управления показывает, что демократизация общества, опирающаяся только на идею гражданственности, на гражданские доблести, неизбежно терпит крах. Дело не только в том, что воспитание населения в гражданском, демократическом духе – процесс крайне длительный и трудный, особенно в современной России с ее громадными перепадами в культуре населения, разрывом между доходами «низших» и «высших» слоев, с неравным доступом к ресурсам самоутверждения личности, со слабым интересом населения к политике. Проблема конкретнее, драматичнее. Гражданственность, гражданское общество не могут появиться в России и стать основой демократии, пока новый политический режим сохраняет главные черты старого, пока существует закрытость государственной власти от общества, закрытость тотальная, порождающая коррупцию и громадные злоупотребления. Как никогда, сегодня становится ясным, что бюрократия в России – это не просто волокита, некомпетентность, взятки, это еще произвол, насилие над личностью, узурпация ее гражданских прав. Полтора миллиона вопросов, заданных В.Путину, – это не столько свидетельство демократизма власти, стремления её не терять связи с народом, сколько индикатор неготовности (нежелания) громадного бюрократического аппарата исполнять вмененные ему законом обязанности, соблюдать Конституцию страны и права граждан.

Всесилие бюрократии, коррумпированной и некоррумпированной, но всегда неподконтрольной, произвол чиновников, «избирательное правосудие» стали сегодня основным препятствием демократизации России, возьмем ли мы экономику (средний и мелкий бизнес), местное самоуправление, отношения между регионами и центром, соблюдение федеральных законов и установлений, социальную защиту слабейших слоев населения, сферу отношений собственности и т. п. Взятка, «откат», умение «вертеться», способность угадать, что хочет начальство, до сих пор являются нормой поведения российского чиновника, нормой, которая создает невыносимые условия для всякого честного человека, работающего в государственном аппарате. Под разлагающим воздействием этих факторов падает интерес населения к политике, к выборам, рушатся политические убеждения, сокращается участие людей в мероприятиях, издавна считавшихся политическими. Когда человек полностью бесправен перед любым «блустителем порядка»,

который может его оскорбить, ограбить и даже избить, когда закон трактуется в зависимости от имущественного или должностного положения гражданина, когда государство не может справиться с преступностью, у людей возникает ощущение бессилия, расширяется пропасть между частным и общественным, и частные проблемы перестают переводиться на язык общественных.

Иногда говорят, что демократия изжила себя. И это в стране, которой еще предстоит демократизироваться – в «массовом, низовом» творчестве, в «изобретении» новых политических институтов, одновременно привычных и непривычных, но сопряженных с традициями, нравами миллионов россиян; в стране, которая еще не нашла свою модель интегрального развития, в т. ч. политического. В российской модели демократии должно найти отражение всё присущее нашему отечеству разнообразие, все характерные для него различия в местных условиях, исторических судьбах народов, их культуре и вероисповедании, в труде, собственности и т. д. «Страна стран», какой является Россия, самим ходом истории поставлена перед необходимостью практически одновременно решать исторически и социально разнородные задачи, относящиеся к разным эпохам: сохранить целостность страны, согласуя с новыми требованиями быт, нравы, уклад жизни миллионов людей, принадлежащих к разным культурам, конфессиям; привить им – именно привить, а не навязать – современный способ правления, либеральный и одновременно демократический; объединить народы России не только административно, бюрократически, но через экономические связи, через товарное производство и рынок, выгодные не криминальным кланам, а непосредственным производителям; создать нацию-государство, что требует радикального расширения кругозора как масс, так и политических элит; наконец, выработать принципиальный подход центральной власти к проблемам регионов, включая русские, – лишь тогда федерализм как демократический институт наполнится реальным содержанием.

В России невозможно сформировать демократию как унифицированный мир. Ее демократический режим должен опираться на общество, где, по выражению Фейерабенда, все традиции имеют равные права и равный доступ к центрам власти. Иного ей, по видимому, не дано. К тому же учет разнообразия – это сегодня еще и ресурс демократических преобразований. Он уменьшает напря-

женность и социальные затраты, создает богатую самостоятельную жизнь в интегрированном целом. Россия всегда была разной. Она и в будущем останется разной – различными мирами в общем российском мире. А это невозможно без всестороннего развития демократии, без создания и, главное, опробования новых институтов и новых стратегий.

Есть еще одна важная сторона демократизации России, о которой часто забывают. Дело в том, что Россия вступила на путь модернизации своей политической системы в существенно иных, чем в других странах, условиях всемирно-исторического развития. С одной стороны, перед ней исторический опыт народов и стран, ушедших вперед, который она обязана усвоить и переработать при строительстве нового демократического строя. С другой – совершенно новая обстановка в мире, которой не существовало в эпоху зарождения европейской и североамериканской демократий (глобальный мир, развитие средств коммуникации, значение науки в производстве и т. п.). Эти «ножницы» в уровнях и характере политического развития вряд ли удастся устранить последовательным прохождением стадий, которые были пройдены в свое время передовыми странами, – история определенно не предоставляет России такой возможности. Выход из ситуации один – новые формы и порядок демократического развития, «выпрямление» (хотя это термин весьма неточен) нашего исторического пути. Актуальность данной проблемы требует от нас более глубокого, чем ранее, проникновения в процесс вызревания нового в политической практике, в его условия и альтернативные возможности.

Часто говорят о незрелости демократии в России, полагая при этом, что она постепенно будет совершенствоваться, накапливать опыт, интегрируясь шаг за шагом в общее русло всемирно-исторического движения. Разумеется, элементы незрелости нашей демократии налицо, их трудно не заметить. Но нельзя забывать и другое: перед российской демократией стоят иные, чем в свое время на Западе, проблемы, отчасти порожденные историей страны, отчасти – и это очень важно – новыми условиями современного мира. Другими словами, российское общество нуждается не «просто» в демократии, а в *современной демократии*, отвечающей вызовам и проблемам общества XXI в. Абсолютизация какой-либо одной полосы демократического развития (либеральной демо-

кратии, например) способна сегодня привести к опасной слепоте относительно возможностей, открывающихся на иной почве, чем та, на которой возникла классическая демократия – в борьбе с монополистическим и олигархическим капиталом; возможностей, способных привести к обновлению и оздоровлению политической жизни в стране. Вспомним хотя бы Новый курс Ф.Д.Рузвельта.

Последний момент особенно важен для освобождения демократии от вульгарно-буржуазного толкования этого понятия. Дело в том, что современная демократия – нечто иное, неизмеримо более богатое, чем власть политических партий, избираемых на условиях «свободной конкуренции» (Й.Шумпетер). Она должна включать в себя совокупность условий и средств, необходимых для политической деятельности рядовых граждан, их организаций, для сотрудничества власти с ними. «Продвинутая» часть общества начинает отдавать себе отчет в том, что выбор депутатов без возможности влиять на них – практика «обычной» парламентской демократии – в России явно пробуксовывает...

Опыт нашей страны еще раз подтверждает ту истину, что для создания эффективной демократии недостаточно завоевания ее сторонниками командных высот в государстве и создания по образцу передовых стран политических институтов. Сделать Россию демократической можно лишь демократическим путем. Импульсы «сверху» должны подкрепляться импульсами «снизу». А это предполагает ряд условий и прежде всего подъем масс, моральный и материальный, не говоря уже о политическом, – тех самых масс, которые «ныне так же, как и издревле» ощущают себя забытыми, задавленными, отодвинутыми на обочину жизни произволом власть предержащих, бедностью, неуверенностью в завтрашнем дне, отсутствием перспективы. Это предполагает также решимость властных структур, шире – российского общества укоренить в стране важнейшее завоевание современной западной демократии – *прогрессивную шкалу налогообложения*. В странах Западной Европы и США прогрессивный налог был завоеван в упорной борьбе усилиями демократических и социалистических движений, профсоюзов, части господствующего класса. Там поняли, что вопиющее экономическое неравенство не только ведет к неравенству в возможностях, в доступе к власти и способности влиять на нее, но и способно вызвать паралич демократических институтов, эро-

зию всего государственного управления обществом. «Там», но не у нас. Российское «социальное государство» (так записано в Конституции) постепенно перекладывает тяжесть расходов по развитию образования и здравоохранения на плечи населения. Пропасть между богатыми и бедными углубляется. Медицина для богатых уже стала фактом нашей общественной жизни. Недалек день, когда появится образование для богатых и образование для бедных.

Русский народ до сих пор равнодушен к либеральным и демократическим ценностям просто-напросто потому, что демократический режим в том виде, в котором он существует сегодня, не решил стоящих перед страной проблем. В самом деле, как объяснить рядовому человеку, почему страна до сих пор «сидит на нефтяной игле»? В силу каких причин не обновляется или обновляется очень медленно технологическая база нашей промышленности? Почему Россия стоит на третьем месте в мире по числу миллиардеров и одновременно плетется где-то в хвосте (если брать цивилизованные страны) по уровню жизни населения? Способна ли страна когда-нибудь покончить с жилищным вопросом, от которого целиком зависит мобильность населения? Почему слово «русский» ассоциируется в Европе с безудержным потребительством, разгулом, мотовством? Дело здесь, разумеется, не в широкой «русской душе», а в присвоении определенным, узким слоем людей несправедливо приобретенного богатства. Этот слой людей не спешит вкладывать свои средства в производство. Как было нажито, так и проживается... Власть по сей день не решается предать суду высокопоставленных коррупционеров и расхитителей, наказывая «стрелочников», а иногда и вообще невиновных людей. Трудно себе представить, что должно произойти, чтобы в «верхах» решились всерьез разобраться в том, какие бонусы выплачивают себе банкиры, спасшиеся от краха благодаря вливаниям государственных средств, на какие деньги чиновники с их скромной заработной платой строят себе особняки и дачи в России и за рубежом стоимостью в миллионы долларов и т. д., и т. п.

Читатель резонно может спросить, почему, рассуждая о демократическом выборе России, мы слишком часто говорим о проблемах государственной власти, а не обсуждаем, скажем, вопросы о положении оппозиции, практике федеральных и региональных выборов, представительстве разных партий в СМИ и т. п. Да по-

тому, что в России не сформировалось настоящее гражданское общество, с мнением которого власть всерьез была бы вынуждена считаться, потому что политические партии, за исключением правящей, слабы, потому что население России до сих пор верит в патерналистскую природу государства. Потому, что российский бизнес не собирается пока вкладываться в «умную экономику» (Д.Медведев), предпочитая протоптанные пути. И, наконец, главное. Необходимость действовать по-новому, не дожидаясь, пока созреют заинтересованные в переменах общественные силы, придает сегодня государственной власти колоссальный исторический ресурс – зачинателя и главного орудия модернизационных преобразований. В этих условиях становится неотложной задачей *воспитания* власти обществом и партиями, общественным мнением, наконец. Конечно, эта задача сродни мюнхаузенской: тот вытаскивал себя из болота за волосы. И тем не менее история знает такие примеры. Задачу такого рода придется шаг за шагом решать и России, ее государству и гражданам. Своеволие бюрократического монстра должно быть обуздано, в противном случае об экономическом прогрессе страны, о демократическом развитии нечего и говорить. Окажутся ли способными российская власть и российское общество подняться на уровень этой исторической задачи – вопрос не простой, ответ на него даст только жизнь.

И последнее. Демократия, тем более в такой стране, как Россия, не может сложиться за один раз: слишком сильны традиции имперского государства. Потребуется еще немало времени и усилий, прежде чем мы выработаем политику, которая сможет называться демократической. Она не станет панацеей от всех российских бед и болезней, но какие-то важные исторические узлы, несомненно, развяжет. В этой связи одним из наиболее актуальных проблем политического развития России является *вопрос о лидере*, о взаимоотношении между ним и доверяющей ему массой людей. Эту проблему, как представляется, наиболее точно сформулировал историк М.Гефтер. Вот его слова: «Мы требуем от лидера риска доверия, но и сами рискуем заблуждаться. Мы рассчитываем на подконтрольность “человека у кнопки”, но как придет она к нему и к нам? Только как открытость лидера, его внутренняя свобода, способность получать импульсы из несовпадающих сфер жизни, от думающих и ведущих себя по-разному, суверенных людей. Ли-

дер – не просто политик: он обязан уметь и не быть политиком, взнуздывать злобу дня, открывая ход иным голосам и мотивам. Мир вне политических связей между людьми, выступая оппонентом политики, может выработать новую мыслительную культуру, новую естественность человеческих контактов, выработать альтернативы привычному существованию. И лидер призван импонировать всему этому разнообразию, придавая простому человеческому голосу, человеческой точке зрения мировой статус»⁵. Трудно соответствовать этим требованиям, трудно, но необходимо, если иметь в виду демократическую перспективу России и, главное, бороться за нее.

Сумел ли ответить автор на вопросы, вынесенные в заголовок, судить не ему, а читателю, если, конечно, тот даст себе труд ознакомиться со статьей.

Примечания

- ¹ *Чернышевский Н.Г.* Полн. собр. соч.: В 15 т. Т. VII. М., 1939–1950. С. 402.
- ² Там же.
- ³ *Грамиш А.* Тюремные тетради: В 3 ч. Ч. 1. М., 1991. С. 291.
- ⁴ *Чернышевский Н.Г.* Полн. собр. соч. Т. V. С. 216.
- ⁵ *Гефтер М.Я.* Из тех и этих лет. М., 1991. С. 455.

КАФЕДРА

С.Г. Ильинская

Гуманитарное образование как фактор формирования гражданской идентичности*

Большая Советская Энциклопедия определяет гуманитарное образование как совокупность знаний в области общественных наук (философии, истории, филологии, права, экономики, искусствоведения и др.) и связанных с ними практических навыков и умений, а также как важнейшее средство формирования мировоззрения, играющее огромную роль в общем развитии людей, в их умственном, нравственном и идейно-политическом воспитании. В целом мы и сегодня склонны согласиться с данным определением вышеупомянутого источника, хотя за последние 50–70 лет¹ многое в этом вопросе стало не столь однозначно. Утвердились и тесно переплелись с гуманитарным знанием такие дисциплины, как политология, социология, психология, расширились способы научной классификации. Наряду с простыми заимствованиями, принятыми на Западе, прежде всего библиотечными, появились отечественные классификации, опирающиеся на иные основания, в основном, это классификации ученых – специалистов по философии науки: В.С.Стёпина, В.Г.Горохова, А.Л.Никифорова и др.² Чаще всего сегодня в российской науке принято говорить о социально-гуманитарном (общественно-гуманитарном) знании и образовании³.

* Работа выполнена в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (2009–2013 годы), тема «Проблемы гражданства и идентичности», шифр 2009-1.1-306-077-013.

Общее гуманитарное образование давала в СССР и дает на сегодня в России средняя общеобразовательная школа, где изучаются наряду с естественнонаучными дисциплинами родной и иностранный языки, литература, история, обществознание (ранее – обществоведение), различные виды искусства и др. Как в СССР, так и в современной России предметы гуманитарного цикла включены в программу профессионально-технических и средних специальных учебных заведений независимо от их профиля. На более высоком уровне такие знания получают студенты вузов любой специальности в процессе изучения общественных наук и некоторых социально-экономических дисциплин. Специальное гуманитарное образование по философии, истории, политологии, социологии, психологии, филологии, экономике, юриспруденции, педагогике, искусствоведению, различным видам искусства, культуры и т. д. осуществляется в России в основном университетами и отраслевыми вузами, а по ряду специальностей и средними специальными учебными заведениями.

1. К истории вопроса

Развитие гуманитарного образования в России впервые претерпело кардинальные изменения после Октябрьской революции 1917 г., когда его идейной и методологической основой стал марксизм-ленинизм, а в программу обучения были постепенно включены такие дисциплины, как «Основы марксистско-ленинской эстетики», «Научный атеизм», «Политическая экономия», «Научный коммунизм», «История КПСС», «Марксистско-ленинская философия», «Диалектический материализм» и т. п.

В 1922 г. многие представители старой философской элиты (Н.А.Бердяев, С.Н.Булгаков, Б.П.Вышеславцев, В.В.Зеньковский, И.А.Ильин, Н.О.Лосский, П.А.Сорокин и др.) были высланы из страны как «особо активные контрреволюционные элементы». Подобные акции наносили удар не только по отечественной философии, но и праву, социологии, культурологии, экономике. Любые исследования, вступающие в противоречие с генеральной линией партии, были обречены на забвение, как и их авторы. Питириму Сорокину, чья теория социальной стратификации опровергала

перспективу построения бесклассового общества, еще повезло, поскольку он смог продолжить свои исследования в США. А вот, например, советский экономист Николай Кондратьев, разработавший концепцию длинных волн (циклов экономической конъюнктуры), абсолютно не укладывающуюся в миф о грядущей гибели капитализма, утверждаемый в рамках теории смены общественных формаций, и косвенным образом противоречащую ему, поплатился жизнью за оригинальность своего вклада в науку.

После осуждения культа личности Сталина на XX съезде КПСС (1956 г.) произошло постепенное ослабление жесткого идеологического контроля над общественными и гуманитарными науками, что открыло новые возможности для развития отечественной философской мысли. Однако предшествующий период надолго определил специфику развития философии в СССР: в основном ей предстояло развиваться в качестве истории философии.

Невозможность полемики по острым вопросам, стоящим на повестке дня, провоцировала обращение к неизменным материям. Гуманитарное образование в СССР там, где оно не было связано с задачей обслуживания существующего политического режима, будучи изолировано от насущных жизненных проблем, вынужденно специализировалось на фундаментальном и универсальном знании. Советская номенклатура изымала из открытого обсуждения только отдельные темы, небезопасные с политической точки зрения. А научную любознательность во всех остальных вопросах поощряла, печатая огромными тиражами историков Ю.Я.Перепелкина, М.И.Рижского или Н.Я.Эйдельмана. Косвенным образом это способствовало тому, что советская интеллигенция получала вместе с универсализмом некий критический потенциал, который в итоге и привел к трансформации системы. Ведь если человек научился думать и разобрался в социальном устройстве нескольких обществ, хотя бы и древних, он уже не будет некритично воспринимать официальную пропаганду. Кстати, многие гуманитарии – выпускники советского периода, в силу своего «немозаичного»⁴ типа мышления, оказались востребованы как за пределами трансформировавшегося государства, так и на рынке труда внутри страны: философский факультет Московского государственного университета дал постсоветской России не меньше эффективных бизнесменов и менеджеров, чем МВТУ им. Баумана.

Российская образовательная политика становится намного более гибкой в 1990-е гг.: активно создаются классы с гуманитарным уклоном, а также специальные лицеи, гимназии, языковые школы и т. п. учебные учреждения; впрочем, данная тенденция была характерна еще для позднего советского периода. В школьную программу включают такие предметы, как граждановедение, основы экономики и мн. др. Возникает значительное число новых гуманитарных вузов: Государственный академический университет гуманитарных наук, Российский государственный гуманитарный университет и проч.; в их числе есть совместные российско-западные (российско-британская Московская школа социальных и экономических наук, Международный университет в Москве и др.), в вузовской программе появляются новые учебные дисциплины: социология, политология, культурология, религиоведение, этика, эстетика и др., существенно модифицируется и расширяется преподавание курсов философии.

Остановимся предметно на отдельных отраслях социально-гуманитарного знания. Начнем с психологии, хотя многое, сказанное автором по поводу этой, будет справедливо и для иных специальностей.

Драматичный процесс переоценки и пересмотра принципиальных позиций советской *психологии*, прежде всего ее методологических оснований, восходящих к марксизму, начался после распада СССР. Критике подвергся главный тезис – положение о том, что марксизм является единственной теоретической основой психологии⁵. В новой исторической ситуации, сложившейся в России на волне энтузиазма и в условиях идеологической свободы, в период, когда творцы научных теорий уже не могли вступить в диалог со своими критиками, началось наступление на советскую психологию. От тезиса о безусловном приоритете всего, что было создано в советский период, произошел крутой поворот, по существу, к отрицанию его значения⁶. Одной из особенностей психологии постсоветского периода является ее постепенное сближение с практикой и превращение в востребованную науку, представляющую реальный интерес для различных видов социальной практики. Исторический разрыв между отечественной и западной разновидностями психотерапии поставил российскую систему подготовки психологов перед фактом необходимости не проходить заново всю

историю развития психотерапии, а перенимать уже наработанное. Вследствие этого ситуация с психотерапевтическим образованием в России сложилась уникальная: ее преимущество состояло в возможности выбора между школами и направлениями, а недостаток – в нехватке базового или классического психотерапевтического знания⁷. В то же время, например, Е.Б.Фанталова в ходе своей практической работы пришла к выводу, что большинство подходов и психотехник западной и американской практической психологии, не будучи предварительно приспособлены к русскому менталитету, не могут быть перенесены на «нашу русскую, глубоко специфическую душевно-духовную почву». Она призывает к тому, чтобы, «не сбрасывая со счетов» весь имеющийся позитивный зарубежный опыт, подумать и о сугубо отечественных, русских приемах практической психологии в соответствии с запросами «внутренних миров» соотечественников «в наше столь нелегкое, смутное время»⁸. Исследовательница подчеркивает своеобразие «внутреннего запроса» отечественного клиента и в связи с этим специфичность взаимодействия в диаде «психолог-клиент». Немало других российских психотерапевтов также говорят о необходимости искать свой собственный путь, развивать отечественные традиции психологической помощи, например, в русле славянской духовной культуры, исконной для нашей страны, в русле возрождающейся ныне в России святоотеческой психотерапии. В лоне русской православной церкви, на протяжении столетий привычно заботящейся о духовном здоровье человека и его нравственности, сложилась, по их утверждению, поистине уникальная система целительства души, которая все чаще привлекает внимание психологов⁹. Итак, на сегодня большинство российских психологов и психотерапевтов заявляют о необходимости критического переосмысления западного опыта¹⁰.

Обращаясь к *философии*, следует отметить, что в ней за последние 20 лет были ликвидированы лакуны исследований, вызванные идеологическими причинами. Это касается византийской философии, религиозной философии средневековья, тех западных отдельных мыслителей, на которых лежало клише антикоммунистов и т. д. Но, прежде всего, конечно, имеет отношение к русской религиозной философии «серебряного века», которая с триумфом вернулась из эмиграции и в каком-то смысле

изменила философский ландшафт, не только само представление о русской философии, но и место русской философии в целом в составе философских наук.

Но наибольшую пользу из эпохи перемен извлекли для себя российские системы подготовки экономистов и социологов, которые развивались по несколько различным сценариям. *Социология* как наука в СССР вообще не существовала, исследования по некоторым направлениям осуществлялись лишь в 1920–30-е, 1960–80-е гг. Тем не менее накануне перестройки сформировался корпус отечественных ученых, пришедших из философии, истории, экономики и других областей знания, которые не просто заимствовали западные разработки, а развивали социологию именно в качестве отечественной науки: В.А.Ядов, А.Г.Здравомыслов, Т.И.Заславская, Л.М.Дробижина, в ряды этих ученых влился также и российский-британский исследователь Теодор Шанин.

Как на развитие теоретической *экономики*, так и на систему обучения будущих экономистов-плановиков оказало существенное влияние отсутствие в СССР рыночного сектора. Отчуждение от западной науки выражалось в критическом, в лучшем случае – снисходительном отношении даже к наиболее признанным трудам, декларировании абсолютного превосходства советской школы. Стандартным приемом было отождествление западной и буржуазной науки, ее восприятие как служанки эксплуататорского класса. Главным негативным следствием такой изоляции было отсутствие здоровой научной конкуренции. От идеологического противостояния, безусловно, страдала и западная наука, не имевшая условий для объективного изучения советского опыта. Однако уже в конце 1950-х взаимное отчуждение в экономике сменяется периодом «наведения мостов». Этот процесс идет в наименее идеологизированных областях, где практикуется применение математических методов, системного анализа, информатики. Те западные ученые, которые пришли к пониманию недостаточности рыночных механизмов для гармонизации пространственного развития, изучают советский опыт планирования, хозяйственного освоения новых регионов и формирования территориально-производственных комплексов, социального протекционизма¹¹.

В 1990-е в России активно переводятся и внедряются в образовательный процесс западные учебники, начиная от популярного «Экономикс» Пола Хейне до фундаментального одноименного

труда Стэнли Фишера, Рудигера Дорнбуша, Ричарда Шмалензи или «Истории экономической теории» Такаши Негиши. Буквально за одно десятилетие выходят и отечественные учебники по микро- и макроэкономике, региональной экономике, финансам и многим другим экономическим дисциплинам. Бурными темпами идет критическое осмысление собственного опыта, к сожалению, поныне не востребованное правящей элитой. Уже в 2000 году ныне покойный академик Д.С. Львов издает свой фундаментальный труд «Путь в XXI век: стратегические проблемы и перспективы российской экономики», в котором присутствует и критическое переосмысление передовых западных наработок в области экономики, и беспристрастный анализ российских реформ, и собственная стратегия экономического развития.

Что касается *юридического* образования, то в нем, как известно, на протяжении всего советского периода господствовал правовой позитивизм, распространившийся на правоприменительную практику, так же как и на обыденные представления граждан о законе. Естественно-правовая традиция у нас практически отсутствует по настоящее время. Не будучи специалистом в этой сфере, ограничусь указанием, что нерешенной задачей остается здесь привитие обществу посредством подготовки юристов знаний о естественном праве.

Из всего гуманитарного цикла наиболее неоднозначным образом период либерализации отразился на *истории*, прежде всего отечественной, как науке и учебной дисциплине. Шутка о том, что Россия – страна с «непредсказуемым прошлым», не лишена горького смысла. Действительно, история в нашем государстве только в XX в. переписывалась несколько раз. Вскоре после Октябрьского переворота весь имперский период развития окрашивается в мрачные тона. Однако, начиная с 1930-х годов в рамках политики по формированию единой гражданской советской нации многие события и ключевые фигуры российской истории реабилитируются (Суворов, Петр I и т. д.).

В последующие годы в преподавании истории практиковался более взвешенный подход, хотя обязательной по сей день остается практика сокрытия неблагоприятных для режима фактов и сохранения идеологических интерпретаций. Одним историческим фигурам (Степан Разин, Емельян Пугачев) приписывается чуть ли не

революционное сознание, деяния других замалчиваются или очерняются (генерал Ермолов и др.). Да и всемирная история трактуется по-старому – в соответствии с теорией смены общественных формаций и классовой борьбы. Справедливости ради заметим, что в прошлом данная тенденция была характерна не только для СССР, но и для антагонистической ему системы. Прогрессистские интерпретации истории на Западе отличались лишь тем, что венцом развития человеческого общества виделся не коммунизм, а либеральная демократия. Так в США, по свидетельству Майкла Паренти, в 1980-е гг. «учебники для начальной и средней школы и даже для колледжей редко упоминают – и то лишь вскользь – историю борьбы трудящихся и роль американских корпораций в эксплуатации и отставании стран “третьего мира”. Почти ничего не говорится о борьбе закабаленных служащих, рабочих-иммигрантов латиноамериканского, китайского и европейского происхождения, мелких фермеров. История сопротивления рабству, расизму и экспансионистским войнам в США практически не преподается. Зато каждый на зубок заучивает, что в “холодной войне” винить должно Советский Союз. Во многих штатах закон требует включать в учебные планы изучение “зол коммунизма”... Профессора, преподаватели и даже студенты колледжей, проявляющие инакомыслие и склонные к политической деятельности, подвергаются дискриминации: они получают отрицательные отзывы и оценки, их лишают поощрительных стипендий, средств на научные исследования и работы»¹². «Новый» (по терминологии Х.Арендт) деспотизм на Западе, в отличие от «старого» на Востоке, отдает приоритет экономическим методам установления контроля над поведением человека. «Разница методов обуславливает разницу форм сопротивления и степеней их эффективности. Абсолютно нельзя себе представить, чтобы “новый деспотизм” рухнул от “гласности”, от доведения до сведения общественности, скажем, факта геноцида индейцев Оклахомы ради рационализации нефтедобычи или округления территории США благодаря самой беззастенчивой агрессии против Мексики и ее последующего расчленения. “Гласность” тут не сработает, ибо все эти факты давно “доведены”, но либо вообще не “восприняты” огромным большинством, либо “восприняты” как пусть прискорбные, но “естественные” факты истории, которые “уже не изменишь”. В то же время в СССР “доведение

до сведения общественности” фактов сталинских (и позднейших) злодеяний, которые тоже “уже не изменишь” были “восприняты” миллионами людей, превратившимися на несколько лет в политически озабоченную и читающую публику, и она оказалась готовой действовать ради изменения режима»¹³.

Автор настоящего материала окончила школу в 1991 г., незадолго того, как СССР исчез с политической карты мира. Новые учебники еще не были написаны. А учителя истории уже не знали, что говорить ученикам на уроках, как им преподавать историю... Вся пресса пестрела разоблачительными, да и просто скандальными статьями. Для сознания советского человека, привыкшего верить печатному слову, это был страшный мировоззренческий удар. Учебники, особенно по новейшей истории, издававшиеся в 1990-е гг., большей частью демонстрировали негативное отношение к собственной истории, некоторые были написаны наспех, часто детям преподносились еще не «устоявшиеся» концепции.

В 2000-е гг., одновременно со стабилизацией политической системы в России, стала заметна некоторая обратная «патриотическая» тенденция: учреждена Комиссия при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России, из списка рекомендованных в школах учебников истории исключены учебные пособия, изданные благодаря поддержке западных фондов (например, Фонда Сороса по программе «Обновление гуманитарного образования в России») или написанные авторами, излишне критично относящимися к некоторым фактам отечественной истории (например, учебник по отечественной истории XX в. И.Долуцкого).

В настоящее время под руководством академика А.О.Чубарьяна реализуется ряд проектов по подготовке и внедрению инновационных учебно-методических комплексов, дающих старшеклассникам и первокурсникам представление об истории как о науке, обладающей собственными методами исследования для получения объективной информации о прошлом и позволяющей раскрыть закономерности развития общества, государства и личности¹⁴.

В *политической науке* необходимость приступать к чтению вузовского курса с методологии реализуется уже, как минимум, на протяжении десяти лет, и это непосредственно отражается на качестве многих отечественных учебников для высших

учебных заведений¹⁵. Я начинаю свою первую лекцию по политологии для первокурсников с рассказа о том, что это мультипарадигмальная наука, привожу примеры трактовок базовых политических категорий, которые даются с позиций различных методологических подходов, а в конце лекции неизменно получаю из аудитории вопрос: «Хорошо, а все-таки, как все обстоит на самом деле?» Честно отвечаю, что не знаю, что в гуманитарных науках сложно говорить об объективном знании, можно только, работая в той или иной парадигме и отдавая себе в этом отчет, представлять более или менее аргументированную точку зрения. Наиболее дотошные студенты и тут не отстают: «Тогда ответьте, а как *Вы* считаете?»

Политология существовала и в СССР, еще не будучи институционализирована в отдельную учебную дисциплину. В 2008 г., к 50-летию юбилею политической науки в России, был даже выпущен сборник работ ведущих отечественных политологов¹⁶. С 1955 г. в Академии наук СССР работала Советская ассоциация политических (государствоведческих) наук. Специфика развития отечественной политологии проявилась в стремлении к детальной разработке таких категорий, как государство, политическая власть, политический режим, политическая идеология, тогда как другие важнейшие категории: политические процессы, политические институты, политическая культура, политические элиты и др. – не входили в сферу интересов отечественных политологов. Причина проста: в стране не признавался такой объект политики, как спонтанная человеческая деятельность, в качестве объекта изучения признавалась лишь политика государства по отношению к своим гражданам. Политические исследования осуществлялись институтами государства и права. Российская политология, переживая в конце XX в. **период бурного развития**, в основном развивалась путем заимствования западных наработок¹⁷. Одна из важнейших задач, которая в этой связи стоит перед отечественной политической теорией, – переосмысление значительного количества понятий применительно к российской действительности, поскольку простой перенос их либерального содержания приводит к изображению нашей страны в виде «бездны авторитаризма»: по западным меркам мы просто обречены оставаться негражданскими и недемократическими. Нельзя не

учитывать и тот факт, что многие категории классической западной политической науки иррелевантны социально-политическим процессам незападного мира.

Аналогичная работа по переосмыслению проводилась в свое время в других странах вторичной модернизации: в качестве примера можно привести, например, судьбу понятия «гражданское общество»¹⁸. Внедрение идеи гражданского общества осуществляется и в сегодняшней России. В противовес тезису об извечной российской авторитарности, выходят монографии¹⁹ и защищаются диссертации²⁰, в которых бережно вычленяются те моменты российской истории, когда «протогражданские» тенденции имели реальный политический вес.

Конечно, очень многое зависит от конкретного учебного учреждения и конкретного преподавателя политологии: бывает и так, что в современной России, впрочем, так же, как и в США, курс политологии знакомит с «символической», а не «реальной» политической системой государства²¹. Большой проблемой в настоящее время является трудоустройство выпускников со специальностью «политолог» в связи с уменьшением количества выборов, заведомой предсказуемостью их результатов и падением спроса на политконсалтинг. На долю нынешних политологов часто остается советский вариант – роль преподавателей обществознания²².

2. Деформация системы образования

Российская либеральная революция наряду с принесенными ею несомненными преимуществами, а именно: возможностью для гуманитария отныне публично мыслить и творить далеко за пределами марксистско-ленинской догматики – имела и ряд негативных последствий в сфере образования, для осознания которых потребовалось некоторое время. А «дикий» капитализм 1990-х нанес настолько серьезный ущерб системе подготовки новых специалистов-гуманитариев, что оправиться от нанесенных ударов она во многом не может до сих пор.

Расскажем об этом подробнее. Первый удар – это *разрушение общественной морали*, самым негативным образом проявившееся как в стенах средней школы, так и в университетских аудито-

риях, в залах заседаний ученых советов. В СССР общественная мораль была одним из самых значимых рычагов общественного контроля, хотя имелись и более жесткие меры, например, угроза исключения из комсомола (партии), практически лишавшая перспектив на получение высшего образования, успешную профессиональную карьеру и т. п.

Мораль, на наш взгляд, один из конституирующих институтов регулирования общественной жизни, без которого ткань социальности буквально расплзается. В особенности это относится к России, где строгость законов, как правило, уравновешивалась необязательностью их исполнения и избирательностью санкций. В конце 1980-х – начале 1990-х гг. в нашей стране «отменили» общественную мораль. Прежняя (моральный кодекс строителя коммунизма) была развенчана и осмеяна, а новой стал, по выражению академика А. Гусейнова, «долларовый тоталитаризм». «Новые русские» не осознавали своей ответственности перед обществом, не понимали, что даже очень богатый человек не может жить счастливо среди нищих и несчастных сограждан. В стране выросло целое поколение аморальных и асоциальных людей, ее захлестнули проблемы социального сиротства, бытового алкоголизма и общественного равнодушия. И эти беды еще не достигли своего «дна». Когда поколения советских людей, которым активно прививались нормы общественной морали, окажутся в абсолютном меньшинстве или вообще уйдут с исторической сцены, возникнет угроза полного разрыва социальной ткани российского общества.

Отмечу, что в настоящее время наше общество ищет альтернативные источники общественной морали, в том числе и религиозные. Во многих прежних своих публикациях я весьма настороженно относилась к политике российского государства последних лет, направленной на укрепление позиций традиционных религий, к разного рода символическим жестам в поддержку этноцентричного мышления. Однако не исключаю, что в этом может быть спасение для утопающей российской государственности! Общественная мораль – не тот институт, который можно насадить в течение короткого временного отрезка. Разрушение советской морали, имевшей нерелигиозный характер, с неизбежностью повлекло за собой необходимость апеллировать к каким-то иным, «глубинным» или

«природным» идентичностям, которые, кстати сказать, находятся в серьезном противоречии с либерально-демократической «религиозией прав человека»²³.

Любой режим нуждается в «опорах», в нерелексируемых установках, заимствованных из той ценностной матрицы, что является традиционной для данного общества²⁴, а советская мораль с ее жертвенностью во имя великой цели, нестяжательством, пренебрежением к материальному благополучию и проч. очень хорошо коррелировала с традиционной для России православной этикой, весьма и весьма отличающейся от протестантской, ставшей в свое время, по выражению Макса Вебера, «духом капитализма».

Новая атмосфера оказалась губительной для гуманитарной мысли. В обществе, где любые действия оправданы потому, что они приносят доход, где законы принимаются для того, чтобы легализовать расхищение общественного богатства, отсутствуют перспективы гуманитарного знания. Исключение составили лишь экономика и право, ставшие исключительно востребованными специальностями у студентов 1990-х гг. Юридические и экономические факультеты захлебывались от наплыва желающих обучаться на них, в начале 2000-х престижными становятся профессии психолога, политолога и социолога – студенты стремятся получить то образование, которое, как ожидается, в будущем принесет им максимальный доход. Иные гуманитарные факультеты, кроме филологических отделений, обучающихся иностранным языкам, в этот период не могут похвастаться высоким конкурсом и комплектуются по принципу отрицательной селекции: туда идут те, у кого нет перспектив для поступления на более престижную специальность, те, кто хочет получить хоть какой-то диплом о высшем образовании, «отсидеться от армии» в условиях всеобщей воинской повинности и пр.

«Шоковая терапия»²⁵, осуществляемая в ходе первого этапа рыночных реформ, породила *резкую социальную дифференциацию*, ставшую вторым серьезным ударом для всего гуманитарного блока.

В Советском Союзе, где степень допустимого социального неравенства жестко регламентировалась, статус учителя и авторитет школы поддерживались на достаточно высоком уровне. Несмотря на невысокие доходы, научные сотрудники и преподаватели вузов и училищ были признанной интеллектуальной элитой. В 1990-е

между членами российского общества возникает огромный социальный разрыв. Нищенская зарплата, с длительными задержками выплачиваемая на фоне галопирующей инфляции, исчезновение прежних регуляторов общественной жизни приводят к стремительному падению статуса учителя, а позднее и преподавателя вуза, научного сотрудника.

Считаю, что обучение в советской школе было весьма качественным, системным и всесторонним. По физике, математике, химии и многим др. предметам здесь изучались темы, которые на Западе преподают уже в специальных вузах. С гуманитарным блоком дело обстояло не так однозначно, но литература и история преподавались основательно и широко. По мере деградации средней школы в 1990-е годы постепенно снижается и качество высшего образования. В группах и на факультетах уже не единицы «блатных», как это было раньше, а единицы тех, кто поступил благодаря своим знаниям. И если раньше неучи постепенно подтягивались на уровень группы, то в новой ситуации талантливые и подготовленные дети начинают деградировать на общем уровне. Постепенно, особенно по мере ухода старой советской профессуры, повсеместной становится практика «покупки» зачетов и экзаменов. А в гуманитарных вузах и на факультетах это происходит с гораздо большей легкостью, нежели в технических, естественных и медицинских, так как изучаемые предметы «менее конкретны». В настоящее время это уже привело к тому, что и за преподавательской кафедрой нередко стоят недостаточно квалифицированные специалисты-гуманитарии.

Третий удар – *коммерциализация образования*. Отметим и еще одну особенность, характерную для СССР: все образование, в том числе и высшее, было бесплатным. В вузы приходили лучшие выпускники школ, отбравшиеся в ходе вступительных конкурсных экзаменов²⁶. Техникумы и профессиональные училища комплектовались школьниками с более слабой подготовкой. Внедрение коммерческого образования в сочетании с российским менталитетом привело к парадоксальным результатам, превратив обучение в вузе в «покупку диплома в рассрочку». Редкие российские вузы решаются отчислять студентов, обучающихся на коммерческом отделении. Не составляют исключения МГУ, МГИМО и др. ведущие учебные заведения, заботящиеся о своей репутации. В них неучи,

как правило, добиваются восстановления на следующий год либо переводятся в вузы рангом пониже и в результате все-таки получают диплом о высшем образовании.

В конце 1990-х – начале 2000-х гг. в стране было открыто большое количество кафедр и специальностей, опять-таки в массе своей социально-гуманитарных, поскольку вузовского возраста достигли дети, появившиеся на свет во время последнего в СССР взлета рождаемости. Так, если в 1993/94 учебном году в Российской Федерации насчитывалось 626 высших учебных заведений, из них 548 государственных и муниципальных, то в 2005/06 учебном году – уже 1068 вузов, из них 655 государственных и муниципальных. Количество студентов на 10 тысяч человек населения также растет: со 176 в 1993/94 учебном году до 495 в 2005/06. В целом число студентов на 10 тысяч человек населения возросло за 10 лет в 2,8 раза, для государственных и негосударственных вузов этот рост составил соответственно 2,45 и 15,2 раза²⁷. Пока рынок реагировал на повышение спроса и шел процесс расширения системы высшего образования, в абитуриентский возраст вступили дети эпохи «демографической ямы» начала 1990-х. В настоящее время налицо снижение конкурса для поступающих в вуз. В перспективе в ближайшие несколько лет высшее образование может стать всеобщим. Но отчислению значительного количества слабых студентов и сокращению числа специальностей и кафедр активно противодействует функция поддержания стабильности социальной системы «российское высшее образование»: а как занять уже работающих преподавателей?

Коммерциализация всех сфер общественной жизни привела к тому, что в 1990-е гг. в России появилось значительное количество политиков, бизнесменов и государственных чиновников, имеющих степень кандидата или даже доктора наук по одной из социально-гуманитарных специальностей просто для повышения престижа, чтобы добавить строчку на визитную карточку. Высшая аттестационная комиссия, контролирующая деятельность ученых советов, постоянно ужесточает требования к процедуре защиты диссертаций, предпринимает иные меры, чтобы «отделить зерна от плевел», но помогут ли они – покажет время.

Кроме того, в России высшее образование, опять-таки прежде всего социально-гуманитарное, которое для неискушенного наблюдателя имеет менее конкретный характер, нежели медицин-

ское, инженерное и т. д.²⁸, выполняет несколько иные функции, нежели на Западе. Это задача социализации, снижения безработицы и т. п. К тому же вузы – это и способ временно занять молодежь²⁹: в противном случае велик риск вовлечения молодых людей в теневую экономику или преступную среду.

Ситуация обострилась в начале 2009 г. в связи с экономическим кризисом, когда у студентов коммерческих отделений возникли трудности с оплатой обучения. Как Президент РФ, так и ректоры ведущих российских вузов выступили в СМИ с призывом к российскому педагогическому корпусу ввести мораторий на отчисление обучающихся в вузах и аспирантурах. В реальности отчислять перестали не только неплательщиков, но и неуспевающих, мотивируя это тем, что студенты получили академические задолженности в связи с необходимостью одновременно работать и учиться, дабы избежать «перегрева» рынка труда.

Существует также некий иррациональный спрос на получение дипломов любой ценой, в том числе для детей со слабыми способностями и в вузах, где качество обучения заведомо невысокое. Родители даже с невысоким достатком стремятся «выучить» отпрыска (в том числе на коммерческом отделении), даже если очевидно, что он не сможет работать по специальности, видя в этом некую гарантию того, что их ребенок впоследствии избежит участи социального аутсайдера. Круг замыкается падением рейтинга «корочки» о высшем образовании (диплом все реже становится признаком квалификации), и все большее число относительно успешных студентов, которые в СССР были бы в лучшем случае «хорошистами», стремится в аспирантуру. Юношей стимулирует также тот факт, что кандидаты наук не подлежат воинскому призыву. Аспирантуры расширяют прием, несмотря на то, что реально выходят на защиту диссертации от 6 до 15 % обучающихся, а ученые советы постепенно снижают требования к качеству представляемых к защите работ³⁰.

Четвертый удар – *реформа, проводимая по западным стандартам.*

С 2002 г. в России проводится эксперимент по внедрению Единого государственного экзамена (ЕГЭ), повторяющего системы выпускных экзаменов в США, Израиле и др. развитых странах. С 2009 г. этот экзамен становится основной формой аттестации выпускников средних учебных заведений. Сторонники новой формы

контроля уровня знаний приводили и приводят в защиту реформы большое количество веских аргументов. ЕГЭ призван был устранить субъективизм в выставлении оценки, ограничить возможности для коррупции на этапе поступления в вуз, обеспечить равный доступ к высшему образованию независимо от материального положения и удаленности проживания абитуриентов от университетских центров. Но эти цели достигаются за счет резкого ухудшения качества образования. Уже на протяжении нескольких лет и учителя, и университетские преподаватели безуспешно доказывают чиновникам, что система тестов, вводимая вместо традиционных экзаменационных вопросов, является совершенно губительной для образования.

Такая система, типичная для американских колледжей, давно является мишенью для критики в Европе и даже в США. Именно ее традиционно считают одной из причин того, что уровень американского массового образования оставляет желать лучшего (несколько элитных университетов не в счет). Отчасти поэтому Соединенные Штаты постоянно нуждаются в притоке специалистов из других стран, от Западной Европы и бывших советских республик до Индии, где обучение студентов основано на иных принципах³¹.

Тесты ориентируют на примитивные решения и стандартные, единообразные, упрощенные ответы. Они могут более или менее успешно применяться в точных науках, хотя и здесь возникают проблемы. В гуманитарных науках введение тестирования означает фактический конец дисциплины как таковой. Тесты по русской литературе с ее глубокой философичностью предполагают заучивание случайных деталей, по которым экзаменатор должен проверить не понимание идейной или эстетической сущности произведения, а читал ли его школьник³². ЕГЭ по истории предполагает знание дат и имен – ничего другого при подобной методике усвоить невозможно. А если и задаются смысловые вопросы, то они предполагают наличие одного заранее известного ответа, исключая всякие самостоятельные оценки и собственные размышления. Новая система сводит к минимуму произвол экзаменатора, но достигается это за счет еще более жесткого подавления личности экзаменуемого. И тот, и другой становятся винтиками единой бюрократической машины, отстраиваемой на месте системы образования.

Часто приходится слышать, что гуманитарные дисциплины не совсем «научны» в привычном для физиков или математиков смысле слова. Но именно этим они и важны для общества. Их изучение необходимо для формирования мировоззрения, для развития личности, способности к компетентному самостоятельному суждению. Они призваны сделать из обывателя гражданина, ибо суть социогуманитарного знания составляет не набор фактов, а понимание процессов. В любую эпоху школьный курс истории составлялся исходя из требований господствующей идеологии. Но даже весьма тенденциозные советские учебники оставляли возможность размышления и самостоятельных выводов, которыми школьники не всегда делились с экзаменаторами. Ориентация на тестирование убивает саму суть исторического знания, его смысл. А факты, заучиваемые для тестов, позднее успешно стираются из оперативной памяти любого нормального человека как ненужный хлам, востребованный один раз в жизни и не имеющий никакой самостоятельной ценности. Высокие баллы по ЕГЭ не могут свидетельствовать также и о знании русского языка. Никогда еще российские преподаватели не сталкивались с таким потрясающим феноменом, как абсолютное игнорирование большинством студентов элементарных правил воспроизведения слова на письме в последние годы. Что явилось причиной этого? Думается, здесь целый комплекс проблем. Но прежде всего, сказалось бездумное натаскивание старшеклассников на тесты ЕГЭ. Вставлять буквы в напечатанный текст, отмечать галочками правильный ответ – эти навыки далеки от практики собственно письма, воспроизведения текста³³.

В 2003 г. Россия присоединилась к Болонскому процессу, взяв на себя обязательства к 2010 г. достичь заявленных странами-участницами весьма пространных целей. Это было сделано без учета того, что российская система высшего образования складывалась в течение XX в. относительно самостоятельно, ориентируясь на потребности советского общества, прежде всего на потребности ускоренной модернизации страны.

Программа нашей средней школы была задумана так, чтобы человек получил достаточное общее образование и профессионализировался в вузе. В 10 и 11 классах уже сейчас существуют специализированные программы, получающие все большее распространение. Возникает вопрос: если человек уже подготовлен к

специализации, зачем его опять четыре года учить по общей программе с элементами специализации? Получается, что бакалавриат – вообще лишнее звено в российской образовательной системе!

Автор статьи окончила среднюю школу с физико-математическим уклоном на периферии советской империи (г. Фрунзе, ныне Бишкек – столица Кыргызстана). В процессе нашего обучения широко привлекалась научная литература, в том числе вузовские учебники, специальные научные журналы («Квант» и т. п.), практиковалось значительное количество творческих («недельных») заданий. Приветствовалась вариативность мышления: лучше решить одну задачу несколькими способами, нежели несколько – одним. Кстати, при поступлении на экономический факультет большинство заданий на письменном экзамене по математике я решила несколькими способами. Недавний поиск бывших одноклассников в Интернет-сети выявил, что половина из них сегодня проживает и работает в Москве (в основном в качестве банковских служащих среднего звена, экономистов, аудиторов и т. п.), а половина (в основном в качестве специалистов по IT) рассеялась по миру: США, Канада, Германия, Израиль и т. д. По иронии судьбы востребованными оказались именно те, не унифицированные кадры.

По-видимому, и в Европе Болонский процесс будет способствовать улучшению управления образовательными процессами ценой ухудшения их качества. Что же ждет Россию? Остается только гадать. Внедрение ЕГЭ уже привело к неожиданному эффекту, когда коррупция спустилась из вузов на уровень школ. При этом оно отнюдь не ликвидировало репетиторство, которое выродилось в «натаскивание» к тесту. Реформа по Болонской системе в настоящее время приводит к сокращению количества часов, выделяемых российскими вузами на преподавание философии и других гуманитарных дисциплин. Однако без гуманитарного образования нельзя достичь полноценного формирования мировоззрения молодого поколения. Вариативность, модульная система обучения (когда студент сам формирует свою нагрузку и выбирает наставников, которые будут помогать ему в этом процессе) не согласуются со сложившейся в России системой распределения преподавательской нагрузки, организацией работы вузов, характером контактов между преподавателями и студентами. А как быть с дискуссионностью многих про-

блем, с сосуществованием разных, порой противоречивых научных школ и концепций? Нужно очень хорошо знать содержание профессии, суть квалификационных и профессиональных требований, разбираться в предлагаемых для изучения предметах, чтобы самостоятельно составить учебную программу. Имея опыт обучения как в российском университете, так в магистратуре западного образца, отчетливо понимаю: для того, чтобы быть готовым ко второму типу обучения («кредитная» система, возможность формировать программу по личному выбору и т. п.), нужно быть зрелой личностью, уже имеющей за плечами вуз и опыт работы. Такой вариант подходит для России лишь в качестве профессиональной переподготовки. К тому же в стране уже есть огромное количество людей, имеющих диплом о полном высшем образовании, что ставит серьезный вопрос о конкурентоспособности будущих бакалавров на рынке труда.

3. Каковы перспективы?

Перед мировым гуманитарным сообществом сейчас стоят очень сложные задачи. Мы живем в эпоху, когда перемены совершаются так быстро, что часто их начинают осмысливать только постфактум. У российской науки есть потенциал для исследования состояния современной цивилизации, ее базисных ценностей, точек роста новых ценностей в разных областях культуры, понимания того, к чему приводят современные технологии. Культура в широком смысле, включая в себя и образование, и стили жизни, приобретает на современном этапе гораздо более весомое значение и, возможно, становится определяющим фактором конкурентоспособности государств. Поэтому гуманитарное образование уже не может рассматриваться в качестве простого дополнения к образованию естественнонаучному или техническому; оно приобретает самостоятельную и притом решающую роль. И я в этом вопросе скорее склонна примкнуть к У.Беку, считающему, что постсовременное общество не может не быть рефлексивным, нежели к З.Бауману, полагающему, что система образования сохраняется «несмотря на постмодернити»³⁴. А для процесса рефлексии нужны устойчивые точки опоры, т. е. системность и некая, пусть локальная, относительная универсальность мышления.

Перспективы развития гуманитарного образования в России не могут обеспечиваться в отсутствие собственной философии в этом вопросе. Как уже было отмечено выше, многие российские проблемы в данной области носят весьма специфичный характер, поэтому специфичным должно быть и их решение. Успешное развитие страны невозможно в условиях отказа от собственной идентичности. Нельзя даже надеяться на какие-то прорывные технологии в отсутствие собственного проекта развития, собственной повестки дня, спокойного и взвешенного отношения к своей истории. Такой стране, как Россия, нельзя жить без собственной философии гуманитарного образования, довольствуясь некритичным заимствованием западного опыта. Такая перспектива лишает нашу страну смысла существования, обрекая ее на окончательное расчленение и превращение в сырьевой придаток: ни естественные, ни технические науки успешно развиваться в этих условиях не смогут никогда. Тем более, что современный Запад находится в глубоком мировоззренческом кризисе и никак не может быть примером успешного развития.

По счастью, для российских гуманитариев уже стал историей период отсутствия финансирования, период проблем с изданием книг. Наша власть наконец-то осознала, что без аутентичной гуманитарной мысли нет и не может быть никакого успешного экономического проекта, никакого прорывного варианта развития. Помимо общих программ по поддержке отечественной науки, содействием закрепления в ней молодых специалистов и т. п.³⁵, автору настоящей статьи удалось только за последние несколько лет участвовать в целом ряде коллективных научных проектов, выполненных за счет средств Федеральной целевой аналитической программы «Поддержка научного потенциала высшей школы»³⁶. Хотя должна заметить, что при достаточно высоких теоретических достижениях российской науки отставание в части *практической* реализации для отечественных разработок все еще остается значительным.

Даже поверхностный анализ российской эмиграции показывает, что наша система высшего образования неплохо котируется, причем конкурентоспособность соотечественников повышается именно благодаря широте полученных знаний. В отличие от западных коллег, являющихся узкими специалистами, россияне, получившие менее специализированное образование, готовы браться

за что угодно – у них почти все получается. Именно универсальность и известная методическая продуманность российской системы образования делают их конкурентоспособными. Сегодня же во имя якобы «конкурентоспособности» универсальность заменяют унификацией, а методическую продуманность отменяют ради «самоуправления» студентов.

Однако у нашего высшего образования есть ряд собственных задач, которые надо решать, причем интеграция в европейскую систему – далеко не первоочередная среди них. Прежде чем рассуждать о Болонском соглашении «вообще», необходимо понять, как те или иные меры, пусть даже имеющие благие цели, скажутся на реально существующей отечественной системе образования, учитывая ее специфическое развитие в прошлом и особую социальную роль в настоящем.

Устойчивую ориентацию значительной части российских граждан на получение высшего образования нельзя считать просто блажью, странной особенностью менталитета или проявлением загадочной русской души. Упрямая тяга россиян к высшему образованию позволила более или менее сохранить как саму образовательную систему, так и социальную самоидентификацию, позитивную социальную ориентацию большинства граждан, подвергнутых шоковой терапии. Нельзя забывать, что ориентация на получение образования создает и определенную структуру потребления: спрос на книги, компьютеры, Интернет и т. д. Сохраняется определенный тип поведения, который препятствует маргинализации населения, разрушению многих социально значимых связей и норм. Устойчивое стремление к высшему образованию во многом оказалось спасительным для нашего общества. Отсюда не следует, конечно, будто наша система образования пережила кризис безо всяких негативных последствий или что советская система образования была безупречной. Важно осознать, что предпринимаемые на сегодня меры ни одной проблемы российского высшего образования не решат, а многие, напротив, – только усугубят их.

Примечания

- ¹ Первое издание Большой Советской Энциклопедии было выпущено с 1926 по 1947 гг., второе – с 1950 по 1958 гг., третье – с 1969 по 1978 гг.
- ² См., например: *Никифоров А.Л.* Философия науки: история и методология. М., 1998; *Стёпин В.С.* Теоретическое знание. М., 2003; *Стёпин В.С., Горохов В.Г., Розов М.А.* Философия науки и техники. М., 1996.
- ³ В Большом Энциклопедическом Словаре (1998) на с. 320 история отнесена к гуманитарным наукам, на с. 466 – к общественным, а на с. 787 сказано, что науки бывают «естественные, общественные, гуманитарные и технические». Гуманитарные науки сложно отделить от социальных, поскольку человек в принципе неотделим от общества.
- ⁴ Одним из тех, кто обратил внимание на произошедшую эволюцию рамок современного мышления, был А.Моль. В работе «Социодинамика культуры» (М., 1973. С. 43–46.) он определил «экран знаний» при мозаичной культуре мышления как бесструктурный набор обрывков информации, которую современный человек усваивает в основном через средства массовой коммуникации. Благодаря этому он остается на поверхности явлений, получая случайные впечатления от более или менее воздействующих на него фактов, не прилагая к процессу познания ни силы критического суждения, ни умственных усилий.
- ⁵ *Ждан А.Н.* История психологии: от античности к современности: Учебник для студентов психол. фак. М., 1999. С. 420.
- ⁶ Там же. С. 422.
- ⁷ *Спиркина Е.А.* Новая концепция обучения психотерапии // Психол. журн. Т. 21. № 1. С. 13–14.
- ⁸ *Фанталова Е.Б.* Диагностика и психотерапия внутреннего конфликта. Самара, 2001. С. 79–82.
- ⁹ *Розин М.В.* Религия и психотерапия: возможен ли кентавр? // МПТЖ. 1994. № 2. С. 191–200.
- ¹⁰ Наиболее прозорливые делали это еще в 1990-е. См., например: *Спиркина Е.А.* Подготовка психотерапевтов и психологов-консультантов (проблемы адаптации западного опыта) // Психол. журн. 1994. Т. 15. № 6. С. 121–127.
- ¹¹ *Гранберг А.Г.* Интеграция в мировую науку // Основы региональной экономики. М., 2000. С. 78–79.
- ¹² *Паренти М.* Демократия для немногих. М., 1990. С. 68–69.
- ¹³ *Капустин Б.Г.* Современность как предмет политической теории. М., 1998. С. 241–242.
- ¹⁴ Автор настоящей статьи принимала участие в подготовке такого инновационного учебно-методического комплекса «История» для 10–11 классов (учебник + DVD с записью видеолекций). М., 2007.
- ¹⁵ См., например: *Пугачев В.П., Соловьев А.И.* Введение в политологию. М., 2000; Категории политической науки. Учебник. М., 2002; *Соловьев А.И.* Политология: политическая теория, политические технологии. М., 2006.
- ¹⁶ Российская политическая наука: В 5 т. / Отв. ред. Ю.С.Пивоваров. М., 2008.

- ¹⁷ *Гаман-Голутвина О.В., Капустин Б.Г., Соловьев А.И.* Совершенствование преподавания политологии. Аналитический доклад. М., 2005.
- ¹⁸ См., например: *Патнэм Р.* Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии. М., 1996. В данном случае, правда, переосмысление осуществлялось с привлечением «внешних экспертов».
- ¹⁹ *Глинчикова А.* Раскол или срыв «русской Реформации»? М., 2008.
- ²⁰ *Летняков Д.Э.* Российская традиция общественно-политического участия (XI – начало XX вв.): Автореф. дис. кандидата полит. наук. М., 2009.
- ²¹ *Паренти М.* Демократия для немногих. М., 1990. С. 408.
- ²² *Ковалев В.А.* Российская политология в условиях инволюции системы образования и социальной деградации // *Мировая политика: проблемы теоретической идентификации и современного развития.* М., 2006. С. 461.
- ²³ Подробнее о конфликте групповых и индивидуальных прав, этноцентричном мышлении см.: *Ильинская С.Г.* Толерантность как принцип политического действия: история, теория, практика. М., 2007. С. 160–175, 222–228. *Ильинская С.Г.* Терпимость и укрепление этноцентричного сознания // *Полис.* 2003. № 6.
- ²⁴ Эта тривиальная на сегодня мысль постулировалась многими консервативными авторами: в XVIII в. – Эдмундом Берком – критиком Великой французской революции, в XX в. – Йозефом Шумпетером в работе «Капитализм, социализм и демократия» и др.
- ²⁵ Девальвация рубля, лишившая всех сбережений десятки миллионов граждан; практический отказ государства от выполнения социальных гарантий; введение частной собственности, а затем и ее перераспределение путем залоговых аукционов, когда государство за государственный же кредит передавало особо приближенным к власти лицам практически все важнейшие отрасли экономики – все это на фоне невыплаты пенсий, социальных пособий и заработной платы, а также массовой безработицы.
- ²⁶ Существовали квоты для «национальных кадров» – представителей этнических меньшинств, сирот, инвалидов, воинов, только что демобилизовавшихся из рядов Советской Армии, и др. категорий.
- ²⁷ *Очкина А.* Концепция изменилась? // *Левая политика.* 2007. № 1.
- ²⁸ Эту особенность очень метко подмечал З.Бауман в работе «Мыслить социологически», когда писал о том, что дилетанты не могут позволить себе рассуждать о составе звездного вещества, тогда как в проблематике общественных наук многие не видят ничего сложного.
- ²⁹ См.: *Аврамова Е.М. и др.* Современное высшее образование и перспективы вертикальной мобильности; *Аранов М.В.* Бум высшего образования в России: масштабы, причины и следствия // *Общественные науки и современность.* 2004. № 6.
- ³⁰ Это очевидно из чтения авторефератов, которые приходят по рассылке в тот Ученый Совет, где автор статьи выполняет обязанности ученого секретаря.
- ³¹ *Кагарлицкий Б.Ю.* ЕГЭ вместо истории. http://scepsis.ru/library/id_606.html
- ³² В действительности школьником часто читается не произведение, а «шпаргалка» для подготовки к сдаче теста.

-
- ³³ Николаева А. Астап Блендер как софетский поциэнт. http://www.chaskor.ru/p.php?id=11754&_openstat
- ³⁴ Бауман З. Образование – при, для и несмотря на постмодернити // Индивидуализированное общество. М., 2002. С. 155–175.
- ³⁵ Чего стоит только Федеральная целевая программа «Жилье для молодых ученых», предусматривающая *бесплатное* получение квартиры для молодых (кандидаты и доктора наук до 35 и 45 лет соответственно) ученых и преподавателей вузов, имеющих пятилетний стаж работы, и передачу данного объекта недвижимости в собственность по истечении 10 лет.
- ³⁶ А именно: «Политическая этика: нормативные основания и формы социальной регуляции»; «Гражданское общество: теория и современная практика в мировом и российском измерениях»; «Создание системы разрешения этнополитических конфликтов и формирования культуры политической толерантности в стратегически важном полиэтничном пространстве Южного Федерального Округа»; «Философско-методологические подходы к категориям политической науки»; «Научно-образовательный комплекс по гуманитарным и социальным наукам. Проблема междисциплинарности в гуманитарном знании (опыт в исследованиях и преподавании)».

КОНФЕРЕНЦИИ

В.И. Солонникова

Обсуждение проблем демократии в современном мире

В 2007–2008 гг. на базе сектора истории политической философии работал методологический семинар «Политический суверенитет: история проблемы и современность» (руководитель – доктор философских наук И.К.Пантин). Семинар, проводившийся в рамках более обширного проекта «Суверенная политика в условиях демократии» (руководитель – академик А.А.Гусейнов), работал по одной из приоритетных тем исследований, утвержденных для Института философии как Учреждения Российской Академии наук. Определяя задачи семинара, И.К.Пантин отметил, что с учетом феномена, недавно получившего название «суверенной демократии», необходимо заново осмыслить комплекс проблем, связанных с, казалось бы, уже известными понятиями суверенитета и демократии, которые, однако, до сих пор не получили общепринятого определения. При этом важно, чтобы наши рассуждения сопрягались с реальными проблемами России.

В докладе «Проблемы и противоречия становления демократии в России» **И.К.Пантин** отметил, что многие характеристики возникшего сравнительно недавно демократического режима в России либо недостаточно определены, либо выступают в качестве проблем, решение которых требует рефлексии и опыта. С одной стороны, в истории общественного движения России не существовало сколько-нибудь значительной демократической традиции, на которую можно было опереться. То, что В.И.Ленин в «Детской болезни “левизны” в коммунизме» назвал «солидной демократической традицией», относилось главным образом к народ-

нической, крестьянской демократии, в целом чуждой европейским демократическим и либеральным ценностям. С другой стороны, в силу ряда исторических обстоятельств, таких как поляризация современных и традиционных секторов экономики в условиях «догоняющего» развития, «европеизированный» характер ценностей культурного сообщества, противостоящих традиционалистской и полутрадиционалистской культуре масс и т. п., российская интеллигенция очень редко находила в положении народа источник проблем, требующих демократического разрешения. Не случайно демократическая идея в том виде, в каком она вошла в сознание российских демократов конца 80-х – начала 90-х гг. XX в., была скорее «сколком» с проблем и противоречий западного общества, чем отражением непосредственных нужд массы населения страны. Ответить на этот вызов не так-то просто. Следует признать, что для россиян в проблеме демократизации находит отражение слишком многое: и география страны, и трагическая история, и строй речи, и укоренившийся способ обращения человека с человеком, и переплетение разных культур и конфессий. В определенном смысле понимание демократии для России равнозначно акту творения заново.

И, наконец, структурируя человеческую деятельность, демократия отнюдь не определяет формы ее протекания. Различные сферы человеческой деятельности могут быть демократизированы только в соответствии с их внутренней логикой, ценностями и целями, со спецификой исторического контекста. Короче, демократия это не просто свободный волевой акт приближения к некоему демократическому образцу. Никаких всеобщих схем осуществления демократии не существует, тем более в современном глобализированном мире. В данных исторических условиях, в данной стране демократический идеал должен быть наполнен самостоятельным содержанием и смыслом. И это самое трудное.

Демократия как политический формат совместного бытия людей предполагает определенную, достаточно сложную конструкцию общественных отношений. Сложность заключается в том, что «узлы» этой конструкции носят антиэтактистский характер. Разрешение противоречий между обществом и государством, свободой и ответственностью, участием граждан в политической жизни и профессионализмом решений, регионами и центром и т. д. – в

условиях демократии все это должно быть достигнуто не как победа одной стороны над другой, а как результат напряженного противостояния полюсов некоего исторического по своему существу практического движения, которое снимает противоречие и устраняет старую противоположность, переводя ее в форму собственного развития. Переходу к демократии, особенно в России, менее всего подходит определение «демократический транзит». Уместнее определить его как трудный процесс самоизменения, самоопределения общества, выработку новых отношений между людьми. Разумеется, история народа, его традиции и менталитет играют в этом процессе важную роль: они могут в чем-то способствовать демократическому развитию, а в чем-то тормозить его. Но не меньшее, а может быть, и большее значение имеет стратегия демократического развития.

Опыт нашей страны еще раз подтверждает ту истину, что для создания эффективной демократии недостаточно завоевания демократии командных высот в государстве и создания по образцу передовых стран современных институтов. Сделать Россию демократической можно демократическим же путем. Импульсы «сверху» должны подкрепляться импульсами «снизу». А это предполагает ряд условий и прежде всего подъем масс, моральный и материальный, не говоря уже о политическом, тех самых масс, которые до сих пор ощущают себя забытыми, отодвинутыми на обочину жизни произволом власть предержащих, бедностью, неуверенностью в завтрашнем дне, отсутствием перспективы. Приоритет ценностей свободы над имущественным неравенством оказался чужд отечественной традиции, нашему историческому прошлому, да и самому российскому менталитету. Дело, однако, не в том, что русский народ равнодушен к либеральным ценностям, просто-напросто демократический режим в том виде, в котором он существует сегодня, не решил стоящих перед страной проблем.

В докладе доктора политических наук **М.М.Федоровой** «Суверенитет как политическая категория» были поставлены следующие вопросы: с чем связано возникновение идеи суверенитета, как сопрягаются это понятие и понятие демократии, каково значение суверенитета в современную эпоху глобализации, порождающей размывание границ этого понятия? В докладе было показано, что оно является принципом политической теории, порожденной

эпохой современности, модерном. Ведь именно на основе этого принципа, начиная с нач. XVII в., с ранней современности, формировалось понятие «исторического государства», принцип индивидуализации народов, исторических наций. В средние века, в период существования децентрализованной политической системы формировался двойственно-противоречивый характер этого понятия, обозначавшего властные полномочия, одновременно принадлежавшие различным инстанциям (как феодалам, так и королю). Что касается Нового времени, то здесь монарх – это прежде всего законодатель. Если в средние века король выступает как судья, то в Новое время он формирует нормы. В результате меняется само содержание понятия «суверенитет», который связывается не столько с полномочиями одного из вассалов или короля, сколько с самим государством.

Традиционно автором идеи «суверенитета» называют Ж.Бодена, но следует отметить и значимость Н.Макиавелли, который, исходя из того, что политика есть дело человеческое, подчеркивал, что истина исторична, изменчива. Называя последнюю необходимостью, он понимал под ней саму материю истории, бесконечное разнообразие действующих сил, их соотношение. В Новое время принцип суверенитета подвергается сильной рационализации, включается в общую систему политического знания. В этот период произошла связка суверенитета с понятием демократии. Первый шаг в этом направлении сделал Руссо, разрабатывая понятие «общей воли». Затем аббат Сийес, перерабатывая руссоистскую концепцию, связал ее с понятием «представительства», идею которого Руссо отрицал по той причине, что она ведет к разрушению общей цели и становится частной. Общая воля противостоит воле всех, она выступает как воля единого народа, как моральное единство. Формируется связка «народ, общая воля, закон». Эта идея суверенитета народа была затем заменена на идею суверенитета нации. Сийес считал, что народ, общая воля не могут быть представлены, тогда как нация, состоящая из отдельных индивидов, может. Через переосмысление идеи нации он пытался выстроить преемственность от монархии к республике. Докладчик считает, что реальная связь идеи суверенитета с идеей демократии произошла как следствие рефлексии над событиями Великой французской революции в постреволюционном либерализме.

XIX век – век критики идеи суверенности народа в ее руссоистском толковании. В части ограничения всевластия суверенитета дальше всех пошел, пожалуй, Токвиль. Это были попытки ограничения политического монизма, обоснования тенденций политического плюрализма, свободной деятельности партий, легальных организаций. В современную эпоху эти тенденции выступают движущей пружиной развития принципа суверенитета в условиях глобализации, когда государство в значительной степени утрачивает монополию на решение внутривнутриполитических вопросов.

В докладе кандидата философских наук **В.Л.Цымбурского** «Идея суверенитета в позднесоветском и постсоветском контексте» был поставлен вопрос о различных модусах суверенитета: кто является источником и носителем суверенитета, где он локализуется? В истории Запада выделяются четыре концепции. Первая: источником суверенитета является божественное право монарха, суверенным выступает монарх. Вторая (с XVII в.): источником суверенитета является народная воля, носитель суверенитета – народ. Третья: в конце XVIII – первой половины XIX в. народ был персонализирован в нации, а суверенитет понимался как некоторое единство народа с государственным аппаратом. Четвертая (с середины XIX в.): утверждался суверенитет наций, понимаемый как право нации на самоопределение. Проблема суверенитета – это не столько проблема права (оно вторично), сколько проблема политики, внутренней и международной.

В советских источниках суверенитет понимался как способность государственной власти оказывать авторитетное воздействие, тотально влиять на все стороны жизни общества. Иными словами, декларировалась тоталитарная формула суверенитета, т. е. суверенитет факта. Благодаря руководящей роли партии осуществлялось присвоение народного суверенитета в пользу правящего слоя, правящей бюрократии. В советской концепции суверенитета содержались подрывные элементы: в конституции той эпохи присутствовал тезис о том, что Союз состоит из суверенных республик с правом выхода и т. д. Можно вспомнить разные аспекты этого ограниченного суверенитета, но важно другое: никого не смущало тогда, что суверенное государство может состоять из других суверенных государств. Во второй половине 80-х годов начался «парад суверенитетов», наращивались идеи республикан-

ского хозрасчета, экономического самоуправления, преимущества местных законов над государственными и т. д. Если суверенитет понимать как духовную власть, то неизбежно происходит смешивание власти с суверенитетом. Нужно разводить эти понятия. Если есть возможность детерминировать кого-то своей волей, то это есть проявление власти. А суверенитет – это власть не по отношению к тому, кого она детерминирует своей волей, а по отношению к миру, и признание власти миром, не охваченным ею. Иными словами, суверенитет – это не понятие права, а понятие языка политики. Всю историю политических игр вокруг суверенитета можно свести к двум аспектам: первый – это борьба суверенитета факта за превращение в суверенитет признания, второй – споры о модусах суверенитета («монарх», «народ», «правлящая элита», «нация как носитель культуры»).

Доктор философских наук **А.Г.Мысливченко** выступил с докладом «Соотношение экономической власти и политического регулирования в социальном государстве». В центре его анализа – вопрос о соотношении демократии с политикой и экономикой, точнее, института собственности и политического (государственного) регулирования. Докладчик обратил внимание на то, что на рубеже XIX и XX вв. возникновение монополий, финансового капитала, акционерных предприятий инициировало новое понимание соотношения экономики и политики, института собственности, субъектов экономической власти. Еще в XIX в. произошла трансформация субъекта собственности, вызвавшая далеко идущие последствия. Принцип единоличного управления частной собственностью подвергся эрозии, открылась возможность распределения прав собственности между частными и государственными субъектами власти, т. е. социализации отдельных функций права владения при одновременном сохранении самого института частной собственности.

В современных условиях важное значение приобретает поиск новых форм социализации, обновленное истолкование тех из них, которые уже в ранних теориях социалистического толка получили название обобществления. Бывшая когда-то популярной среди социалистов идея всеохватывающего централизованного планирования в настоящее время отвергается, но широко практикуются государственное регулирование и целевое программирование экономики с тем, чтобы проводить политику социального выравнивания.

В этой связи в западной политологии был выдвинут методологический принцип, получивший название «функционального» подхода к проблемам частной собственности. В отечественной литературе он по-настоящему не осознан и не раскрыт. Функциональный метод делает акцент на структуре права владения, охватывающей целый спектр функций (правомочий), таких как владение, распоряжение, пользование, контроль, распределение доходов и т. д. Одни из этих функций (например, право владения) могут оставаться в частной собственности, другие же могут быть обобществлены или социализированы. Таким образом, решающее значение придается не праву и не формам собственности, а политическому управлению отдельными ее функциями, т. е. контролю над производством и распределением его продуктов посредством создания прогрессивной шкалы налогообложения, регулирования рынка труда и т. д.

В заключение докладчик отметил, что демократические традиции в России формировались естественным путем – путем осознания ценностей суверенитета русской нации и русского государства. Особенность этого формирования заключается в том, что демократические традиции сочетались с упованием на патерналистскую роль государственной власти. Современная российская демократия является продолжением российской государственности на новом этапе развития, включающего в себя задачи демократизации, развития гражданского общества и задачи строительства суверенного государства.

Тема доклада доктора философских наук **В.Г.Федотовой** – «Идеология, политическое знание и демократия в России: 2008 год». В докладе отмечалось, что в 90-х гг. XX в. в России демократия отождествлялась с многопартийностью, политическим представительством. Интересы к непосредственной демократии не было. Представительная демократия, требующая партийного размежевания, была основой исходных понятий подобно тому, как это происходит во всем мире. Сегодня, как и в те годы, мы видим большое количество партий. При этом они не имеют идеологии или доктринальных оснований. Некоторые эксперты считали, что это хорошо, так как народ не станет реагировать на слишком амбициозные идеологические замыслы, и что именно разрыв с клас-

сическими политическими идеологиями – либерализмом, консерватизмом и социализмом – составляет суть момента и будет привлекательным для избирателей.

Партийный плюрализм 90-х годов отличался тем, что партии не имели консенсуса по поводу базовых интересов, исходили из различных вариантов стратегии. Поэтому партийная система построенная не была. Но к моменту выборов в Государственную Думу 2007 г. ситуация изменилась: вследствие достижения некоторого консенсуса партийные платформы подчас становились малоразличимыми. Напрашивается вывод, что платформой партий стало повседневное сознание, ориентация на непосредственные нужды людей без серьезных научных разработок целей и средств решения вопросов.

Между тем представляется, что, например, идеологию «Единой России» можно было бы обозначить как либеральный консерватизм. Признав парламентскую систему и свободный рынок, партия могла бы апеллировать к традиционным ценностям российского общества и поддержать политику национального суверенитета. Докладчик считает, что для «Единой России» пригодились бы две концепции: национальной модели модернизации и общественного политического класса. Согласно первой концепции, в странах, где не существует массовой буржуазной мотивации, как это было и в России, появляется национальная модель модернизации, проявляющая себя сегодня в незападных странах – Китае, Индии и др. Она связана с укреплением национального государства, суверенности, традиций, а также с развитием рыночной экономики. Согласно второй концепции, в России всегда существовала такая социальная опора, которая, не будучи частью гражданского общества, пыталась соединить власть и народ.

В заключение, говоря о роли науки в формировании партийной идеологии, докладчик подчеркнула, что подмена научной работы здравым смыслом порождает невнятную ситуацию. Практические ориентации партий создали минимально необходимый консенсус в понимании тактических задач, но для решения стратегических партии нуждаются в доктринах и идеологиях, вырабатываемых с учетом научного понимания современной социальной реальности.

Доклад кандидата философских наук **А.Г.Глинчиковой** был посвящен теме «Демократия и многообразие форм модернизации». В нем отмечалось, что необходимость демократии в России

связана с рядом социальных, экономических и геополитических проблем, порождаемых современным уровнем глобализации. Среди них можно выделить следующие опасности: неуправляемого социального конфликта, недостаточной легитимации власти, нового социального цивилизационного раскола, экономического отставания и, наконец, геополитической изоляции. При этом очевидно, что демократия как форма народовластия с необходимостью должна соотноситься с теми культурными, историческими и социально-политическими особенностями, которые характерны для данного народа и данного региона. Поэтому расширение демократического пространства в мире не столько отрицает значение западной демократии, сколько раскрывает богатство возможных форм и вариаций воплощения демократических принципов самоуправления посредством народа и в интересах народа. И здесь важно отдавать себе отчет, что поиск альтернативных моделей связан не с тем, чтобы называть демократией то, что ею не является, а с тем, чтобы найти адекватные формы демократизации в рамках других культур и тем самым углубить само представление о демократии. Поэтому для разработки специфики российской модели модернизации важно выйти за пределы традиционного сопоставления Россия-Запад и посмотреть на опыт демократического поиска в других цивилизационных сегментах. Для сопоставления были представлены китайская и латиноамериканская модели модернизации. По мере рассмотрения конкретных моделей сопоставлялись те моменты, которые выступали в качестве повторяющихся, необходимых, а потому существенных атрибутов для нового определения демократии.

Особенность китайской трансформации связана с сохранением коммунистического политического и идеологического каркаса при серьезной модернизации экономических отношений. Разумеется, это не могло не отразиться и на особенностях социальной, публичной сферы. Современная модель социальной интеграции уходит своими корнями в предыдущую китайскую систему, при которой массовые общественные организации рассматривались как средство коммуникации между коммунистической партией и обществом, государством и обществом. Сегодня в условиях сохранения традиционной схемы, при которой задачей общества является «информирование» о проблемах, а задачей официальных институтов

их идеологическая артикуляция и решение, появляются новые моменты. В то время как при традиционной модели государство сохраняло жесткую монополию на решение вопросов, касающихся общества, сегодня оно все чаще делегирует право представления определенных интересов и решения определенных задач уполномоченным общественным организациям. Это позволяет, с одной стороны, придать системе большую гибкость и информационную насыщенность, а с другой – сохранить патерналистский характер отношений государства и общества, не допуская политической субъективизации социума и перехода к «конфликтной» европейской модели отношений общества и государства. При определенном сходстве российских и китайских посткоммунистических реалий, в России такая модель модернизации вряд ли эффективна и возможна. В силу ряда своих особенностей Россия уже вышла из коммунистического политического и идеологического каркаса. Поэтому развитие и модернизация страны в рамках сохранения патерналистской модели представляются малопродуктивными.

Тем не менее при движении в направлении современной гражданской модели модернизации Россия сталкивается с рядом проблем, характерных для латиноамериканского региона. Речь идет о противоречии между «вестернизацией» и цивилизационной адаптацией. Поиск наиболее эффективного сочетания элементов западной модели и постколониальных аспектов развития демократии является центральной проблемой латиноамериканской модернизации. «Прививка» западных моделей и ценностей к иной цивилизационной традиции порождает необходимость расширения принципов демократии до границ, способных не только формально, но и реально подключить латиноамериканский социум к сфере демократического управления и контроля. В этих условиях демократия рассматривается уже не просто как сфера формального функционирования принципов политического участия и управления, а дополняется требованиями новых прав: права жить в гармонии с природой; права быть частью культурной среды; права участвовать в принятии решений на различных уровнях; права на самоуправление; права на развитие в условиях культурного плюрализма и др. Важно, что определяющим вектором демократии в новых условиях становится вектор не столько универсализации определенного принципа, сколько многообразия и плюрализма.

При несомненном сходстве ряда проблем, связанных с пост-колониальным развитием, Россия, в отличие от стран Латинской Америки, прошла уникальный путь самостоятельного преодоления внутреннего цивилизационного разрыва в рамках суверенного социалистического государства. Это открыло России, с одной стороны новый спектр возможностей демократической модернизации (например, высокий уровень социокультурной равномерности, унаследованный от эпохи социализма). С другой стороны, этот же тип развития породил целый ряд специфических препятствий для демократии, не имеющих аналогов в других регионах. В частности, речь идет о глубоком моральном кризисе общества, связанном с дискредитацией социалистической модели и отсутствием ясных социально-экономических и идеологических альтернатив. Именно эти моменты, кроме всего прочего, породили распад социальной и политической ткани, который по-прежнему напоминает о себе тем, что общество стоит перед серьезными проблемами в сфере национальной, социальной и политической идентичности. От преодоления названных вызовов во многом будет зависеть путь дальнейшей российской модернизации и демократии.

В докладе кандидата политических наук **С.Г.Ильинской** анализировались «Проблемы демократической легитимации власти в современной России». Ссылаясь на определение В.Л.Цымбурского, что суверенитет есть факт власти и факт её признания, докладчик уточнила: легитимность власти включает в себя признание её не только со стороны мира, не принадлежащего ей, но и со стороны мира, ей принадлежащего. И тут выявляется закономерность: в российском случае демократическая легитимация является необходимой для полноценного признания только со стороны мира внешнего, но не внутреннего.

Применительно к Китаю и России Вебер описал патримониальный тип бюрократии, который вообще-то был свойствен на определённых этапах развития многим обществам, но в названных укрепился и задержался. Основу власти патримониальной бюрократии образует присвоение чиновниками должностей и связанных с ними привилегий и экономических преимуществ. На особый тип российской власти обращали внимание и другие авторы. Р.Пайпс даже ввёл специальный термин – вотчинный тип. Причём он считал, что вотчинный тип власти сохранялся и в СССР, а, на-

пример, П.Гайденко и Ю.Давыдов говорили о новом советском типе – тоталитарной бюрократии. Сегодня М.Афанасьев говорит в своей монографии о клиентарной бюрократии, расширяя границы явления за пределы российской почвы, рассматривая его в мировом масштабе. Действительно, для российского чиновничества характерно сохранение и воспроизводство патрон-клиентских отношений, в частности, произвольное назначение по принципу личной преданности, а не ради служения долгу, которое в итоге приводит к вырождению власти в привилегию, в апроприацию должности, когда обязанности чиновника выполняются лишь в расчёте на вознаграждение. Личностный, а не формально-правовой характер взаимоотношений пронизывает всю систему, начиная от взаимоотношений между главой государства и высшими чиновниками и заканчивая любым министерством, агентством, ведомством. К сожалению, ограничитель, придуманный Вебером для подобного типа бюрократии, у нас не работает: для того, чтобы быть легитимной, российская бюрократия не нуждается в подотчётном политике, избираемом путём плебисцита. Напротив, политик обретает свою легитимность благодаря традиционно-бюрократическому, а не демократическому способу легитимации. И только постфактум ему «подращивают харизму» различными методами.

Видимо, для того, чтобы быть устойчивым, любой способ легитимации власти должен стать традиционным. На ранних этапах становления сословной демократии, клановой или бюрократической автократии и т. п. опора на харизму является необходимым дополнением для нового типа легитимации. Позже, когда новый способ становится традиционным, а политическая система – стабильной, харизма ликвидируется за ненадобностью.

Однако в условиях постсовременности, характеризующейся «сжатием» пространства и времени, новый тип режима не имеет времени на то, чтобы новая традиция «устоялась», и, радикально нуждаясь в устойчивости, реанимирует традиционные способы легитимации. Увы, демократическая форма легитимации в России не успела стать традиционной. Для того чтобы это произошло, надо было пережить несколько смен власти. А это создавало риск передела собственности вплоть до пересмотра итогов приватизации. Поэтому произошёл возврат к традиционно-бюрократическому способу легитимации, устоявшемуся в СССР.

По мнению докладчика, демократия – отнюдь не наивысшая ценность. Авторитарный и демократический типы режимов являются законными историческими альтернативами. Вызовы современности ставят перед российской политической системой две противоположные задачи: обретения, с одной стороны, устойчивости, с другой – динамичности. Устойчивости требуют интересы самосохранения, динамичности – вызовы глобализации.

Было бы неправильно пытаться построить подлинную демократию по западным стандартам. У нас нет времени пройти в короткие сроки тот путь, который Запад проходил в течение столетий: пережить, например, эпоху первоначального накопления капитала, «дикий» капитализм и прочие «прелести» становления. Тем более, что переживать это придется в мире, где утвердились определенные стандарты прав человека, в том числе и социальных. Было бы ошибкой попытаться догнать западные стандарты, в то время как сам Запад радикально меняется. Мы в определенном смысле уже предпринимали такую попытку во время «шоковой терапии» 1990-х годов, и данный опыт, кстати, отрицательно повлиял на утверждение демократического типа легитимации власти, вообще на восприятие демократии как ценности. Поэтому нам остается признать, что демократия – всего лишь проект, цивилизационный феномен, и предложить миру свой, альтернативный вариант развития. Догонять или предлагать его нам нужно в тех условиях, когда «старые» идеологии (либерализм, консерватизм, социализм/коммунизм) стремительно утрачивают свой мобилизационный ресурс. И не случайно российские партии сейчас в большой степени деидеологизированы.

Доктор исторических наук **А.В.Шубин** начал свой доклад «Демократия реальная и мнимая» с того, что обратил внимание на некоторую путаницу в идеологических рассуждениях. Существует мнение, что демократия – это синоним западного пути развития, демократия – это народовластие. Существует ли демократия на Западе? Существует, но в виде отдельных элементов. Демократия была и в СССР – также представленная элементами, причем очень существенными. Существует ли демократия на Западе как система? Конкретный анализ показывает, что важнейшие решения там принимает элита. Но, в отличие от отечественного авторитаризма, на Западе развивается плюрализм. При таких отношениях, весь-

ма отличных от демократии, элита и вся политическая структура фрагментирована, фрагменты «плавают» в «супе» конкуренции, и каждый из них имеет внутреннюю самостоятельность и собственную связь с населением. Природа этих «фрагментов» разнообразна: это могут быть и элементы демократии, и авторитарные блоки, но в целом западная система не становится авторитарной, поскольку сохраняется конкуренция.

Если демократия – это народовластие, то народ – это общественно активное население, а не только элиты. Это люди, которые не являются профессионалами в принятии общественно значимых решений, но они могут принимать коллективные решения по вопросам, которые их затрагивают, прежде всего посредством механизмов самоуправления. В современной России это практически невозможно: как только самоуправление становится чем-то реальным, сверху начинают под разными предлогами «корректировать» его. Из мирового опыта мы знаем много примеров эффективного самоуправления. Но все они локальны. Поэтому необходимо выработать процедурные механизмы согласования локальных решений в более широком масштабе.

В XIX в. левые мыслители обсуждали два варианта «надстройки» над самоуправлением – парламентаризм и делегирование. Убийственная критика парламентаризма с точки зрения демократии была дана П.-Ж. Прудоном, Н.Бакуниным, некоторыми марксистами. Р.Люксембург сформулировала весьма важную оговорку: иногда и в рамках парламентаризма оказывается возможна демократия. В обычной ситуации парламент – это собрание выдвигенцев «денежных мешков» и партийных машин. Но в революционную эпоху, в момент крайнего возбуждения и раскола общества, когда проблемы вняты всем, когда идеологический спектр открыт и ясен, именно парламент может обеспечить легитимный компромисс действительно народных мнений. Такова была идея Учредительного собрания в 1917–1918 гг., о чем писала Р.Люксембург. Как момент демократия может иметь место в рамках плюралистического режима, но как система демократия должна быть иной.

Но какова же эта демократическая система и нужна ли она вообще? Демократия – это обратная связь с населением. Современное общество без демократии склеротично, хрупко и неустойчиво. Полезно, когда элементы демократии усиливаются, завое-

ывают новые ниши и давят на остальную систему. Такие процессы обычно отождествляются с гражданскими движениями, с гражданским обществом в собственном смысле слова. Но этого недостаточно: гражданское общество само типологически неоднородно и манипулируемо, оно проявляет себя не только в движении снизу вверх, но и в управляемом движении сверху вниз. Демократия актуальна именно для большой территории, где особенно сильны угрозы имперского авторитаризма и сопротивления в регионах, чреватого расколом единого государства. Демократия в более широких масштабах, чем просто самоуправление, как раз и нужна для противостояния обеим этим угрозам. Так, критики парламентаризма XIX в. предложили модель демократии на основе согласования, синтеза низовых интересов: делегирование, союз союзов, низовым звеном которого является самоуправление. Не зная об этом «охлократы» в 1905–1917 гг. начали выстраивать именно эту систему в виде Советов. Это восстание масс (а восстание масс – это революция, а не тоталитаризм) не увенчалось успехом – авторитарная партократия победила. Но и на сегодняшний день при всех оговорках идея Союза союзов (федерации федераций), основанная на самоуправлении как базисе, – это единственный магистральный путь развития собственно демократии. Сегодня, в условиях глобализации, классическое национальное государство уже не может выполнять свои социальные функции. К тому же внутри глобализма складываются черты нового тоталитаризма – манипулятивного. Мы стоим в преддверии формационной смены, поскольку индустриальное общество свой ресурс почти исчерпало. Новая формация может проявиться в очень разных вариантах. Соотношение элементов тоталитаризма, авторитаризма и демократии в ней может быть разным. Сейчас очевиден перекосяк в сторону манипуляции, следовательно, нужно направить все силы на укрепление противовеса – элементов демократии: гражданской системы самоуправления, а также координации ее элементов с помощью делегирования, соответствующего преобразования социально-политических структур в тех странах, которые не хотят быть просто провинцией глобальной империи. Не грезы о реинкарнации Российской империи, а выработка демократической альтернативы господству новой сверхэлиты – вот важнейшая задача на сегодня.

В обсуждении вопросов, поставленных докладчиками на методологическом семинаре, активное участие приняли доктор филос. наук В.М.Межуев, доктор филос. наук Б.Г.Капустин, кандидат полит. наук И.А.Ерохов, доктор филос. наук В.Н.Шевченко, доктор филос. наук Э.Ю.Соловьев, доктор полит. наук Е.А.Самарская, кандидат филос. наук Б.А.Баллаев, доктор филос. наук Р.И.Соколова, доктор филос. наук Т.Б.Длугач и др. Обсуждение проблем суверенной политики и демократии велось как в историческом плане, так и с точки зрения современных условий, требующих во многом нового подхода к анализу, казалось бы, уже известных понятий. Участники семинара пришли к выводу, что в мире не существует каких-либо всеобщих значимых схем осуществления демократии. Она хотя и предполагает определенный политический формат совместного бытия людей, все же вырастает не из особой, политической сферы управления, а из свободной, основанной на взаимопонимании коммуникации граждан. Демократические принципы вырабатываются постепенно, в результате решения задач, возникающих в повседневной практической жизни. Тот или иной уровень демократии не зависит от конституций и парламентских учреждений. Особое внимание выступавшие уделили анализу суверенного пути России в осознании ценностей демократии, необходимости учета национальных и интернациональных условий ее формирования. Российская государственность на новом этапе ее развития включает в себя задачи как демократизации общества, развития гражданского общества, так и укрепления суверенного государства как механизма гармонизации общественных интересов.

И.И. Мюрберг

**«Один весьма простой принцип»:
к 150-летию выхода в свет работы
Дж. С. Милля «О свободе»**

Обзор Международной конференции, организованной и проведенной Коллеж де Франс при поддержке ЮНЕСКО и Международного института философии (19 ноября 2009 г., г. Париж, Франция)¹.

Имя Джона Стюарта Милля, британского политического философа XIX в., входит в золотой фонд мировой политической мысли. Дата 19 ноября 2009 г., объявленная ЮНЕСКО Всемирным днем философии, предоставила мировой общественности возможность торжественно отметить в рамках этого праздника философии 150-летнюю годовщину со дня выхода в свет главного произведения Милля – эссе «О свободе». По замыслу самого автора, данный эпохальный труд был призван утвердить и развить некое новое понимание, относительно которого философ писал: это «тот принцип, на котором должны основываться отношения общества к индивидууму, т. е. на основании которого должны быть определены как те принудительные и контролирующие действия общества по отношению к индивидууму, которые совершаются с помощью физической силы в форме легального преследования, так и те действия, которые заключаются в нравственном насилии над индивидуумом чрез общественное мнение. Принцип этот заключается в том, что люди, индивидуально или коллективно, могут справедливо вмешиваться в действия индивидуума только ради самосохранения, что каждый член цивилизованного общества только в таком случае может быть справедливо подвергнут какому-нибудь принуждению, если это нужно для того, чтобы предупредить с его стороны такие действия, которые вредны для других людей, – лич-

ное же благо самого индивидуума, физическое или нравственное, не составляет достаточного основания для какого бы то ни было вмешательства в его действие»².

Следует заметить, что в ряду интеллектуальных достижений, которыми славится эссе «О свободе», указанный принцип занимает далеко не главенствующее положение. Выбор организаторами конференции именно его в качестве лейтмотива мероприятия не в последнюю очередь был продиктован тем обстоятельством, что данная формулировка способна охватить все разнообразие направлений, по которым развивалась творческая мысль Милля на протяжении нескольких десятков лет. Говоря об этом, необходимо помнить, что плодотворная и многосторонняя деятельность Милля на ниве политической теории сочеталась с написанием трудов по самым разным отраслям знания: от политической экономии и логики до теории морали; от произведений, посвященных принципам государственного строительства, до работ, обосновывающих революционное для XIX в. требование равенства полов. Подобная разносторонность делала его одновременно политическим философом и политическим ученым (в современной терминологии – «политологом»). Стремление отразить все стороны творческого вклада мыслителя в изучение политики, привлечь к обсуждению значения его наследия представителей самых разных отраслей знания определило исходный выбор организаторов, сделавших общим девизом мероприятия не самую философичную из идей, присутствующих в этом знаменитом эссе. При всей разноразличности представленных докладов сплачивающим моментом для выступлений участников конференции должно было служить сознание чрезвычайной внутренней стройности самых разнообразных исследований Милля, объединяющим началом для которых неизменно выступал высокий моральный статус исходных мотивировок и присущая мыслителю мировоззренческая цельность изысканий.

Конференция прошла в Париже, в одном из конференц-залов штаб-квартиры ЮНЕСКО. Организаторы предусмотрели свободный доступ не только специалистам, но и всем желающим приобщиться к тематике данного научного мероприятия. Статус состоявшейся конференции в немалой степени определялся присутствием на ней представителей международной общественности и официальных лиц ведущих интернациональных учреждений. Со словами

приветствия в адрес участников конференции выступила госпожа Муфида Гауча, глава департамента ЮНЕСКО по общечеловеческой безопасности, демократии и философии; она подчеркнула непреходящее значение таких мыслителей, как Дж. С. Милль, для современных общественных движений за гуманизм, безопасность и сотрудничество наций. Директор Высшей Нормальной школы (École Normale Supérieure) профессор Канто-Спербер говорила о современном теоретико-идеологическом преломлении политико-философских новаций, инициированных британским философом, и, в частности, об идеях, высказанных в работе, юбилей которой послужил поводом для проведения настоящего симпозиума.

Список основных докладчиков открыла **Катрин Одар, профессор Лондонской школы экономики и политических наук, автор ряда исследований, посвященных Миллю**³. Сделанный ею доклад назывался «Солидарность и индивидуальная свобода: Джон Стюарт Милль и изобретение “нового” солидарного либерализма». В центр внимания проф. Одар поставила миллевское понятие индивидуальности, социальной природы индивидуума. Помимо этого, большое значение имела для Милля идея солидарности, благодаря чему он оказался весьма близок идейно к сторонникам французского движения за солидарность в период Третьей республики. Индивидуальные способности, писал Милль, представляют собой достояние не только самой личности, но и всего общества; развитие таких способностей зависит от обеспечения адекватного социального контекста, каковой создается атмосферой свободы. Это условие остается непреложным независимо от того, признается или отрицается оно конкретным социально-государственным устройством. Таким образом, солидарность есть не только моральный долг, нравственная установка, обязательная для каждого члена общества, но и условие сохранения рода человеческого. Оно должно дополняться требованием реализации свободы личности в самом широком понимании. Описанная концепция, подчеркнула проф. Одар, имеет большое значение для определения принципов критики теории и практики «социального государства», в особенности бытующих представлений о солидарности, часто оказывающихся антилиберальными.

Выступление **Ирины Мюрберг, старшего научного сотрудника Института философии РАН, автора статей о значении понятия «свобода» в творчестве Дж. С. Милля**⁴, раскрыло

новый ракурс темы, поднятой предыдущим докладчиком. Понятие солидарности, подчеркивается в докладе, стало *sine qua non* (неотъемлемое условие – лат.) понятия либерализма только после утверждения в британском обществе XIX в. идеологии, основанной на миллевском новаторском понятии свободы, получившем свое развитие в эссе «О свободе». В докладе Мюрберг «Эссе “О свободе” как составная часть “процедуры истины” для либерализма» существенное внимание уделено факту перехода общественного сознания граждан Британии на позиции социал-либерализма – доктрины, во многом противоположной предшествующей разновидности либеральной идеологии. Это событие, совершившееся бескровно, но являвшееся революционным по сути, достойно специального анализа. В докладе Мюрберг такой анализ осуществляется с использованием концептуальных средств, характерных для «теории события», принадлежащей современному французскому философу А.Бадью. Принципиальное отличие предлагаемого видения по сравнению с трактовкой К.Одар заключается в изначальной постановке вопроса. Относительно миллевского либерализма Мюрберг ставит вопрос: что реально изменил этот либерализм в морально-политическом облике Британии, – тогда как у Одар постановка вопроса целиком находится в плоскости сравнения теорий. Вследствие этого различия в подходах, первый докладчик видит в солидаризме Милля всего лишь повторение взглядов современников (Л.Буржуа, Э.Дюркгейма), а второй – существенно новое качество политики модерна конца.

Профессор Георгий Варуксакис, сотрудник Центра исследований истории политической мысли при Университете королевы Марии (Лондон), соучредитель Британской ассоциации специалистов по изучению политической мысли, автор книги «Милль о нации»⁵, остановился на одной из важнейших тем философии Дж. С. Милля – проблеме отношения либерализма к национальному вопросу. Он предпринял попытку устранить ряд заблуждений, встречающихся в исследованиях творчества Милля, предложив в этих целях собственный анализ его термина «либеральный национализм»; он показал, какой смысл имеют в его концепции понятия расы, национального характера, международных отношений, самоопределения и иностранной политики. Преде-

ланный анализ, утверждает Варуксакис, показывает значение идей Милля для современных дискуссий по проблемам национализма и национальной идентичности.

Доклад **Сержа Одье, специалиста по философии А.Токвиля⁶, доктора философии университета Сорбонна «Милль и Токвиль: два взгляда на либерализм?»** проводит сравнение позиций двух главных представителей европейского либерализма в XIX в. с целью выявления характерных черт миллевской либеральной философии. Одье подчеркивает, что анализ Миллем выдающегося труда Токвиля «Демократия в Америке», достигнутое им понимание демократии и становления либерализма стали неотъемлемой частью теоретического освещения ситуации не только в Америке, но и в самой Франции. Утверждая это, докладчик определяет также и границы описанного влияния. Тем самым он уточняет индивидуальные различия во взглядах двух теоретиков либерализма.

Выступление **Сумаи Местери, старшего ассистента философского факультета Университета Туниса**, называлось: «Миль и вопрос прав женщин: нетипичный случай». С точки зрения современного социалистического движения, независимо от того, идет ли речь об утопическом или реальном социализме, единственной формой, обеспечивающей права женщин, является республиканская традиция. В действительности же, утверждает С.Местери, практика республиканства не оправдывает тех ожиданий, которые исторически возлагаются на него. Порой оно бывает вполне совместимым с идеологией «мужского шовинизма». Об этом явственно свидетельствуют работы Мери Уолстенкрафт и представителей круга Томаса Пенна. Фактически среди современников Милля трудно найти кого-либо, кто, подобно ему, интересовался вопросом прав женщин. Местери анализирует вклад Милля с целью найти объяснение подобной исключительности.

Комментируя некоторые аспекты доклада С.Местери, **Винсен Гиллен, ассистент профессора в Коллеж де Франс (Париж), автор исследования взглядов Милля на отношения полов⁷** выступил с докладом о том, что отношение к равенству полов можно использовать в качестве критерия для анализа эпистемологических, методологических и теоретических расхождений между О.Конттом и Дж. С. Миллем. Он показал, что разли-

чия в понимании человеческой природы и науки влияют на их отношение к неравенству женщин. Например, предложение Милля создать «этологию», или науку о формировании характера, и кажущийся странным интерес Конта к френологии по-разному влияли на оценку ими интеллектуальных и политических способностей женщин.

Профессор Колумбийского университета (США) Надя Урбинати, исследователь политической теории Дж. С. Милля⁸, представила доклад на тему «Демократия несогласия: Джон Стюарт Милль о политических добродетелях современного человека». Милль, утверждает в докладе, намного превзошел своих предшественников в части ясного и убедительного описания возникновения новых проблем на пути становления представительного правления. Он показал, что данные проблемы трудно-разрешимы и связаны с той властью, которой обладает над индивидуумом общественное мнение. Если правительство желает пользоваться согласием граждан с его решениями, важно обеспечить свободное формирование этого согласия. Но общественное мнение представляет проблему также и в том отношении, что оно способно стать разновидностью неофициальной цензуры, злоупотребляя имеющимися в распоряжении граждан индивидуальными правами, такими как право на свободу слова, свободу прессы. Как ограничить эту «мягкую», косвенную разновидность власти, не ущемляя при этом основные гражданские права людей? Милль и сам задавался данным вопросом и находил ответ на него в обращении к республиканским ценностям: именно он превратил несогласие в добродетель – гражданскую и политическую добродетель современного человека.

Завершающий доклад – «Безопасность и свобода самовыражения у Дж. С. Милля» – был сделан **Антонио Мартинсом, профессором философского факультета Университета Коимбры (Португалия)**. Проф. Мартинс отдал должное философской глубине аргументации в пользу свободы слова, представленной Миллем в эссе «О свободе». Именно благодаря непревзойденной политико-философской основательности этого труда названные политические свободы начали входить в сознание западного человека в качестве неотъемлемой, естественной составляющей правильного общественного устройства.

Представленные доклады сопровождались разнообразным обменом мнениями, высказанными как докладчиками, так и слушателями. Модераторами последовавшей дискуссии выступали **проф. Фаго-Ляржо (Коллеж де Франс) и Жан-Пьер Клеро (профессор университета г. Руана)**. В итоговых замечаниях Анн Фаго-Ляржо суммировала представленное разнообразие тем и точек зрения и выразила общее удовлетворение результатами творческого общения представителей различных стран и теоретических школ.

Примечания

- ¹ Работа подготовлена при финансовой поддержке гранта Российского Государственного Научного Фонда (РГНФ) № 09-03-00557а.
- ² *Милль Дж.С.* О свободе // О свободе. Антология западноевропейской классической либеральной мысли. Первая половина XIX в. М., 2000. С. 95–296.
- ³ *Audard C.* Les deux niveaux de la réflexion morale: Mill et Hare // *J-Y.Goffi* (ed.), *Richard Hare*. Paris, 2004.
- ⁴ См.: *Мюрберг И.И.* Великобритания: от либерализма экономического к социал-либерализму // Европейская политическая мысль XIX века. М., 2008.
- ⁵ *Varouxakis G.* Mill on Nationality. L., 2002.
- ⁶ *Audier S.* Tocqueville retrouvé – Genèse et enjeux du renouveau toquevillien français. Paris, 2004.
- ⁷ *Guillin V.* Auguste Comte and John Stuart Mill on Sexual Equality: Historical, Methodological and Philosophical Issues. Amsterdam, 2007.
- ⁸ *Urbinati N., Zakaras A.* (eds.). *J.S.Mill's Political Thought: A Bicentennial Reassessment*. Cambridge, 2007.

Об авторах

Баллаев Андрей Борисович – кандидат философских наук, старший научный сотрудник сектора истории политической философии Института философии РАН

Ильинская Светлана Геннадиевна – кандидат политических наук, старший научный сотрудник сектора истории политической философии Института философии РАН, преподаватель Государственного академического университета гуманитарных наук

Кагарлицкий Борис Юльевич – кандидат политических наук, директор Института глобализации и социальных движений

Касториадис Корнелиус (фр. Cornelius Castoriadis, 1922–1997) – французский философ греческого происхождения. Один из основателей группы «Социализм или варварство».

Нежелская Ирина Владимировна – аспирант факультета политологии ГАУГН Института философии РАН

Мюрберг Ирина Игоревна – кандидат политических наук, старший научный сотрудник сектора истории политической философии Института философии РАН

Пантин Игорь Константинович – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник сектора истории политической философии Института философии РАН

Самарская Елена Александровна – доктор политических наук, ведущий научный сотрудник сектора истории политической философии Института философии РАН

Солонникова Валентина Ивановна – младший научный сотрудник сектора истории политической философии Института философии РАН

Содержание

ПОЛИТИКА – НАУКА – РАЦИОНАЛЬНОСТЬ

<i>Самарская Е.А.</i> Наука как фактор организации масс: к истории вопроса.....	5
<i>Касториадис К.</i> «Рациональность» капитализма	21
<i>Нежелская И.В.</i> Интеллектуальная биография Корнелиуса Касториадиса	54

ИНТЕРПРЕТАЦИИ. КАПИТАЛИЗМ И ЕГО ИНСТИТУТЫ: СВОБОДНЫЙ РЫНОК VERSUS СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО

<i>Кагарлицкий Б.Ю.</i> Экономика принуждения: от империй к империализму	70
<i>Мюрберг И.И.</i> Т.Х.Маршалл и концептуальная история режимов гражданства	82
<i>Баллаев А.Б.</i> «Ранний капитализм» и перспективы социального государства	96

DIXI

<i>Пантин И.К.</i> Российский выбор: сделан, отсрочен, отменен?.....	119
---	-----

КАФЕДРА

<i>Ильинская С.Г.</i> Гуманитарное образование как фактор формирования гражданской идентичности.....	145
--	-----

КОНФЕРЕНЦИИ

<i>Солонникова В.И.</i> Обсуждение проблем демократии в современном мире.....	170
<i>Мюрберг И.И.</i> «Один весьма простой принцип»: к 150-летию выхода в свет работы Дж. С. Милля «О свободе»	186
Об авторах.....	193

Научное издание

Политико-философский ежегодник Выпуск 3

*Утверждено к печати Ученым советом
Института философии РАН*

Художник *Н.Е. Кожина*

Технический редактор *Ю.А. Аношина*

Корректор *Е.Н. Дудко*

Лицензия ЛР № 020831 от 12.10.98 г.

Подписано в печать с оригинал-макета 01.06.10.

Формат 60x84 1/16. Печать офсетная. Гарнитура Times New Roman.

Усл. печ. л. 12,5. Уч.-изд. л. 10,16. Тираж 500 экз. Заказ № 012.

Оригинал-макет изготовлен в Институте философии РАН

Компьютерный набор авторов

Компьютерная верстка: *Ю.А. Аношина*

Отпечатано в ЦОП Института философии РАН

119991, Москва, Волхонка, 14

Информацию о наших изданиях см. на сайте Института философии: iph.ras.ru

Вышли в свет

1. **Антропологическое измерение российского государства [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. В.Н. Шевченко. – М.: ИФРАН, 2009. – 214 с.; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0149-5.**

В коллективной монографии обсуждается одна из самых острых и малоисследованных проблем в отечественной философии и науке, связанная с теоретическим изучением отношения «российское государство–человек». На основе представлений об антропологическом измерении российского государства как императиве современной эпохи в монографии дается критический анализ состояния духовной культуры и социальных качеств российского человека, а также дается сопоставительный анализ качества политического руководства в России и в Китае.

Книга предназначена для научных работников, преподавателей, аспирантов, а также для широкого круга читателей, интересующихся историей и современными проблемами российского государства, положением человека в российском обществе, поиском новых принципов отношений между государством и человеком.

2. **Биоэтика и гуманитарная экспертиза: комплексное изучение человека и виртуалистика. Вып. 3 [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. Ф.Г. Майленова. – М.: ИФРАН, 2009. – 236 с.; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0147-1.**

Сборник представляет результаты исследований сотрудников сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики ИФ РАН в области комплексного изучения человека, завершенных в 2008 году. Авторы освещают новейшие проблемы биоэтики, гуманитарной экспертизы, антропологии и виртуалистики.

3. **Бурмистров, К.Ю. «Ибо Он как огонь плавильщика»: каббала и алхимия / РАН. Ин-т философии. – М.: ИФРАН, 2009. – 295 с.**

В монографии впервые в отечественной науке проводится сопоставление учений двух эзотерических традиций – каббалы и алхимии. При анализе особенностей интерпретации алхимических проблем в каббале используется широкий круг еврейских каббалистических и натурфилософских источников, а также тексты европейской алхимии XII–XVIII вв. Основным объектом исследования служит алхимико-каббалистический трактат «Эш мецареф» (XVI–XVII вв.), оригинальный текст и перевод которого публикуется в приложении. Монография предназначена для тех, кого интересуют история еврейской философии и мистики, а также европейская натурфилософия Средних веков и Нового времени.

4. **Гуревич, Павел. Расколотость человеческого бытия [Текст] / П.С. Гуревич ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М.: ИФ РАН, 2009. – 199 с. ; 20 см. – Библиогр. в примеч.: с. 193–198. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0144-0.**

Данная монография представляет собой развитие ряда идей, которые содержатся в работе автора «Проблема целостности человека» (М., 2004). Раскрывая смысл современного толкования человеческого бытия, автор

предлагает свое прочтение данной проблемы. Расколотасть человеческого бытия показана через бинарные оппозиции бытия и небытия, целостного и раздробленного, телесного и духовного, имманентного и трансцендентного, индивидуального и социального, идентичного и безликого, творческого и разрушительного. Особое внимание в монографии уделено анализу современных философско-антропологических концепций. В книге развивается ряд полемических сюжетов, обращенных к проблеме «смерти человека», «целостности человека», «распаду идентичности» и т.д.

5. **История философии. № 14 / РАН. Ин-т философии; Отв. ред. А.В. Никитин. – М.: ИФРАН, 2009. – 264 с.; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0125-9.**

Данный номер журнала включает статьи и публикации, посвященные главным образом философской мысли стран Востока. Основные темы статей, составляющих номер: индийская классическая философия, современная и средневековая арабо-мусульманская философия, еврейская каббала и восприятие ее идей в европейской культуре, методология китайской классической философии, язык и мышление в китайской культуре. В номере также публикуются статьи, освещающие проблемы средневековой западной философии, психоаналитического учения Э.Фромма, формирования русской философской лексики. Раздел «Переводы» представлен главой «Пратьяхша» (Очное восприятие) из «Ньяя-бинду» Дхармакирти с комментарием Дхарматтары, джайнским трактатом «Найя-карника», фрагментами из фундаментального сочинения ал-Газали «Возрождение религиозных наук». Издание рассчитано на историков философии, востоковедов.

6. **Кара-Мурза, А.А. Интеллектуальные портреты: Очерки о русских мыслителях XIX–XX вв. Вып. 2 [Текст] / А.А. Кара-Мурза ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М.: ИФ РАН, 2009. – 155 с. ; 20 см. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0136-5.**

Книга известного философа и политолога, доктора философских наук А.А.Кара-Мурзы представляет собой сборник оригинальных интеллектуальных биографий крупных политических мыслителей России XIX–XX вв. – Владимира Соловьева, Михаила Стаховича, Николая Волконского, Михаила Комисарова, Василия Караулова, Степана Востротина, Бориса Зайцева. Важной задачей автора является выстраивание «интеллектуальной родословной» либерально-центристской (либерально-консервативной) традиции в истории русской политической и философской мысли.

7. **Киященко, Л.П., Моисеев В.И. Философия трансдисциплинарности [Текст] / Л.П. Киященко, В.И. Моисеев; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М.: ИФРАН, 2009. – 205 с. ; 20 см. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0152-5.**

В монографии рассмотрена история становления и современные проблемы трансдисциплинарных исследований. Введено основание различения мульти-, меж- и трансдисциплинарных исследований. Представлено онто-логико-гносеологическое измерение опыта трансдисциплинарности, показаны его роль и значение для разрешения кризиса современной философии и науки, прояснены логико-философские основания трансдисциплинарных исследований в виде интегрального, интервального и субъектно-ориентированного

подходов. В книге показано, как феномен трансдисциплинарности сочетает в себе традиционные формы дисциплинарного научного знания с широким спектром знаний обыденного, коммуникативного, личностного и иного вида социального опыта, ориентируясь на горизонт универсального знания. Рассмотрены принципы обоснования философии трансдисциплинарности, обуславливающие практическую направленность в решении современных социо-гуманитарных проблем.

8. **Коммуникативная рациональность: эпистемологический подход** [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред.: И.Т. Касавин, В.Н. Порус. – М. : ИФРАН, 2009. – 215 с. ; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0145-7.

«Коммуникативная рациональность» – одно из наиболее дискуссионных понятий в современной философии. Его содержание определяется различными методологическими и эпистемологическими «парадигмами», спор между которыми имеет принципиальный характер и привлекает внимание исследователей во всем мире. В статьях, вошедших в этот сборник, освещены важные аспекты этого понятия, от логико-семантических до социокультурных. Обсуждаются возможности коммуникативной интерпретации эпистемологических проблем и эпистемологической интерпретации проблем коммуникации.

9. **Кричевский А.В. Образ абсолюта в философии Гегеля и позднего Шеллинга** [Текст] /А.В. Кричевский ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФ РАН, 2009. – 199 с. ; 20 см. –500 экз. – ISBN 978-5-9540-0142-6.

Книга представляет собой первую – общеметафизическую – часть монографического исследования, где предпринимается попытка на основе детальной проработки первоисточников и воспроизведения основных ходов мысли и интуиций Гегеля и позднего Шеллинга провести сравнительный анализ их учений об абсолюте. В центре рассмотрения – проблема бесконечности, свободы и триединства абсолюта как абсолютного духа, а также размышления о возможностях и пределах его умозрительного познания.

Предназначается философам, теологам и всем, кого интересуют фундаментальные проблемы метафизики и кто стремится выстраивать свободное и осмысленное отношение к религии.

10. **Культурные трансформации в современной России (соц.-филос. анализ)** [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. С.А. Никольский. – М.: ИФРАН, 2009. – 159 с. ; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0150-1.

В работе ставится цель прояснить функции культуры и культурные изменения в современной России. Авторы размышляют над вопросом о возможности культуры быть средством демократизации российского общества, об отношениях между культурой и властью с точки зрения укрепления гражданских начал, о статусе интеллигенции и «средней культуры», о путях минимизации последствий интеллектуальной эмиграции из нашей страны. Прослеживается динамика образов прошлого в советской и постсоветской России, анализируются характерные изменения в гендерном символическом

порядке. Применительно к российским условиям актуализируется концепция «символического обмена» Ж.Бодрийяра. Возможность преодоления социокультурного кризиса обосновывается наличием «сверхкультурного измерения», хранителями и наиболее адекватными аналитиками которых выступают философия и религия.

- 11. На пути к неклассической эпистемологии [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии; Отв. ред. В.А. Лекторский. – М.: ИФРАН, 2009. – 237 с.; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0151-8.**

В книге рассматривается ряд проблем, связанных с новым осмыслением классических сюжетов эпистемологии. Обсуждается сама идея неклассической философии и неклассической эпистемологии, а также такие вопросы, как конструктивистское понимание эпистемологии, рациональность как ценность познания, философии и культуры, проблема взаимоотношения теоретического и эмпирического знания в современном контексте, возможность нового понимания наглядного опыта и др. Все эти вопросы находились в центре внимания выдающегося отечественного философа Владимира Сергеевича Швырёва (1934–2008), который всю жизнь работал в Институте философии РАН и которому посвящена данная книга.

- 12. Наука: от методологии к онтологии / РАН. Ин-т философии; Отв. ред.: А.П.Огурцов, В.М.Розин. – М.: ИФ РАН, 2009. – 287 с.; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0138-9.**

Сборник подготовлен на основе докладов на семинаре Центра методологии и этики науки ИФ РАН и продолжает ранее вышедшие сборники по методологии науки. Основная идея данной книги заключается в том, чтобы показать осознание границ методологии и те процессы, которые привели к поискам новых онтологических единиц в различных науках и к выдвигению в философии новых вариантов онтологии. Вопрос о том, как анализировать предмет исследования, сменился поисками новых онтологических структур. Центральное место в сборнике (статьи А.П.Огурцова, Ф.Н.Блюхера и др.) занимают проблемы методологии истории и конструирование в исторических науках новых онтологических структур (событие, действие, ментальность и др.). Исследуется развитие классической логики и методологии науки, уясняются ее трудности и противоречия, приведшие к осмыслению новых предметных областей (статьи В.М.Розина, К.А.Павлова и др.). Сборник представляет интерес для философов, историков науки и гуманитариев различных специальностей.

- 13. «Наука и человеческая природа: российская и западная перспектива», конф. (2008; Вако (США)). Международная конференция «Наука и человеческая природа: российская и западная перспектива», 6–8 ноября 2008 г. [Текст]: [материалы] / Отв. ред. В.К. Шохин. – М. : ИФРАН, 2009. – 207 с. ; 20 см. – В надзаг.: Рос. акад. наук, Ин-т философии. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0153-2.**

Сборник включает тексты докладов философов, антропологов и теологов, посвященных широкому спектру антропологической проблематики, которые были представлены на международной конференции «Наука и человеческая

природа: российская и западная перспектива» (Бэйлорский университет, г. Вако (Уэйко), шт. Техас, США). Доклады демонстрируют многообразие подходов к проблеме человека со стороны экспериментальной науки, аналитической философии и историко-философских и теологических исследований.

- 14. Ориентиры... Вып. 5 [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. Т.Б. Любимова. – М. : ИФ РАН, 2009. – 215 с. ; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0132-7.**

Пятый выпуск сборника «Ориентиры...» продолжает избранную авторами общую для всей серии тему метафизики как важной части философии. Конкретизацией главной темы для данного выпуска нами принята следующая сюжетная линия: миф, утопия, проект, прогноз. В границах этого смыслового поля каждый автор решает проблему, которая представляется ему значимой: здесь исследуются доминирующие в общественном сознании парадигмы, соотношение метафизики и науки, эзотерические построения антропософии, Розы Мира, а также метафизические аспекты социальных утопий и революций.

- 15. Политико-философский ежегодник. Вып. 2 [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. И.К. Пантин. – М. : ИФРАН, 2009. – 207 с. ; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0146-4.**

Второй выпуск «Политико-философского ежегодника», издаваемого Отделом социальной и политической философии ИФ РАН, открывается рубрикой «Россия сегодня». Статьи этой рубрики знакомят читателя с проблемами и трудностями демократического строительства в России. В рубрике «Интерпретации» выделяется статья А.Г.Мысливченко, где автор анализирует опыт и противоречия т.н. шведской модели социализма. В этом выпуске Ежегодника мы начинаем рубрику «Визитная карточка», где будем знакомить читателей с творчеством современных ученых – политологов и обществоведов.

- 16. Политико-философский ежегодник. Вып. 2 [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. И.К. Пантин. – М. : ИФРАН, 2009. – 207 с. ; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0146-4.**

Второй выпуск «Политико-философского ежегодника», издаваемого Отделом социальной и политической философии ИФ РАН, открывается рубрикой «Россия сегодня». Статьи этой рубрики знакомят читателя с проблемами и трудностями демократического строительства в России. В рубрике «Интерпретации» выделяется статья А.Г.Мысливченко, где автор анализирует опыт и противоречия т.н. шведской модели социализма. В этом выпуске Ежегодника мы начинаем рубрику «Визитная карточка», где будем знакомить читателей с творчеством современных ученых – политологов и обществоведов.